

Алексей Лукьянов

Бандиты

Книга первая
ЛИКВИДАЦИЯ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательство «Этногенез»
Москва, 2013

ПОПУЛЯРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Издательство
«Популярная литература»
Москва, 2013

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л58

*Книга издана при поддержке
деловой газеты ВЗГЛЯД, ДНИ.РУ, RUSSIA.RU*

Лукьянов, А.

Л58 Бандиты. Книга первая: Ликвидация / Алексей Лукьянов — М.: Издательство «Этногенез», 2013. — 272 с.

Петроград, 1920 год. Волна преступности захлестывает колыбель революции. Бандиты, представляясь чекистами, грабят народ — это называется «самочинка». Шайка Ваньки-Белки долгое время держит в страхе весь город. В условиях, когда человеческая жизнь не стоит ни копейки, сотрудники уголовного розыска всеми силами пытаются сдержать натиск преступников. Богдан Перетрусов, внедрённый в питерское криминальное сообщество, расследует загадочное убийство ведущего агента угро. Смерть последнего тесно связана с ограблением Эрмитажа и таинственным артефактом — Тритоном, некогда принадлежавшим самому Иоанну Кронштадтскому.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш81

ISBN 978-5-906338-07-5

© Рыков К., 2013
© Лукьянов А., 2013
© Издательство «Этногенез», 2013

ЧТО ТАКОЕ «ЭТНОГЕНЕЗ»?

Почему, по убеждению Артура Кларка, магия и технология неотличимы?

Почему человек начал искать пути к достижению будущего, лишь обретя прошлое?

Какими путями осуществляется развитие человечества, какие средства используются?

Как удастся простому кочевнику покорить полмира, а никому неизвестному лейтенанту-артиллеристу стать императором и кумиром миллионов?

Нищий художник-неудачник вдруг открывает в себе дар убеждения необычайной силы и взмывает к вершинам власти. Но этот дар направлен во зло, и что сумеют противопоставить ему те, кого новый вершитель судеб обрекает на смерть?

Откуда приходят в наш мир воины, политики, ученые, художники, писатели, которым суждено не просто оставить след в истории, а изменить ее ход? Жестокие диктаторы, безудержные авантюристы, фанатичные террористы и гениальные философы — чем отличаются они от обычных людей?

Возможно ли разгадать тайну их «сверхспособностей» — феноменальную память, необычайную выносливость, выдающуюся силу, а порой и просто откровенно мистические свойства?

Выдающийся историк-этнограф Лев Гумилев в поисках ответов на эти вопросы разработал теорию пассионарности, основу которой составляет идея об избыточной биохимической энергетике тех, кому суждено перевернуть мир.

Литературный сериал «Этногенез» продолжает и развивает идеи выдающихся ученых А. Кларка и Л. Гумилева. «Этногенез» — это оригинальная версия эволюции человечества, и лучшие современные авторы-фантасты представляют на суд читателей свои романы-объяснения.

Легенда гласит, что развитие человеческой расы направляет и ускоряет некая «пассионарная» энергия, существующая в виде магических артефактов — тотемных фигурок из неизвестного металла. Известно, что эти фигурки становились бесценными амулетами, попадали на гербы, делаясь родовыми знаками, и за ними велась напряженная, ни на миг не прекращающаяся охота, в которой все средства хороши.

Люди — случайные или избранные — завладев одной либо несколькими подобными фигурками, получают возможность влиять на течение собственной жизни, воздействовать на окружающих и даже на ход исторических процессов.

Человек, в зависимости от конкретного свойства фигурки, может стать бессмертным, невидимым, понимать все языки мира, проходить через стены, видеть будущее... Перед ним раскрываются захватывающие дух возможности, которые он волен использовать по своему усмотрению.

Тайна фигурок строго хранится. Но существуют «намёки», сообщающие о том, что перед нами владелец предмета. Отличительный признак — разноцветные глаза (зеленый и голубой).

Именно эта особенность позволяет людям, причастным к магическим фигуркам, узнавать друг друга. Однако не все этому рады. В ход идут всевозможные ухищрения — темные очки, контактные линзы и даже «пиратские» повязки на глаз...

Артефакт действует только при соприкосновении с телом человека. Например, если зажат в руке или висит в виде амулета под одеждой. Нелегкая судьба заставляла некоторых владельцев прятать фигурки и под кожей, и внутри тела. На любые жертвы готов порой пойти владелец, лишь бы сохранить у себя предмет, дающий преимущество над «простыми смертными».

Для беспокойства владельцев есть много причин. Одна из главных — целые сообщества людей, чья цель — сбор предметов и контроль над ними. Это так называемые Хранители. Духовные ордена, масонские ложи, криминальные группировки — любые организации могут быть для них прикрытием. Изначально благородные цели Хранителей — собирать предметы, чтобы оградить мир от потрясений, случись магическим фигуркам попасть в дурные руки — потерпели крах. Ничто человеческое оказалось не чуждо им тоже.

Для сбора предметов Хранители прибегают к помощи Охотников — людей, способных находить магические артефакты. Гениальные сыщики и отъявленные головорезы порой действуют бок о бок, выполняя задания Хранителей. Но не каждому из них, раздобыв заказанный предмет, удастся избежать искушения сделаться новым владельцем.

Действие литературного сериала «Этногенез» происходит в самых разных местах и эпохах. Скитания пещерных людей, величайшие битвы античного мира, расцветы и падения империй. Пиратские приключения в карибских водах, сражения

могущественных армий, кровавые революции. Компьютерные вирусы, мировые катаклизмы, освоение глубин земли и далекого космоса — везде, где есть человек, творится История.

Для перемещения сквозь пространство и время герои используют линзы — особые порталы, история создания которых, точное количество и места расположения пока неизвестны. Линзы, как правило, охраняют таинственные существа — «хихикающие демоны».

Обычный человек, попадая в линзу, не знает, где и когда он выйдет из нее. «Управлять» линзами способны лишь Странники — люди, путешествующие во времени и пространстве с определенными целями.

Помимо людей на Земле существует раса так называемых Прозрачных — инопланетная цивилизация с собственными интересами и задачами. Как правило, они стараются находиться рядом с магическими артефактами.

Все книги проекта связаны между собой. Собранные воедино, они раскрывают перед читателем захватывающую картину человеческой истории. Как зародилась разумная жизнь, как она развивалась и есть ли у нее шанс на выживание — об этом и рассказывает «Этногенез».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БОЛЬШОЕ И ТАИНСТВЕННОЕ ДЕЛО

1920 ГОД. БАНДИТСКИЙ ПЕТРОГРАД

За свои четырнадцать лет Колька Шкелет чем только не занимался. Был карманником, налетчиком, наводчиком, стоял на стреме, а теперь вот — стукачом заделался. Хотя дядь Шура говорит, что это воровское понятие, а значит — контрреволюционное. И если Колька Шкелет хочет порвать с позорным уголовным прошлым и стать советским гражданином Николаем Григорьевым, то надо понимать, в чем разница между стукачом и секретным сотрудником уголовного розыска.

Карманником Колька пробыл недолго — промышлял на толкучке, на Сенном, сам по себе и залез случайно в карман к Живому Трупу. Откуда ж он мог знать, что это фартовый? Колька и представить тогда не мог сколько именно существует мастей у питерских воров, он и воровать-то пошел с голодухи, потому что в ночлежке не кормили. А оказалось, что в воровстве правил и законов куда больше, чем у обычных фраеров. Так Кольке пальцы и отстегнули, одни култышки остались. Это Ванька Бальгаузен по прозвищу Живой Труп называл «учить дурака».

Он всяко учил — ухо мог отрезать, кончик носа, мог «лягушачьи лапки» сделать. Большой был затейник. И банду себе набрал из таких вот «ученых дураков». Только со шмарой своей, Манькой Соленой, боялся так обходиться. Она, говорили, прошлому своему хахалю отрезала кой-чего по пьяной лавочке. Может, и ввали, но Живой Труп проверять не хотел.

Ванька Бальгаузен и до революции гоп-стопом промышлял, после в самочинщики подался, но там на улицы такие звери вышли, не мелкому Ваньке с ними было тягаться. Снял он с себя форму революционного матроса и вернулся к гоп-стопу. Однако хотелось ему выдумки, форсу, чтобы знали все, что Бальгаузен — это вам не мелочь какая-то, а вор с фантазией.

Был у него жестянщик знакомый, Демидов, пропойца, тот и подал идею. Возвращался с Большеохтинского кладбища, да увидел покойника, ажно протрезвел. А оказалось, что не покойник то был, а тряпка белая за куст зацепилась. Вот Ванька и придумал окучивать таких бедолаг. Демидов наделал масок-страховидл из жести да пружины на боты приладил, а Манька из старых простыней саванов нашила. Сначала Ванька сам на промысел ходил, прохожих пугал, а после придумал малолеток вместо себя отправлять. Они на тех пружинах куда как ловчее скакали, да и страху в них поменьше. Подумаешь, поймают такого шутника. Мало ли, игрался малец.

Обычно два-три «покойника» загоняли ночью припозднившегося бедолагу страшным воем на кладбище, а Ванька того и обирал до нитки. Мог и голышом оставить, если исподнее было не слишком изношенным. Колька Шкелет в банде ходил на ходулях, умел запросто перешагивать через ограды и подбирался так тихо, что жути наводил даже на подельников.

Ванька так озоровал почти два года и действительно — стал знаменит. Он на Большеохтинском кладбище промышлял, а его

дело подхватили на Смоленском, что на Ваське, да, говорят, и в Москве такие же «покойники» объявились. Ванька был счастлив. На том счастье и погорел.

Мусора его долго терпели, потому что душегубства Ванька на себя брать не решался. Он и ствол-то никогда из кармана не вынимал — боялся. Но в последнее время не то народ осмелел, не то сам Живой Труп масть сменить захотел, да только пришлось ему шмальнуть пару раз. И оба раза — наповал. И главное — ни за понюшку табаку фраеров завалил. Только костюмы у господинчиков кровью зря заляпал, и всех-то сокровищ у них — у одного кольцо обручальное, у другого мундштук слоновьей кости.

После этих «мокрых» случаев уголовного «попрыгунчиками» заинтересовалась. Колька Шкелет пару раз срисовал на Большеохтинском мента, решил его пропасти до уголовки, чтобы убедиться, что это и впрямь мент, да только сам попался. Возле Ракова, бывшей Итальянской, преследуемый вдруг исчез. Колька пометался-пометался, пытаясь взять след, да и решил восвояси валить, и так слишком далеко от своих ушел, однако в этот момент его и ухватили за шиворот.

— Ты чего это за мной ходишь?

— Отпусти, дяденька!

— Как я тебя отпущу, может, ты наводчик бандитский?

— Не докажешь ничего, мент позорный!

— Вон ты как заговорил!

И тотчас два пальца так больно сжали мочку уха, что Кольке моментально расхотелось сопротивляться. Так и довел его мент до уголовки — площадь Лассаля, дом три.

Мент прошел, держа Кольку за ухо, мимо часовых, по лестнице на второй этаж, налево, и они оказались в просторной комнате, заставленной кучей столов. Вдоль стен сидели и стояли

посетители разной степени классовой близости: были здесь и крестьяне, и ремесленники, и буржуйского вида фраера, как правило — с синяками, царапинами, с забинтованными руками и головами. За столами сидели молодые в основном парни, сами вида крайне бандитского, и что-то записывали со слов посетителей. На буржуйке у окна закипал чайник.

Появление Кольки и мента сразу оживило скучную обстановку. Парни отвлеклись от писанины и весело забалагурили:

— Шурка, ты откуда такого матерого бандита притащил?

— Э, товарищ Скальберг, ты отделом не ошибся? Карась принимает в кабинете напротив.

— погоди, это не тот «килечник», который намерен несгораемый шкаф упер с трубочного завода?

На это товарищ Скальберг лишь ухмылялся. Он усадил Кольку на табурет рядом с буржуйкой и пригрозил:

— Вздумаешь бежать — расстреляю на месте, — и красноречиво показал висящий на ремне наган.

Колька и не думал. Он изрядно продрог, пока «пас» мента. Еще бы — пехом от Охты до Мойки, не жрамши, и ради чего, спрашивается? Что, Ванька спасибо скажет?

На колени Кольке упал кусок хлеба и кругляшок колбасы.

— Ешь, — сказал Скальберг.

Вообще-то брать хавку у мента — запахло. Он же не по доброте душевной тебе предлагает, легавые — корыстные твари. Но жрать хотелось слишком сильно. Ванька Бальгаузен не особенно заботился пропитанием банды — сколько-то кинул со стола, и кроите, как умеете. Обычно делилось все между теми, кто постарше, младшим доставались лишь обеды. Колька же, хоть формально к старшим и относился, выглядел младше своих лет, поэтому в дележке свою долю отбить не умел.

И он схоямчил ментовский хлеб, ни крошки про запас не оставив, и колбасу проглотил, даже вкуса не почувствовав. Скальберг ухмыльнулся и дал еще. Колька приготовился расправиться и с этой порцией, но Скальберг сказал:

— Не торопись.

Налил из чайника в настоящую фарфоровую чашку кипятку, накрошил туда морковной заварки и, едва вода приобрела характерный цвет, протянул Кольке кусок сахара.

— Пей, быстрее согреешься.

Колька решил, что теперь отказываться вообще не имеет смысла, и принялся прихлебывать подкрашенный кипяток и закусывать его серым сахаром. Скальберг сел напротив.

Выглядел он очень взрослым, почти старым — усики, зачесанные назад гладкие темные волосы, худое вытянутое лицо давно не высыпавшегося человека. Но оказалось, что он старше Кольки всего-то лет на десять. Впрочем, узнал Колька об этом много позже.

— Давай, друг ситный, признавайся — на каком основании преследовал сотрудника уголовного розыска? — спросил Скальберг, когда Колька окончательно осоловел от сытости и тепла.

— Отвянь, дай поспать.

— Перебьешься на изжоге. Говори, зачем меня пас?

— Да чего тебя пасти, у тебя на морде написано — легавый.

— Уж больно ты дерзкий. Зовут-то тебя как, обморок?

— Не твое дело.

— А вот запрю тебя в одной камере с урками отпетыми, посмотрим, как ты запоешь.

— Прав не имеешь!

— Очень даже имею. Должен же я установить твою темную личность, если ты мне не говоришь, как тебя зовут.

— Сам ты «темный», меня Колькой зовут, Шкелетом.

— Это фамилия такая — Шкелет?

— Сам ты фамилия. Кликуха у меня такая.

— А фамилия?

— Григорьев.

— Ну вот, теперь можно с тобой уже как с нормальным человеком говорить, а не как с уголовным элементом.

Через час Колька вышел через коридоры и внутренние дворы к Екатерининскому каналу, дал большого крюка через Михайловский сад и пошел к себе, на Охту. Теперь он был секретным сотрудником под псевдонимом Лев. Это Скальберг придумал — мол, ты, Колька, такой худой, что надо бы тебе придумать псевдоним Толстый, но это показалось обидным, и потому Толстого Скальберг переделал в Графа Толстого. Быть графом Кольке тоже не улыбалось, потому дядь Шура записал Кольку Львом.

Спустя два дня Шкелет прибежал прямо на хазу к Бальгаузену и взволнованно рассказал, что ходят тут какие-то, не то артельщики, не то просто кустари-одиночки, и вроде с них есть чем разжиться. Ванька вытолкал Кольку взашей да еще и напил по тощему задку — мол, не твоя забота фраеров высматривать.

Но Колька оказался прав — действительно, стали появляться то тут, то там артельщики, говорили, что с-под Новгорода, плотничают на новую власть, и вроде захоронку буржуйскую нашли, и теперь барыш карман жег, искали женской ласки и веселой жизни.

Бальгаузен и решил деревенских «попугать». Сам решил, потому что мужики были хоть и не дюжие, но в случае чего могли мелким шкетам и по шеям надавать. Взял с собой на дело только старшаков и пошел. Да только «артельщиками» оказались начальник угро Кошкин и его помощник Скальберг. Не успели «попрыгунчики» завывать-заулюлюкать, как достали менты волены, положили всех мордами на землю и повязали. Потом на хазу

уголовка нагрянула и повязала всю банду: и Маньку Соленую, которая как раз новый саван на машинке строчила, и жестянщика Демидова, починявшего боты с пружинками. Так история «попрыгунчиков» и закончилась.

Колька рассчитывал, что его, как и прочих «попрыгунчиков», определят в какую-нибудь колонию или школу-коммуну, где жизнь, конечно, тоже не сахар, но все же кормят регулярно, однако у Скальберга были совсем иные планы.

— Николай, есть у меня к тебе серьезное и опасное поручение, — сказал дядь Шура, когда Колька спустя два дня объявился на условном месте. — Заставить я тебя не могу, но кроме тебя никто не справится.

Ванька Белов по прозвищу Белка, как и его незадачливый тезка Бальгаузен, начинал криминальную карьеру еще до революции. Гоп-стоп, кражи, душегубство, полный набор. После Октября, приглядевшись к методам новой власти, перешел в самочинщики.

Самочинка — это просто. Приходят к какому-нибудь мелкому буржую трое в кожаных куртках, машут перед носом бумажками — мол, чекисты, мандаты при нас. Хозяину дают ознакомиться с бумажкой — постановление об обыске и реквизиции, и даже какая-то размытая печать и подпись. Вызывают понятых, заставляют расписаться и начинают обыск. Выгребают все, что на хате есть, подчистую, складывают на подводу и, если кто возмущается, дают расписку: «ивица на улицу Гороховую дом 2 в комнату 102, к товарищу Белову». Где ж бедному знать, что его попросту ограбили? Реквизиции в ту пору были явлением распространенным — деньги-то новой власти нужны, вот и национализировали все подряд. И если уж кто владел золотом-бриллиантами, их в первую очередь экспроприировали.

Тот, кто происхождения пролетарского, конечно, идет в ЧК, предъявляет часовому «пропуск» — мне, мол, к товарищу Белову, разобраться, на каком таком полном праве... А часовой ну ругаться: какой товарищ Белов? нет у нас Беловых! бумажка липовая, вас таких уже знаешь сколько?! Дуй за угол, на Адмиралтейскую, 8, там уголовкой занимаются, а у нас здесь контру ловят.

Делать нечего, приходит человек на Адмиралтейскую, где тогда уголовка на третьем этаже заседала. Обнесли бедного, забрали последнее — брегет дедовский, наградной, пару золотых имперIALов, кое-как сколоченных за несколько лет, серьги золотые покойной жены, кольцо обручальное да овчинный полушубок... А там уже полный коридор таких же бедолаг, и все — к товарищу Белову.

Но это только если бог миловал, вразумил и смелости дал меньше, чем достаточно. Бывали случаи, когда гражданину не нравились лица «чекистов», пришедших с обыском. Начинал бедняга права качать: мол, подпись неразборчивая и печать фальшивая. Ладно, если только бока такому смельчаку намнут, руку сломают или глаз выбьют — считай, легко отделался. А могли и застрелить, и зарезать.

Ванька-Белка работал сначала с опаской. Самочинщиков кругом полно, все хотят свой кусок урвать. Набрал Ванька в подручные пару проверенных ребят, через наводчика верного, который на Сенном рынке терся, находил какого-нибудь зажиточного мещанина и просто под видом чекистов грабил. А потом решил — чего я буду почем зря рисковать? Подмял под себя несколько банд самочинных, которые тоже по трое-четверо ходили, и уже они ему часть награбленного отдавали. И набрал Белка силу такую, что о нем по всему Питеру с опаской шептаться

стали — дескать, и вправду у него в ЧК рука есть, если поймать его не могут. А пойдя его поймай, когда и на Мойке грабят, и на Обводном, и на Лиговке — и все оставляют записку: «ивица на Гороховую, 2...»

Подсчитали в уголовке количество самочинных реквизиций, сравнили почерк преступлений, и получилось, что в банде у Белки не меньше полусотни голов, это если с наводчиками считать. А народ-то волнуется, и из ЧК грозят — что, мол, вы там, не можете бандюков уgomонить? Война, контрреволюция кругом, а тут еще разухабилась разная тварь. Кровь из носу — ликвидировать бандитизм. А как его ликвидируешь, если половину старой сыскной службы, которая еще при царе была, поубивали во время переворота? Старые картотеки с отпечатками пальцев и фотографиями королей преступного мира уничтожили. Через день да каждый день агентов угрозыска то в подворотне, то при исполнении убивали — нет закона кроме ствола и заточки.

Начальник угро Кошкин решил сосредоточиться на самых одиозных фигурах. И Белку поручил своему заму Скальбергу. Скальберг хоть молодой и всего два года грабителей и душегубов ловил, а уже опытный сыщик. Единственный у него недостаток — теперь вся питерская кодла в лицо знала Скальберга и походку его в темноте различала. Скальберг не был ни ловким, ни сильным, ни отменным стрелком, но хитростью и умом брал за десятерых. Он это называл «логикой», что выдавало в нем человека явно непролетарского происхождения, но народу в уголовке не хватало, и потому никто особо не спрашивал у Александра, какого он роду-племени. Ловил жуликов да бандитов пачками — и на том спасибо.

Скальберг не скрывал от коллег своих методов. С восемнадцатого года он поймал на крючок столько мелких жуликов, что

они стучали ему, словно дятлы в погожий день. Где заныкали вещички после гоп-стопа у Пассажа, кто наводчик у Вовки Лысого с Заневского, кого из подельников завалил Оська-Грузин, зачем Микита Майский в Америку собрался или кому Молдаван краденые ордена с бриллиантами проиграл, почему Юрка-Жандарм и Коська-Кучер один за другим кони двинули, и почему Юрка за себя хотел Меченого оставить, и где нынче пьет Борька-Дирижер... вся эта информация стекалась к Скальбергу, он ее анализировал и в нужный момент прибывал по нужному адресу затемно, брал клиентов тепленькими и пьяненькими, чтобы с рассветом тщательно и, чего греха таить, иногда с пристрастием допросить.

Но с Белкой так — с наскоку — не получилось. Несколько осведомителей Скальберга нашли заколотыми, утопленными или удушенными, обязательно с вырезанными языками, и при каждом записка: «Таварищу Скалбигру с пралитарским приветам». Агентура Скальберга затаилась и не шла на контакт ни при каких обстоятельствах. Александр стал глухим и слепым.

Будь он начинающим агентом, не засвеченным еще в облавах или ликвидациях, Скальберг сам бы внедрился в банду, но когда тебя каждая собака по запаху узнаёт, даже накладная борода и грим не помогут.

Поэтому, когда на горизонте появился Шкелет, Скальберг сразу его завербовал. Пацан из Охты, не попадался ни разу, наверняка мелкая сошка, его вообще никто не знает. Внедрить его в качестве наводчика, а там, глядишь, Колька и подберется к Белке настолько, чтобы узнать, где бандитская берлога.

Шкелета через третьи лица перевели на Лиговскую, в ГОП. Привыкший к воровским понятиям, Колька довольно быстро освоился в этой огромной блат-хате, и его очень скоро

определили в наводчики. Занятие было знакомое, и Колька добросовестно пас на Сенном фэаров, выменивающих на жрачку колечки да цепочки, портсигары да сережки. Держась на почти-тельном расстоянии, провожал до квартиры, а после по адресу приходили совсем другие люди и обносили, пока хозяин снова отправлялся на Сенной, менять серебряную ложку на пшено или муку.

На связь со Скальбергом Колька должен был выйти сам, как только появится зацепка на Белку. И молчал до середины мая, но зато уж когда заговорил, так это просто песня была.

— Дядь Шур! — заорал Колька чуть не с порога.

Тут же в него полетел чайник, ладно хоть — пустой, но все равно — тяжелый.

— Ты чего палево наводишь, малой? — зашипел на него Скальберг.

Колька сразу съежился и забился в угол возле двери. Скальберг натянул сапоги на босу ногу, подошел к буржуйке и начал запихивать туда щепу.

— Отомри уже, малахольный. И чайник принеси.

Колька вылез из угла, опасливо поглядывая на сердитого, вновь не выспавшегося Скальберга, поднял чайник.

— Воды набери, вон, в бочке.

Пока Колька выполнял его просьбу, дядь Шура достал откуда-то обмылок, помазок и дамское зеркальце. Поставил тазик меж ног, посмотрел на подоспевшего Шкелета и распорядился:

— Лей на руки.

Умывшись в два приема, Скальберг водрузил чайник на печку.

— Говори. Только тихо и коротко.

Колька раскрыл рот.

— Стоп. Ты один был?

— Да я такого крюка дал, чуть сам не заблудился. С Лиговской до Обводного сначала уходил, потом чуть не до Пряжки усвистал, потом до Невы, вдоль нее к Зимней канавке...

— Да мало ли как ты ходил, главное, чтобы хвоста не привел! Тебя могли и не пасти, просто ждать у входа и там срисовать. Ничего подозрительного не видел?

— Че мне, впервой, што ли?

— Только не надо мне здесь опытного разыгрывать, я два года в уголовке, и то не все еще знаю, а ты?! Говори, почему прямо пришел, не дождался связи?

— Завтра сходка.

— Чего?!

Это была не просто удача — это был весь банк. Бандитская сходка, на которой соберётся вся шайка. Наверняка затевается какое-то большое дело. И Кольку тоже туда позвали?!

— А тебя туда как занесло?

— Ритка Булочкина раз не смогла на дело пойти. Я им фраера выпасал до Миллионной.

— Миллионная... так это где позавчера хату ограбили, где окна на Певческий?

— Ага.

— И это ты их навел?

— Я.

Скальберг почесал затылок. На Миллионной нашли два мертвых тела. Говорить об этом Кольке, наверное, не стоило.

— Ну ты хват. И тебя вот так, с одного дела, зовут на настоящий сходняк?

— А чего такого? У меня эта... как ее... репутация.

Как-то все слишком гладко получалось. С другой стороны, Колька втирался в доверие не меньше двух месяцев, тоже срок.

— И где сходняк?

— Не знаю. Сказали — в полдень на Балтийский вокзал, там скажут, куда прыгать.

Ну конечно, с полудня оттуда уходит один за другим сразу несколько поездов, чтоб нельзя было заранее просчитать, в каком направлении хаза. Да еще и не факт, что поедут, может, просто глянут, один ли приехал, не привел ли кого. Пройдет проверку — возьмут на сходняк, не пройдет...

— Что-то мне это не нравится, — сказал Скальберг. — Надо это обмозговать.

Вода в чайнике согрелась. Скальберг плеснул горячей воды в жестяную мыльницу, вспенил обмылок и намылил щеки.

— Зеркальце поддержи, — велел он Кольке и раскрыл бритву.

Тщательно пробривая каждый сантиметр кожи, Александр просчитывал, как произвести опознание бандитов и вывести Кольку из-под удара. В случае неудачи Шкелет должен быть вне подозрений.

— Сделаем так, — сказал Александр, добрив левую щеку. — Поверни. Выше. Вот так держи. Меня на вокзале не будет. Держи выше, говорю. Не корчи рожу, не будет на вокзале вообще никого из нашего отдела. Нас всех как облупленных знают. Пойдут люди из отдела Карася, это те, кто карманниками занимается. Увидишь бандитов — волну не гони, не оглядывайся, наши вас пропасут. Хотя, скорей всего, липа это, просто проверка. Короче — води себя тихо, фартового не изображай. Все понял?

— Все.

— Повтори.

Колька послушно забубнил:

— Засветить бандита, не гнать волну...

— Эх, Колька, страшно мне тебя посылать. Засыплешься.

— Че мне, впервой, што ли?

— Так ты до сих пор с настоящими-то душегубами дела не имел. У них знаешь какое чутье? Как у зверя. Под смертью каждый день ходят, потому и фартовыми себя называют, что живые до сих пор. В общем, твое дело маленькое — на вокзале только глазами покажешь, кто да кто из банды, остальное наши за тебя сделают. Ничего не бойся, сработаем, как с Живым Трупом.

— Конечно, дядь Шур, все сделаю в лучшем виде.

Это была их последняя беседа.

Операция с самого начала пошла не так. Агенты по розыску карманников срисовали Шкелета в толпе сразу и терлись неподалеку. Колька стоял на перроне, меж двух свистящих и дышащих паром составов — один до Ораниенбаума, другой до Красного Села. Пару бандитов Колька показал сразу, и агенты перестроились, чтобы не упустить их в толпе.

Тронулся поезд на Красное, платформа окуталась паром, и эти двое поспешили на выход. Карась, руководивший операцией, тут же направил двоих подчиненных следить за бандитами. Он всего на мгновение упустил из виду Кольку, к тому же на платформе оставалось еще три агента, но, когда дым и пар рассеялся, Кольки в толпе уже не было, будто растаял.

Агенты бросились в ораниенбаумский поезд, и тут случился скандал — их не пускали в вагоны. На скандал прибыли сотрудники транспортной ЧК, началось долгое разбирательство, и ушел второй поезд. По счастью, в него успел-таки вскочить один из агентов Карася. Он протолкался через пару вагонов в поисках Коли, но мальчика не было ни в одном из вагонов. На Дачной агента сняли и препроводили в ЧК.

Начальник уголовного розыска Кошкин рвал и метал. Карась не знал, куда деваться — провели на мякине стреляного воробья!

Хуже всего было Скальбергу. Кольку наверняка раскусили прямо на вокзале. Черт, ну неужели нельзя было изучить расписание? Два поезда с одной платформы, ну это же явно шанс пустить по ложному следу. А транспортные чекисты? Вот с кем нужно было улаживать дела, они бы своих агентов сразу в поезда поместили, чтобы проследить, куда поедет Коля...

Следующие двое суток вся уголовка жила безумной надеждой, что бандиты ничего не заподозрили. Однако через два дня недалеко от Балтийского вокзала путевые обходчики нашли изуродованный труп подростка с запиской «с пралитарским приветам...».

Скальберг увидел Колю Григорьева уже голым, на мраморном столе в морге, со следами пыток и запекшимися ножевыми ранами на тощем, не сформировавшемся окончательно теле. На лбу у Коли кто-то вырезал — «Лев».

Это был самый сокрушительный удар, который когда-либо получал Скальберг. Тут бы запить, но возможности не представлялось — Белка после убийства Коли Григорьева внезапно сменил почерк, и работы стало ещё больше.

Обычно головорезы Белки предпочитали грабить хаты. Обносили они, конечно, и церкви, и кустарные мастерские, и склады, но, как правило, места, закрытые от случайных взглядов. Но вдруг что-то изменилось. Будто после страшного убийства Коли Григорьева Белка совсем края потерял и бросился, как бешеный волк, резать направо и налево, оставляя для легавых издевательские записочки.

Первым убили госслужащего Сеничева. Он с женой и матерью шел дворами с Моховой на Фурштатскую (и понесло же его напрямик, там обогнуть-то всего ничего), и во дворе дома номер семь по Литейному их встретили четверо. По свидетельским

показаниям жены Сеничева, четверо сначала их ограбили, а потом сделали попытку насильничать. Сеничев вступил в схватку и был застрелен в упор, после чего бандиты забили смертельно раненного мужчину ногами. Когда Сеничев испустил дух, бандиты велели передать пролетарский привет от Ваньки-Белки и скрылись.

Вторым погиб Куликов. Он работал шофером, и бандиты пришли за ним прямо в гараж, расположенный в Апраксином переулке. Куликов тоже был не робкого десятка, попытался отбиться пусковой рукояткой и даже одного, похоже, зацепил — на рукоятке остался клочок рыжих волос. Его изрешетили из револьверов и тоже оставили сообщение от Белки.

Коллеги Скальберга видели, что эти две смерти обычных штатских взволновали сыскаря почти так же, как гибель Шкелета. Никто в уголовке не понимал — зачем Белке такая мелкая дичь? Он же ищет, где кусок жирнее! Однако Скальберг, похоже, понимал больше, чем прочие, — постоянно черкал перед собой какие-то схемы, стирал, чертил снова, но вытянуть из него не могли ни слова. Думали — слишком переживает неудачу. Кошкин пытался объяснить, что Александр не виноват, что Белка распоясался и они все равно его найдут, но Скальберг не унимался — носился целыми днями по городу, разыскивая кого-то.

Когда Скальберг не пришел на работу, Кошкин немедленно отрядил несколько агентов к нему на квартиру. Дома, на Расстанной, Александра не было, зато в его пиджаке обнаружилась записка: «Шурка, приходи завтра в 8 часов вечера на Таиров переулок, дом 3, где ты получишь важный материал по интересующему тебя большому и таинственному делу». Исполненные самых дурных предчувствий, агенты отправились по указанному адресу.

Если и было в Питере место, где агенту из уголовки не следовало появляться в одиночку, — так это Таиров переулок. Он и сто лет назад был клоповником, и до сих пор таковым оставался. Особенно не следовало сюда соваться Скальбергу, потому что большинство малин и притонов накрыли в Таировом под его руководством.

Скальберга нашел Завет, палевый беспородный пес, на нюх которого полагались, как на господ бога. Он сразу взял след, несмотря на то что пахло кругом лишь человеческими испражнениями, горелой бумагой и кислой капустой. Квартира, на дверь которой начал лаять пес, оказалась не заперта, хозяева, если таковые и имелись, давно не появлялись дома. В абсолютно пустой комнате с завешанными старым тряпьем окнами было темно и душно. Кошкин осветил помещение электрическим фонариком. Большинство агентов хоть и видало виды — народ за время войны будто озверел и вытворял черт знает что, — все же внутренне содрогнулось.

В комнате повсюду валялось мясо. Освежеванные руки и ноги, человеческое туловище с опаленной головой. Пол убитого определить не представлялось возможным, потому что с туловища кожу также содрали. Судя по порезам на теле — срезали ее лоскутами, а потом эти лоскуты свалили в кучу у стены. Глаза, нос, язык и уши у трупа были вырезаны, зубы выбиты. Воющего Завета едва вытащили из квартиры.

Через полчаса приехали криминалисты, совсем молодые ребята. Если бы не сопровождавшие их Кремнев, Сальников и Кирпичников, можно было подумать, что мальчишки заблудились. Но асы дореволюционного сыска деловито прошли вслед за своими учениками, и Кошкин успокоился — старики обязательно проследят, чтобы каждая мелочь отразилась в протоколе.

1911 ГОД. НЕКРАСИВАЯ ИСТОРИЯ

— Васька! Васенька! Какой же ты здоровый вымахал! — закричал еще с трапа позабывший о степенности мужчина в черном иноческом одеянии.

Немногие русские, прибывшие этим рейсом в Джибути, искренне удивились, что почтенный монах называл русским именем совсем юного эфиопа, тоже одетого в рясу и с камилавкой на коротко остриженной голове. Тем не менее юноша, радостно улыбаясь, тоже размахивал руками и кричал совсем неподобающее приветствие на чистом русском:

— Здравствуйте, ваше высокоблагородие!

Едва «высокоблагородие» сошел на причал, оба монаха бросились друг другу в объятия и продолжительное время стояли неподвижно, в слезах, будто отец и сын. В некотором роде так оно и было.

Весной 1897 года Александр Ксаверьевич Булатович, тогда еще корнет лейб-гвардии Гусарского полка, но уже военный советник негуса Менелика в войне с Италией, искал реку Омо, впадающую в озеро Рудольфа. Его отряд долгое время шел по следам исчезнувшей экспедиции итальянцев и однажды наткнулся на деревню, разоренную племенем кумо. Единственным, кто выжил, был трехлетний мальчик, которого русские не сговариваясь называли Васькой. Возвращаясь в Россию, Булатович взял Ваську с собой, и маленький эфиоп жил с ним.

Однако укорениться Ваське в России так и не удалось. Булатович, как офицер, постоянно был в разъездах, и тогда Ваське приходилось ожидать его в пансионе, где он был посмешищем для всех: мало того что мавр, так еще и ногу подволакивает. Так продолжалось несколько лет. Александр Ксаверьевич уже и в отставку вышел, и постриг монашеский принял, и рукоположение принял, став отцом Антонием, и даже взял Ваську к себе послушником, но и монастырские подростки не давали проходу арапчонку. Васька начал чахнуть и тогда стараниями Иоанна Кронштадтского был отправлен обратно в Африку, где воспитывался в одном из коптских монастырей на озере Тана. Там Васька стал Иеронимом и продолжал ожидать возвращения наставника, пока в начале 1911 года в монастырь не пришло письмо, в котором сообщалось, что Александр Ксаверьевич будет ожидать монаха Иеронима в порту Джибути десятого февраля.

В одной из гостиниц монахов встретил офицер русской армии с внешностью уроженца восточных рубежей Российской империи — не то киргиза, не то калмыка, кто их, басурманов, разберёт.

— Знакомьтесь, поручик, это мой воспитанник Вася, ныне, правда, зовется братом Иеронимом, — представил Александр Ксаверьевич своего спутника. — А это поручик Гурбангулы Курбанхаджимамедов, служил на Дальнем Востоке под моим командованием.

— Можно просто — поручик, или Григорий, — Курбанхаджимамедов крепко пожал руку Василию. Настолько крепко, что юноша даже поморщился от боли. — Это он будет вашим компаньоном?

— А почему нет? — удивился Булатович. — Вы должны были найти наименее опасный маршрут к озеру, чтобы им могли пройти безоружные люди. Вы не справились?

— Справился, но подумайте сами — места там безлюдные, полно диких зверей...

— Разберемся как-нибудь. Почему вы так смотрите на Василия?

Курбанхаджимамедов нехотя оторвал взгляд от эфиопа.

— Да так... В последнее время мне слишком часто попадают-ся люди с разными глазами. И обязательно с голубым и зеленым. Просто наваждение какое-то.

Услышав это, чернокожий монашек смутился и даже отвернулся, а Александр Ксаверьевич, напротив, нахмурился:

— В последнее время?

— С тех самых пор, как по вашему поручению скачу по всей Абиссинии. Сначала у одной... падшей женщины, потом у весь-ма занятого молодого человека, вашего страстного поклонника, теперь вот у этого юноши. За полтора года, может, и не слишком часто, но я такие необычные вещи слишком хорошо запоминаю.

Монахи переглянулись.

— Полагаю, вам что-то известно об этом явлении, — понял поручик. — Могу я быть посвящен в эту страшную тайну?

Немного подумав, Александр Ксаверьевич сказал мягко, но строго:

— Многие знания — многие скорби. Спасибо, Гурбангулы, за помощь, в Петербурге вас ожидает награда от самого государя.

С этими словами Булатович забрал у поручика карту и попрощался. Курбанхаджимамедов хмыкнул и ушел в свой номер, чтобы упаковать багаж — он не был в России более полутора лет.

А монахи отправились вглубь страны, к озеру Шала, кото-рое русские на свой манер именовали Хорошал. Добирались они туда долго и трудно, потому что тащили за собой огромный блок белого мрамора весом в двадцать пудов (Александр Ксаверьевич

называл его «краеугольным камнем»). До Назрета ехали на верблюдах, но дальше уже шли пешком и тащили камень на ручной тележке. С монахов сошло семь потов, и Василий не раз поминал амхарскую пословицу «лучше быть голодным, чем уставшим». Александр Ксаверьевич только посмеивался и говорил, что Господь требует подвига. В конце концов к началу апреля они достигли западного берега Шала и встали маленьким лагерем, чтобы приготовить плот, на котором «краеугольный камень» можно будет доставить на небольшой, всего-то с версту в поперечнике, безымянный островок.

Островок этот должен был стать форпостом русской короны в Африке. Коптских монастырей на черном континенте было предостаточно, а вот русского православного — ни одного. Александр Ксаверьевич с позволения императора намеревался исправить это упущение и заложить на озере Шала первую русскую православную миссию. Здесь Булатович собирался явить миру чудо из чудес — построить монастырь из белого мрамора с одной лишь божьей помощью.

Три года назад, перед самой кончиной, Иоанн Кронштадтский подарил Александру Ксаверьевичу удивительный артефакт — металлический амулет в виде земноводной твари тритона. Стоило сжать тритона в руке и прикоснуться к какому-нибудь предмету — будь то камень или металл, — и буквально из воздуха рядом появлялся точно такой же. К сожалению, тритон не мог повторять сложные конструкции, такие как цепь или сложенные в пирамиду кирпичи. Но зато отдельно взятый кирпич или звено копировал так быстро, что моргнуть не успеешь.

Иоанн наказал Булатовичу переправить артефакт, ниспосланный Иисусом, в Африку и там начать строительство монастыря. С тритоном на шее Васька и уплыл на родину, а Александр

Ксаверьевич обещал, что обязательно найдет его для исполнения великой миссии. Вот она и началась.

Строительство плавучего средства у монахов немного затянулось — мрамор был слишком тяжел для бревен, и плот все время приходилось наращивать, но в конце концов и этот этап долгого путешествия остался позади. Ранним апрельским утром Александр Ксаверьевич с Василием оттолкнулись самодельными веслами от берега и поплыли к острову.

Провозившись полдня с перетаскиванием мрамора на берег, мужчины сели отдохнуть.

— Батюшка?

— Что, Васенька?

— А можно я попробую?

— Что попробуешь?

— Чудо сотворить...

— Ты же сам говоришь — лучше быть голодным, чем уставшим.

— Я все равно уже устал. Дозвольте, батюшка!

— Куда тебя денешь, валяй, твори. Реликвия-то все равно при тебе.

Васенька востропел, встал на колени, трижды осенил себя крестным знаменем, вынул из-за пазухи тритона, сжал в кулаке и прикоснулся к мраморному блоку. До сих пор он удваивал только золотой империял, с которым приплыл в Джибути Александр Ксаверьевич. Сейчас святой реликвии предстояла задачка посложнее.

Запахло грозой. Юноша так и стоял на коленях перед мрамором, не открывая глаз, и читал про себя «Отче наш». Одежда Василия прилипла к телу, волосы зашевелились, вдоль позвоночника началось покалывание.

— Хватит, отрок, а то мы точно устанем сегодня! — оборвал воспитанника Александр Ксаверьевич, и отрок распахнул глаза — голубой и зеленый.

Теперь мраморных блоков было восемь.

— Ты как? — спросил у Васеньки Булатович. — Как себя чувствуешь?

— Голова немного кружится, а так — хорошо, — ответил юноша, и тут же из носу у него хлынула кровь.

Александр Ксаверьевич оттащил воспитанника в тень, вытер кровь, положил на лоб мокрую тряпицу, другую прижал к носу Василия.

— Нельзя так, — ласково говорил Булатович. — Подвиг подвигом, а совсем изнурять себя нельзя. Кто ж иначе чудеса творить будет?

— У меня это давно уже, батюшка. Слаб я телом.

— Ничего, зато духом силен. Вот построим обитель, станешь в ней настоятелем...

Больше в тот день они не работали. Попили чаю, привезенного с собой в бутылки с того берега, дождались вечера и погребли обратно к биваку.

В лагере их ждал сюрприз — поручик Курбанхаджимамедов. Он вышел из лесу с винчестером наперевес.

— Поручик? — удивился Булатович.

— Он самый, Александр Ксаверьевич. Не усидел в Петербурге, любопытство одолело.

Он подошел к угасающему уже костру и подбросил дров.

— Да вы присаживайтесь, господа, что вы так смотрите, будто призрака встретили. Свой я, свой.

Монахи нехотя присели, замороженно глядя на винчестер.

— Вас оружие смущает? Ох, простите, я тут недалеко видел стаю гиен, поэтому и держал оружие наготове. Прошу меня

извинить. — С этими словами Курбанхаджимамедов встал и повесил винтовку на торчащую из песка корягу. — Все? Теперь, надеюсь, я перестал вас смущать?

— Зачем вы вернулись?

— Александр Ксаверьевич, вы, очевидно, не расслышали в первый раз. Меня одолело любопытство — что за тайны мадридского двора разыгрываются за моей спиной. Согласитесь, я рисковал своей жизнью и имею право знать. Я некоторое время наблюдал за вами с почтительного расстояния и сам во всем разобрался. Признаюсь, что впечатлен. Особенно трюк с кирпичами...

— Это не трюк, это чудо! — воскликнул Василий.

— Возможно, юноша, но я материалист и в чудеса не верю. Тот, другой молодой человек с такими же глазами тоже умудрялся творить что-то похожее на чудо. Полагаю, вся хитрость в металлическом амулете. Я видел скорпиона, обезьяну, а у вас что?

Монахи молчали. Александр Ксаверьевич весь напряжился, готовый броситься врукопашную, но поручик покачал головой.

— Сколько вам, господин ротмистр? Сорок? А мне едва тридцать исполнилось. Я быстрее вас, сильнее, я регулярно упражняюсь в стрельбе. Оп! — в руке поручика оказался самозарядный пистолет Манлихера. — Юноша, будьте так добры, передайте мне вашу реликвию. Обещаю — никто не пострадает.

Серый от гнева Василий, весь дрожа, снял с шеи шнурок с тритоном и медленно протянул Курбанхаджимамедову. Поручик взял артефакт. Глаза его сразу поменяли цвет с карих на голубой и зеленый.

— Вижу по вашим лицам, что сработало. Что ж, а теперь попробуем...

Поручик сжал тритона в кулаке и стал ждать. Но ничего не происходило.

— Любопытно, — усмехнулся он после минутного ожидания. — В чем секрет?

Поручик вопросительно посмотрел на Василия, но юноша упрямо сжал губы. Курбанхаджимамедов перевел взгляд на Булатовича, но тот тоже не произнес ни слова. Хмыкнув, поручик попытался повторить фокус не с пистолетом, а с деревянной палкой. Ничего не получилось.

— Хорошо, сдаюсь — я чего-то недопонял в увиденном. Юноша, продемонстрируйте, как это работает.

Тритон снова оказался в руках Василия. Юноша взволнованно посмотрел на наставника.

— Нет, я сам, — сказал Александр Ксаверьевич и забрал реликвию.

— Только, пожалуйста, без подвигов, — предупредил Курбанхаджимамедов.

Булатович не ответил. Тритон неприятно пульсировал в сжатой ладони, Александру Ксаверьевичу никогда не нравилось это ощущение — будто тритон был живым.

— Василий, дай мне империял, — велел иеромонах.

Монашек встал и положил на раскрытую ладонь наставника золотую монету. Тотчас воздух наполнился едва слышным потрескиванием и сладковатым запахом озона, а в песок одна за другой начали падать, поблескивая кровавым цветом в лучах заходящего солнца, империялы. Три, четыре, пять...

— Как это у вас получается? — зачарованным голосом спросил поручик.

Александр Ксаверьевич не отвечал. Он продолжал осыпать африканскую землю русским золотом, монеты уже с тихим

звяканьем начали падать одна на другую, перед священником образовалась довольно крупная куча золота.

— Все, хватит, я понял, — крикнул поручик, и тогда Александр Ксаверьевич швырнул тритона в лоб Курбанхаджимамедову.

Грянул выстрел, Василий зажмурился. Однако спустя мгновение услышал яростное сопение двух мужчин. Монах открыл глаза и увидел, как в песке кувыркаются, словно два льва, Булатович и поручик.

Священник и впрямь оказался не так быстр и ловок в движениях, да и сила, видимо, была не та. Поручик легко выворачивался из всех захватов и старался дотянуться до голенища, за которым у него виднелся нож. Вскоре ему это удалось, и поручик тремя едва уловимыми выпадами располосовал Булатовичу плечо, бедро и щеку.

— Все, хватит, — крикнул он ринувшемуся в последнюю отчаянную атаку Антонию. — Я не хочу вас убивать, Александр Ксаверьевич. Отдайте мне эту безделушку, и мы расстанемся добрыми друзьями.

— Иди и возьми, — прохрипел Булатович и попытался выбить нож из руки Курбанхаджимамедова. Вместо этого получил глубокую резаную рану в боку и удар обухом по затылку. Священник со стоном рухнул.

— Что же вы, господин ротмистр? — тяжело дыша, спросил поручик. — Я же вас по-хорошему просил.

Он наклонился и подобрал лежащего в песке тритона.

— У меня есть бинты и коньяк, сейчас обработаем раны...

Тираву поручика оборвал выстрел винчестера. Поручик упал лицом в золотые монеты, сжимая в руке шнурок с артефактом. Василий, выпустив из рук оружие, бросился к Александру Ксаверьевичу.

— Батюшка! Батюшка!

Антоний со стоном перевернулся на спину.

— Кто стрелял?

— Я.

— Ох, Васенька, за что ж ты грех на душу взял... Как же это... ох... — Кровь сочилась из ран и мешала говорить.

— Не сейчас... не сейчас, батюшка... подождите, я мигом.

Обильно политые коньяком раны Василий перевязал и помог Александру Ксаверьевичу перебраться под полог, служивший монахам ночлегом. Бездыханное тело поверженного врага он подтащил ближе к костру и всю ночь, не смыкая глаз, палил дрова, чтобы гиены не сбежались на пир. Наутро, взгромоздив наставника на тележку, юноша повез его на север, в столицу, где располагалась русская дипломатическая миссия. Тело поручика, его вещи, оружие и груды золота он оставил на берегу. Хоронить Курбанхаджимамедова было бессмысленно — падалыщики все равно доберутся.

Тритона он повесил наставнику на грудь. Святая реликвия, по мнению Василия, должна была исцелить священника, но в течение недели, что они добирались до Аддис-Абебы, Булатовичу становилось все хуже. Начинался сепсис. По счастью, в дипмиссию они успели вовремя — врач обработал раны, дал обильное питье и похвалил отменное здоровье святого отца, благодаря которому он выдюжил.

— Кто это его так? Разбойники?

— Нет, — ответил Василий. — Зверь из лесу вышел.

1920 ГОД. ПРЯМОЙ КАНАЛ

Обычно сотрудник уголовного розыска Кремнев говорит:

— Богдан, ты можешь быть семи пядей во лбу, можешь запомнить все имена и клички, ты можешь даже читать мысли по лицам, как это умеют некоторые опытные сыскари, которых уже не осталось, — при этом Сергей Николаевич скромно поправляет галстук. — Но! — тут Кремнев поднимает вверх указательный палец и наклоняется к самому уху, чтобы прошептать: — Неблагодарная ты тварь, Богдан. Потерпел бы еще немного — мы сами бы ушли. Но шибко ты, видать, гордый. Ну и гори со своей гордостью синим пламенем.

Богдан в ужасе отшатывался от уха наставника и видел вокруг себя лишь полки и дощатые стены деревенской бани, воющую бабу и двух детей. Снаружи начинало гудеть пламя, и Богдану становилось жарко и душно.

— Держи. — В узенькое окошко влетал и падал к ногам Богдана револьвер. — Я не зверь, не хотите мучиться — не мучайтесь.

Револьвер ложится в ладонь ласково и надежно. И вот Богдан лепит пули, одну за другой, сначала — в лоб бабе, потом — пытающимся забиться под полки пацанам. Ствол нагана будто сам собой упирается в небо, и Богдан чувствует даже кислый запах горелого пороха.

Это был не я, вспоминает он вдруг. Это Дормидонт. А кто тогда я? И ответ тоже легко возникает в голове в виде паскудной улыбки — так Богдан улыбался своим жертвам, когда убивал. Будто его улыбка могла облегчить чужие страдания.

Почти сразу сон меняется: перед ним дом, который выгорел почти полностью, остались только пара столбов и печная труба. Вокруг печной трубы ходит маленький ребенок, лет четырех-пяти, бесштаный, чумазый, и не разобрать — парень или девка. Ходит и равнодушно, будто со сна, зовет: «Ма! Ма!» Чуть поодаль валяются обугленные кости, и сразу понятно, что это — сгоревшая мать. Богдан пытается взять ребенка на руки, но мелкий не дается, вырывается и с ревом убегает, а потом возвращается к трубе и снова кружит и зовет мать равнодушным, сумасшедшим голосом.

Рядом ржет конь. К седлу приторочены мешки с добром. Холод в груди, если опустить глаза и посмотреть на себя, можно увидеть огромную кровоточащую дыру, через которую с завыванием пролетает ветер...

Обычно в этот момент Богдан просыпается, и тяжело дышит, и пытается сдержать бухающее бревном в грудную клетку сердце. Но иногда бывает продолжение. Ветер свистит все сильнее и сильнее, и вот уже земля уходит далеко вниз, а по бокам видны только мелко дрожащие крылья аэроплана, и впереди рулит этой махиной Ленька, а сам Богдан — теперь уже решивший порвать с разбоем и начать новую жизнь! — бомбардирует станицу Лбищенскую с криками «На кого бог пошлет!» золотыми царскими червонцами. Проснуться в такой момент он считает счастьем.

Но чаще всего он просыпается от кошмаров. Кошмары связаны с тем, что прошлое, которое старательно пытался забыть Богдан, все равно рвалось наружу. Он думал, что стоит

перекраситься, начать новую жизнь, и старая исчезнет сама по себе, но, увы, все вышло иначе.

Он многое заставлял себя забыть. Откуда он, кто такой, чем занимался. Новый Богдан Перетрусов упорно лепил себе новую личность, которой никогда не был, да и быть не хотел. Но все это он делал только для того, чтобы не помнить, чем он на самом деле занимался. Занимался недолго, но так самозабвенно, будто завтра никогда не наступит. Так что в памяти остались только те страшные полгода грабежа, разбоя и убийств. Он боялся, что однажды не сможет проснуться после кошмара, так и останется там, в окрестностях Лбищенска, с руками по локоть в крови.

Но Богдан уже проснулся, успокоил сердце, восстановил дыхание и лежал с закрытыми глазами. Полдень, как пить дать. Он всегда так просыпается. Приучил себя. Правда, вместо будильника кошмары, но все равно — работает.

Кто-то стучит в дверь. Три раза. Это к старикашке Фогелю. Опять, поди, его сестра, выжившая из ума баба, которая каждый божий день как на работу приходит и требует у брата не грешить и поделиться кладом. Клад у Фогеля в напольных часах, что стоят в коридоре. Снаружи часы обклеены керенками, а внутри потайное отделение, про которое знает вся квартира. Отделение это забито всякой часовой рухлядью — шестеренками, пружинками, винтиками, балансирами. Фогель на памяти квартирантов несколько раз разбирал часы до винтика, чтобы найти клад, о котором говорит сестра, и многие этот процесс наблюдали с начала до конца. Ничего.

Собирая часы обратно, старик с извиняющимися нотками в голосе говорит, что сестра до революции была замужем за весьма состоятельным гражданином, часовых дел мастером и работодателем Фогеля Аристархом Петровичем Ляйднером-Русским.

Держал Ляйднер несколько часовых мастерских, в одних часы делали, в других — ремонтировали. И якобы в одни из напольных часов он припрятал на черный день фамильные драгоценности матери. Во время Февральской революции Аристарха Петровича убило шальной пулей, влетевшей в окно. Во время Октябрьского переворота сестру Фогеля, вдову Ляйднер-Русскую, ограбили, изнасиловали, и она сошла с ума. С тех пор она каждый день ходила к брату и требовала делиться кладом. Ну кто-нибудь откроет ей уже.

Дверь хлопнула, и тут же коридор наполнился криками, матом и топотом сапог. Еще до того, как в его комнату ввалились люди в гимнастерках, потертых пиджаках и косоворотках, похожие на бандитов, Богдан понял, что пришли по его душу.

— Он? — спросили у робко прижавшегося к косяку Фогеля.

— Товарищи, я не знаю, — оправдывался старик. — По документам вроде он, но я...

— Свободны пока. — Парень в пиджаке, который был за главного, осмотрел лежащего на полу рядом с полуголой девицей Богдана. — Бородин?

— Нет, товарищ, я Сергеев, — широко улыбнулся Богдан.

— Собирайся и на выход. Разберемся, какой ты Сергеев.

— Вы бы хоть отвернулись, со мной дама.

От дамы разило сивушным перегаром, и до часу дня она точно не проснется, но должен же он вести себя соответственно.

— Что мы, дам не видали? Вставай быстрее, а то прямо без подштанников поведем.

— Да ладно, ладно... — Богдан начал вставать.

— Копылов, проверь у него одежду. Вдруг...

Копылов успел раньше, чем Богдан, и маленький дамский «моссберг брауни» оказался перехвачен.

— Вот, товарищ Топалов.

— «Вот», — передразнил Топалов. — Лежали бы сейчас с дырками в пузах, и был бы тебе «вот». Вяжи его, ребята. Стоять, подштанники пусть натянет. Не хватало нам еще срам его демонстрировать.

Всю дорогу, вплоть до самой площади Лассалья, Богдан думал — Фогель настучал или прямой канал заработал? Если Фогель — то и хрен с ним. Придется, правда, хату менять, ну да ладно, не в первый раз. А если прямой канал?

Отчего-то всем фраерам кажется, что после задержания сразу в тюрьму везут. «Цыпленка жареного» наслушались. Менты, может, и хотели бы сразу в тюрьму, да там и так полно народу. Паспорт проверять, паспорта нету — тогда уже на дознание в уголовку или еще лохмаче — на Гороховую. У Богдана паспорт был. Даже три. За «моссберг» могут и по голове приголубить, но это, в общем, ненаказуемо — сейчас кого хочешь на улице останови, и через одного волына в кармане будет. Времена беспокойные, волына хоть и холодная на ощупь, зато от нее на душе теплее.

Везли Богдана с ветерком, на открытом автомобиле. Топалов, сидевший рядом, разглядывал документ. Подкопаться было не к чему — люди, делавшие бумагу, свое дело знали.

— Значит, налетчик?

— Нет, товарищ, я Сергеев.

— Разберемся. Если ты Сергеев, зачем тебе ствол?

— Покойный папаша с германского фронта привез.

— Сирота, значит?

— Сирота.

Доехали до Лассалья. Богдан здесь не был ни разу, поэтому глазел по сторонам, не обращая внимания, что идет в одних подштанниках.

— Кого привели? — спросил дежурный.
— Да вот, сироту. Фамилия — Сергеев. Ствол в кармане.
— И что? У меня все камеры забиты. Этот вроде приличный, и документы в порядке.

— Сигнал был. Вроде шляется с кем попало, с иностранцами дружбу водит, золотишком балуется.

— Эй, товарищ, не ершись, моя фамилия Сергеев.

— Завали хайло, Сергеев. Надо будет — я на тебя Азовский банк повешу. У меня не такие...

— Топалов, что за шум? — послышался со спины чей-то недовольный голос.

По лестнице спускался высокий подтянутый мужчина в морском кителе и с повязкой на правом глазу.

— Да вот, Владимир Александрович, задержали. Вооруженный.

— И где он оружие держал. В подштанниках?

— В штанах, Владимир Александрович.

— Ну-ка, пойдем, пошепчемся, — предложил одноглазый Топалову.

Топалов послушно пошел «шептаться». Тем временем Богдан, торопливо натягивая штаны, шепотом спросил у дежурного:

— Это кто?

— Кошкин, начальник отдела по борьбе с бандитизмом и всего уголовного розыска. Если ты бандит — считай, повезло.

— Учту.

Когда Топалов, красный как рак, спустился обратно к стойке дежурного, Богдан уже был одет.

— Гражданин Сергеев, вы свободны, — сдавленным голосом сказал Топалов.

— Значит, свободен?

— Да.

— А «моссберг»?

Топалов непонимающим взглядом лупил то на задержанного, то на одноглазого.

— А по поводу вашего «моссберга» поговорим у меня в кабинете, — сказал одноглазый.

Звучало это не как приглашение, а как приказ. Богдан с тоской посмотрел на близкий выход и поплелся вслед за одноглазым.

Кабинет начальника находился на втором этаже, рядом с отделом по борьбе с бандитизмом. Одноглазый распахнул дверь и кивком предложил войти. Богдан попал в узкий коридор-пенал, освещенный тусклой электрической лампочкой. В конце коридора, рядом с другой дверью, стоял стол, за которым никто не сидел.

За следующей дверью оказалась небольшая, тоже узкая комната с двумя высокими комнатами, выходящими во двор.

— Что за хипеж? — спросил Богдан, когда Кошкин запер дверь на замок.

— Скальберга убили, — без обиняков ответил хозяин кабинета.

— Когда?!

— Сегодня ночью.

— Кто?

— Если бы я знал — кто, тебя бы по прямому каналу сюда не выдергивали. Что с твоим делом?

— Снять хотите?

— Не хочу! Но обстоятельства вынуждают. Черт, не думал я, что Скальберг так резво копать начнет. Как пацана своего потерял на деле, так и вовсе чуть ли лишился.

— Какого пацана? Того, что на Балтийском нашли? Так это Шуркин агент был?

— Шуркин.

— А Шурку где нашли?

— В Таировом.

— Какого ляда он вообще поперся в этот гадюшник? — спросил Богдан.

— Это самое интересное. Возьми, почитай.

Кошкин вынул из кармана мятый листок бумаги и отдал Богдану. Перетрусов несколько раз пробежал взглядом по строчкам, написанным химическим карандашом.

— «Большому и таинственному»? — переспросил Перетрусов и недоуменно посмотрел на начальника. — Это что за сопли в патоке? Вы хотите сказать, что такой опытный агент, как Скальберг, купился на такую ахинею?

— Значит, купился. И не надо меня ни о чем спрашивать, я сам знаю не больше твоего.

— Скальберг не первый за эти полгода погиб. Дурцева убили, Котовича, но ради них вы меня с задания не выдергивали. — Богдан испытующе посмотрел Кошкину в глаз. — Только не говорите, что «большое и таинственное дело» существует на самом деле!

— Скальберг думал, что так оно и есть.

— Вы меня извините, Владимир Александрович, но Скальберг по этой причине зажмурился. Он вразнос пошел, и вы за ним идете. Сергей Николаевич что по этому вопросу думает? — спросил Богдан, дороживший мнением своего наставника.

Кошкин нахмурился и вспомнил сегодняшнее утро...

...Под шипящие вспышки магния и монотонное бормотание не оперившихся еще криминалиста и следователя, которых

то и дело поправляли наставники, Кошкин вывел Кремнева из квартиры на лестничную клетку.

— Мне кажется, Сергей Николаевич, нужно задействовать Перетрусова.

— Вы начальник, вам и решать, — пожал плечами Кремнев. — Я никто, и звать никак, помогаю исключительно из любви к ремеслу. Разрешите идти?

— Я...

— Я понимаю, вам не терпится опробовать Богдана в бою. Не стоит. Один человек в тылу врага куда эффективнее, чем десять на передовой. Вы должны это знать, вы воевали. Перетрусов занимается важным и нужным делом, которое скоро значительно облегчит работу органам правопорядка. Да и ему опыта набраться полезно будет, я сам, когда еще молод был, в участке даже не появлялся, все по малинам да притонам шастал.

— У нас не хватает людей!

— Людей всегда будет не хватать. Но воля ваша. Честь имею.

И кругленький, как колобок, Сергей Николаевич Кремнев ушел на помощь очередному своему ученику. Кремнев был опытейшим розыскником, знал всех преступников Питера по именам, кличкам и специализации с тысяча девятьсот пятидесяти года. Когда во время переворота старую картотеку, собранную еще при Владимире Гавриловиче Филиппове, начальнике Санкт-Петербургской сыскной полиции, уничтожили, Сергей Николаевич вместе со своим другом Сальниковым восстановил ее и дополнил. Кремнева интересовало абсолютно все, что было связано с криминалом, — от дактилоскопии и составления психологического облика преступника до воровского аргумента и иерархии преступных сообществ. Кошкину удалось убедить Петросова сотрудничать со старыми специалистами — тот же Аркадий

Аркадьевич Кирпичников, который нынче готовит следователей, возглавлял уголовный сыск в самые трудные для революции первые месяцы.

Разумеется, старые спецы не очень жаловали новую власть. Тот же Кремнев считал, что не для того революцию делали, чтобы тюрьмы открывать и выпускать кого попало или поражать в правах за одно только несчастье родиться в дворянской семье.

— Это, простите, не революция получается, а дешевая месть, — говаривал он не раз, — мол, вы нам прав не давали, а теперь мы у вас отберем. Тьфу!

Словом, с асами приходилось нелегко. Причем каждый новенький в милиции норовил назвать стариков «буржуями», что тоже не добавляло теплоты отношений.

— Сергей Николаевич в Таировом переулке, молодежь дрессирует, — решил уйти от прямого ответа Кошкин.

— Так давайте его подождем... — предложил Перетрусов.

— Нет у нас времени ждать. Сейчас каждая мразь в Питере передает, что Скальберга убили. Если быстро не ответить, в следующий раз Белка штурмовать нас придет! У него сейчас пятьдесят жиганов с пиками да волынами! Нагрянут утром, и бери нас здесь тепленькими, легко и можно! Мы должны сейчас силу показать. И не только уркаганам. Я хочу, чтобы все в городе знали — если в уголовке положили одного, мы за это десятерых к стенке поставим. Слава богу, смертную казнь опять разрешили. Но до трибунала я дело доводить не имею желания. Найдем малину — и всех до одного, прямо на месте, без суда и следствия! Согласен?

Богдан не был не согласен. Еще год назад он бы... Год назад он находился по другую сторону закона и знал, что сила многое значит. Но сила, которой он обладал и применял направо

и налево, ломала в первую очередь его самого. С тех самых пор он не мог заснуть, не напившись вдрызг.

— Владимир Александрович, не снимайте меня с дела. Найду я тех, кто это сделал, а дальше пытайте их, как хотите, но не надо меня раскрывать.

Кошкин сжал губы. Верный признак того, что думает. Конечно, ему тоже времени жалко, но он ведь в розыске лицо больше политическое, хоть и ходит вместе со всеми под пули. Ему важен результат, а не методы, какими они будут достигнуты.

— Даю тебе времени до конца недели. Справишься?

— Преподнесу на блюдечке с голубой каемочкой.

— Добро. Теперь садись и пиши ходатайство.

— Чего?! — опешил Богдан. — Какое ходатайство?

— Ходатайство на возвращение «моссберга».

— А так нельзя вернуть?

— Мы здесь пять минут лясы точим. Вполне хватает, чтобы бумажку написать. Сам же просил тебя не засвечивать, будь любезен страдать, как все гражданские.

— Ох, и хитрые же вы, менты, — покачал головой Богдан и сел за стол.

Скоро он спустился вниз, к дежурному.

— Этот, ваш, как его... начальник по борьбе... велел вам бумагу отдать, чтобы вы зарегистрировали и в канцелярию передали.

Дежурный в буденовке, сдвинутой на затылок, быстро записал номер ходатайства в журнал, убрал бумажку в стол, дал Богдану расписаться в журнале.

— Долго ждать-то? — спросил Богдан, оставив неразборчивую закорючку.

— Не знаю, — пожал плечами дежурный. — Может, месяц, может, два. А ты, значит, не бандит?

— Нет, — широко улыбнулся Перетрусов, вновь ставший Сергеевым. — Я таким не занимаюсь.

То, чем Перетрусов сейчас занимался, действительно лежало немного в стороне от интересов отдела по борьбе с бандитизмом. Богдан не водился с гопниками или домушниками, интересовала его рыба иного сорта — барыги, спекулянты и контрабандисты. По сути, налетчики и шнифера, гопники и карманники, с которыми боролась уголовка, были мелкой шушерой в смысле наносимого республике вреда. Все главные преступления, как учил наставник Кремнев, совершаются в сфере экономики. Богдан диву давался, сколько неучтенного продовольствия, одежды, галантереи, алкоголя и табака имеется в тени истощенного Питера. Если все это вытащить наверх, это какое же облегчение можно народу сделать...

Кремнев этого мнения не разделял.

— Ничего не получится. Ты думаешь, откуда это все берется, с неба? Это все с фронта, с военных складов, с узловых станций. Ну, ликвидируем мы эту шайку, перекроем все каналы. И что получится? Вообще ничего не будет: ни продуктов, ни мыла. Эти барыги сейчас заменяют нормальную мирную экономику, нельзя их ловить.

— Зачем же мы их отслеживаем?

— Затем, что война когда-нибудь закончится. И тогда эти барыги переключатся на торговлю. Начнут создавать дефицит там, где его нет. Придерживать товар, вздуть цены до небес, менять товар на услуги. И тогда нам очень будет важно знать, кто там на кого завязан.

— И тогда мы их всех повяжем?

Сергей Николаевич скорчил кислую мину.

— Если щука всю рыбу в озере съест, что будет?

Богдану это сравнение не понравилось.

— Что, не повяжем?

— Повяжем, Богдан, но не всех. Если подчистую всех выгребать, твоей работе конец придет. Не в том смысле, что ловить некого будет — всегда найдется тот, кто работать не хочет, или талант у него криминальный, или нравится ему людей убивать... что смотришь как на врага? Такие тоже бывают. И ты все это обязан знать и держать под контролем. Поэтому и нельзя всю рыбу вылавливать в одном месте, иначе знать не будешь, куда она уйдет, и на поиски много сил и времени потратишь. Понял?

Как не понять — все было логично и доходчиво объяснено. Но Богдан, умом соглашаясь, что прав наставник, все равно не мог согласиться. Получалось, что для того, чтобы контролировать преступность, ее нужно организовать. И в зависимости от обстоятельств кого-то вязать, а кого-то отпускать. И зачем тогда закон?

Впрочем, думать об этом Богдан старался поменьше. Не приносили такие мысли ничего, кроме головной боли, душевного неуют и желания напиться. А надлежало быть веселым, хитрым и своим в доску.

Чтобы влиться в общество барыг, Перетрусов активно нарушал уголовное право Р. С. Ф. С. Р. Толкал небольшие партии питательной муки «Нестле», золотишко, камушки, картины, покупал марафет и консервы — ровно столько, чтобы не вызывать подозрения в криминальной среде и не даваться ментам в руки. Кремнев предупредил с самого начала: не попадаться, отмазывать никто не будет. Нечего палево наводить — Богдан ничем не должен выделяться.

Богдан и не выделялся. Пил и кутил, как все, занимался скупкой и сбытом, обзавелся постоянной клиентурой. Правда, кое-чем он все же отличался от прочих. Среди прочих барыг

прозвали его Ванька Слепой. Потому что в любой день, при любой погоде носил он пенсне с синими стеклами, объясняя это тем, что глаза у него от света устают. На самом же деле причина была куда более экзотическая, чем болезнь.

Пенсне Богдан придумал как отвлекающий от труднообъяснимого явления природы маневр. Глаза Богдана имели от рождения карий цвет, но стоило повесить на грудь талисман — металлический амулет в виде петуха, — как левый глаз становился голубым, а правый — зеленым. Польза от талисмана, конечно, была великая, чуйка на любое изменение в окружающей обстановке возрастала многократно. С помощью петуха Богдан легко выигрывал в карты или в любую другую игру. Сделки заключал выгодные и загодя чувствовал, когда на шалман должны нагреть легавые, чем вызывал неподдельное восхищение публики.

Вот только, возвращаясь домой и снимая постылую железяку, чувствовал Богдан, что тупеет без талисмана. Долго стоит посреди комнаты, пытаюсь вспомнить, чего хотел. Прикоснется к петуху — в мозгах прояснение, уберет руку — опять полуобморочное состояние. Это была цена за озарения. Потому и носил Богдан пенсне, чтобы не всегда пользоваться петухом и не потерять остатки разума. Перекочевал талисман с груди на часовую цепочку, и вытаскивал Богдан его только по крайней надобности. А под синими стеклами и не видно было, как меняют цвет глаза.

Вернувшись на квартиру, Богдан первым делом напал на ни в чем не повинного Фогеля:

— Ты настучал, пердун старый?

— Что? Я? Нет-нет, товарищ Сергеев, я же все понимаю, я им сразу сказал, что документы в порядке! — закудаhtал Фогель.

— А почему меня одного проверяли?! Каца с его марухой не проверили, Нинку-лярву не проверили, Ксаверия Никодимовича —

и того не проверили. И все без паспортов. А меня взяли, как будто я какой-то Бородин. Ты посмотри — я похож на Бородина?

Фогель замотал головой, подтверждая, что на Бородина товарищ Сергеев точно не похож.

— Я, между прочим, убытки из-за тебя терплю! Зажилят теперь мой «моссберг», как пить дать. А это, между прочим, память папашина. Или я плачу тебе мало?!

Из комнат повысовывались те соседи, которые с утра не ушли на работу. Те самые немолодые хипешники Кацы, которые приехали гастролировать в Питер, Нинка-лярва, красивая молодая баба, занимавшаяся проституцией прямо здесь, на квартире, и старик Ксаверий Никодимович, сумасшедший профессор. Он был действительно сбрендивший — говорил на жуткой смеси из пяти европейских языков, и никто его не понимал.

— Что уставились? — вызверился на них Богдан. — Или кто-то из вас ментам накапал?

Соседи тотчас спрятались в норки. Один только Фогель беспомощно трепыхался под рукой рассвирепевшего квартиранта.

— Смотри у меня! — пригрозил Перетрусов старику и ушел к себе.

Его дама все еще дрыхла. Богдан бесцеремонно растолкал ее, бросил шмотки в лицо и велел убираться.

— Чего так рано? — недовольно пробухтела дама, но одеваться все же начала.

— Дела у меня, — процедил Богдан.

1917 ГОД. ОБЩЕЕ СОБЫТИЕ

Великое искусство — есть помои. И не просто обеды с хозяйского стола, а именно грязное вонючее пойло, в котором не только обеды, но и все обрезки, очистки и ошметки с кухни, мусор со стола (а иногда — и с пола), шерсть, перья, рыба чешуя... И ничего, кроме этого, не дадут. Разве что сердобольная служанка или любопытный отпрыск хозяина сбросят в яму кусок лепешки или надкушенное яблоко. Но тем тяжелее после этой небесной манны вновь возвращаться к помоям.

В невольничью яму Адолата-ака Гурбангулы попал, уже в совершенстве овладев этим искусством. Он не брал в рот отдельных продуктов, припасая их, чтобы смешать с отвратным пойлом, которое подавали два раза в сутки — на рассвете и перед закатом. Он научился отключать во время еды все свои чувства и сначала вычерпывал рукой гущу, а потом запивал оставшейся жижей. Все остальное время он либо спал, либо работал. Работа была жизнью, шансом на спасение. Раз в год поручик, собрав в кулак все силы, пытался убежать. Пять попыток. Все безуспешные.

От гиен его отбили караванщики. В благодарность за это Гурбангулы отдал им все золото, на котором лежал, и попросил доставить его в Аддис-Абебу, где обещал заплатить еще столько же. Поначалу караванщики так и хотели поступить, но в Назрете один из спасителей вспомнил, что у него остался давнишний

долг перед здешним землевладельцем, и он рассчитался с кредитором, продав ему в рабство спасённого незнакомца.

Поручик бежал от хозяина тем же вечером, раздробив мотыгой голову невинному, в общем, парню, слуге, который должен был запереть Курбанхаджимамедова в яме. К утру строптивого раба изловили, избили до полусмерти, выходили, снова избили, снова выходили, после чего продали в Египет, господину Ньясе Ньясе.

Из всех прочих хозяев господин Ньяса Ньяса был самым добрым и щедрым. Он кормил рабов кашей и лепешками, в жаркий день поил простоквашей и работать заставлял не слишком много — всего-то полный световой день, пока глаза видят. У него поручик прожил три года и в декабре 1913-го, оглушив охранника, угнал лошадь и скакал строго на север, в Каир. На третий день его задержала полиция. Узнав, откуда сбежал русский офицер, полицейские покачали сочувственно головами, потом избили и вернули господину Ньясе Ньясе вместе с загнанной лошастью. Лошадь Ньяса Ньяса подарил полицейским, а Курбанхаджимамедова проиграл в кости Халиду аль Фахду ибн Абдалле, главе бедуинской хамуллы, такой бедной и безродной, что она не входила ни в одно бедуинское племя. С целым караваном невольников поручик оказался в Аравии.

Халид аль Фахд ибн Абдалла старался держаться ото всех подальше, ибо был бандит — клейма негде ставить, только тем его клан и жил — грабежом да похищениями. Как ни странно, будучи изгоями, постоянно кочующая хамулла регулярно получала вести о готовности родственников выкупить того или иного пленника. В течение всего года почти всех товарищей Курбанхаджимамедова по несчастью выкупили (если, конечно, раньше они не умирали от голода или жажды). В конце концов Гурбангулы остался один. Халид аль Фахд ибн Абдалла был не

особенно грамотен и потому целый год ожидал ответа на письмо русскому царю с требованием выкупа за его брата. На исходе 1914 года поручик совершил свой третий побег, но был пойман и под пытками сознался, что не является братом русского царя, и родственники у него — кыргызы, древний, но обедневший род, и заплатить выкуп они не смогут. Сначала Халид аль Фахд ибн Абдалла хотел бросить невольника в пустыне, но потом решил, что можно его продать, чтобы хоть как-то покрыть расходы на кормежку (коих, в общем-то, и не было). И продал строптивого поручика в Персию, где вот уже несколько лет левая рука не знала, что делает правая, и потому беззаконие царило повсюду.

Нетрудно понять, что судьба неминуемо влекла поручика обратно в Россию, но делала она это столь жестоко и изощренно, что сам Курбанхаджимамедов этого даже не понимал. Он прошел через двух персидских хозяев, один хуже другого, от обоих бежал, и оба раза его ловили, и в конце концов после пятого побега его продали в Западный Туркестан, в Семиречье. И вот здесь в конце 1916 года поручик угодил в самый отвратительный переплет в своей жизни.

К этому времени восстание казахов и кыргызов уже было жестоко подавлено, русских боялись и ненавидели все местные жители. Адолат-ака потерял во время восстания всех своих сыновей и потому купил невольника.

— Ты по-русски разумеешь? — спросил у нового хозяина поручик. — Доложи обо мне в гарнизон или околоточному. Озолочу.

Адолат-ака, услышав эти слова, сначала закаменел. Всякий, кто говорил на русском, был врагом, пришедшим на их землю. Заклятый враг, несмотря на восточную внешность, говорил на языке злого русского царя, и старик имеет над ним полную власть.

Или выдать его русским, может, и вправду отблагодарят? Эту мысль он отбросил — нет более злого и неблагодарного народа, чем русские. И он сполна оплатит им за свое горе.

Старик не стал снимать с невольника колодки. У него вообще отпала надобность в какой бы то ни было помощи. Он решил посвятить остаток своей жизни мести. Чтобы никто не увидел и не смог донести властям, в одну из ночей Адолат-ака перевез поручика в горы, в аул, который во время восстания полностью вырезали русские. Здесь Гурбангулы должен был закончить свои дни. Каждое утро привозил Адолат-ака во двор несколько больших камней, вытаскивал невольника наружу и заставлял разбивать валуны, до мелких камушков. И поручик разбивал, потому что иначе хозяин оставлял его без еды.

Хозяин, между тем, наблюдая за мучениями пленника, начал терять рассудок. Ему стало не хватать мучений только одного русского. Он спустился в долину и выкрал какого-то пьяницу. Пьяница очнулся утром в вонючей грязной яме, кишасей пауками, в колодках, и начал выть, чем разбудил поручика.

— Заткнись, дай поспать, — сказал Курбанхаджимамедов новому соседу.

— А? Кто здесь? Где я?

— В яме, где еще. Заткнись и дай поспать.

— Как я здесь?.. Господи, за что?

Истерика соседа начала действовать поручику на нервы. Он встал, кое-как доковылял до первого за эти годы человека, от которого слышал русскую речь, и точным ударом колодок в висок убил. Чем наверняка совершил акт милосердия и по отношению к себе, и по отношению к соседу.

Смерть второго пленника утром привела хозяина в ярость, и этой же ночью он спустился в долину за еще одним. Этого

поручику тоже пришлось прикончить — выносить чужую истерику было выше сил Курбанхаджимамедова. И только третья жертва Адолата-ака оказалась куда как непростой. Оказавшись в яме, новенький не стал голосить и метаться. Он отодвинул трупы к дальней стенке, отведенной под туалет, а сам уселся на освободившееся место.

Утром в яму опустилась большая миска помоев. Не обращая внимания на соседа, поручик съел двойную порцию, справедливо рассудив, что новенький не будет. Потом решетка ямы отвалилась в сторону, и старик спустил лестницу. Гурбангулы выбрался во двор и направился к очередной порции валунов, не обращая внимания на полоумного своего тюремщика. Кирка в руки — и за дело...

Прошло, наверное, не менее часа, прежде чем он понял: старик проклинает того, второго, почем свет стоит, кое-как используя русские ругательства. А второй просто не вылезает из ямы. Будто заманивает тюремщика в тюрьму. Ох, непрост оказался второй. Курбанхаджимамедов, поудобнее перехватив кирку, стал тихо подбираться к старику со спины, пока тот увлеченно ругал второго. Увы, общее истощение и ограниченная подвижность не позволили Гурбангулы убить своего мучителя. Старик вовремя обернулся и увидел нерадивого раба. Камча, которой был вооружен Адолат-ака, сорвалась с пояса, запела, и в яму поручик упал, весь исполосованный.

— Не нужно торопить события, — сказал новенький. — В Эфиопии говорят — лучше быть голодным, чем уставшим.

Слова эти были как гром среди ясного неба. Поручик забился в свой угол и с ужасом смотрел на новенького. Тот выглядел как обычный русский солдат: невыразительное и даже туповатое лицо с выцветшими на солнце соломенными волосами и такими же бровями, загорелое, изъеденное оспой.

Вот только глаза — голубой и зеленый — делали нового соседа странным и опасным.

— Спокойно, поручик, ваши мучения уже позади.

— Кто вы?!

— Успокойтесь, чего вы так испугались? В течение шести лет вы показывали потрясающую выдержку, не нужно портить впечатление на финише. Вдохните глубже, как я...

Новенький втянул ноздрями воздух и закашлялся.

— Да, здесь дышать полной грудью затруднительно. Сейчас исправим.

И тут же весь смрад ямы исчез. Запахло морем, жасмином, свиной отбивной и хересом.

— Ну, вздохнули? — успокаивающим голосом спросил сосед. — Теперь о том, кто я. «Часть вечной силы, всегда желавшей зла, творившей лишь благое». Прошу прощения — это перевод господина Холодковского, но, полагаю, вы узнали источник.

— Я не верю в чертей.

— И не надо. Все равно нас не существует, — улыбнулся пленник.

— Зачем вы здесь? Откуда вы узнали, кто я и где нахожусь?

— Это называется участием в общем событии. Лучше не задумываться над этим, я и сам не понимаю, но стоит расслабиться и плыть по течению, как вы поймете, что на самом деле никакие вопросы не важны.

— А что важно?

— Общее событие.

В слове «событие» странный гость делал ударение на последний слог.

— Чего вы хотите?

— Вот. Первый грамотно поставленный вопрос. Я не хочу ничего. А вот определенные силы, которые, повторюсь, желают зла,

но совершают благо, имеют на вас свои виды. Для начала, думаю, стоит вам объяснить, что это за странные артефакты, которые меняют цвет глаз...

Говорил гость вычурно, с иронией, будто не в невольничьей яме сидел, а в ресторане на Невском. Рассказал он обо всех громких событиях в мире, которые пропустил, находясь в рабстве, поручик. Рассказал о древних артефактах, их свойствах и знаменитых хозяевах. Рассказал, что надо делать и чего делать не надо, когда поручик окажется на свободе (а этот момент, подчеркивал гость, наступит очень скоро, буквально вот-вот).

— Звать вас, кстати, отныне не Гурбангулы Курбанхаджимамедов. Теперь вы Иванов. Просто Иванов, с любым именем. Если задуматься, то имя не имеет значения. Как я уже говорил, это не важно. И вот еще — никогда не ищите личной выгоды. От этого все беды и несчастья. Помните — ваш предмет приведет вас туда, куда нужно, не сопротивляйтесь его воле. Наша задача — а таких, как мы, много, — сделать общее событие гармоничным и своевременным.

— По-моему, вы бредите.

— Я тоже так думаю, — легко согласился гость. — Так, кажется, время выходит. Держите скунса. Как он работает — поймете сами.

В руку Курбанхаджимамедова упала тяжелая холодная фигурка странного животного, похожего на белку. Запахи моря, жасмина, отбивных и хереса тут же исчезли, и на поручика обрушилась такой силы вонь, что он едва не потерял сознание. Гость, так и не сообщивший своего имени, стал спиной отходить в дальний угол ямы, туда, где лежали трупы.

— Когда все кончится — бегите, — сказал он. — И помните — общее событи...

В это время земля дрогнула, и дальняя стена ямы, а также часть потолка обвалились, заживо погребая под собой таинственного

незнакомца. Далее последовал жуткий трубный рев, будто кричала сама земля, и последовала еще целая серия толчков, все слабее и слабее. Потом все стихло.

Яма обрушилась так аккуратно, что по образовавшейся отлогой осыпи поручик легко выбрался наружу и огляделся.

Двора больше не существовало, равно как и дворовых построек, и самого дома, и высокого дувала, и всего аула. Были только руины, горы и дорога, уходящая куда-то прочь. Наконец-то свобода, хоть и полученная каким-то диким, противоестественным способом. Глубоко вдохнув, Курбанхаджимамедов... нет, теперь Иванов. Просто поручик Иванов, без имени. Глубоко вдохнув, поручик Иванов сделал шаг. Потом второй. Потом третий. С каждым шагом он чувствовал, что все больше и больше увязает в общем событии.

1920 ГОД. МОКРОЕ, КРАСНОЕ

Мокрушников никто не любит: ни менты, ни воры, ни ба-рыги. Вообще жизни человека лишить — много ума не надо. Ты на бане пощипай гусей, да так, чтоб никто хипеж не поднял. Ты сейф швейцарский вскрой, если не замок, то хотя бы стенку. Ты продай фраеру заморскому дворец Юсупова. А перо в бок или маслину промеж глаз — много ума не надо, любая гопа канавная справится. Уважающий себя мастер на мокрое дело не пойдет.

Спровадив ночную подружку, Богдан ушел по шалманам и пивным — пить и прожигать несправедно нажитые барыши. Веселись, братва, гуляю сегодня! Че такие смурные?

Заткнись, Слепошарый, не до тебя сегодня, траур у нас. Да че случилось-то? Прямо по всем кабакам траур? Уж и выпить не с кем. А ты что, не слыхал про Скальберга, пса легавого? А что с ним? Зажмурился, бедолага. Тю, было б из-за чего горевать — мента пришили. А его не просто так прикнукали, а натурально казнили. Не иначе, Белке дорогу перешел. Жалко, конечно, легавого, лютую смерть принял, но врага надо по себе выбирать. Слышь, говорят, топором разрубили, на мясо пустить хотели. Да кто ж на такое способен? А будто не знаешь!

Только Шурка-Баянист на такое и способен. У него на лице написано — людоед. Страшней рожки во всем Питере не найти. И дружки ему под стать — Серьга-Плотва, Фадей и Коля-Вася.

Все в пивнушке на Сенной подвизаются, в бывшем трактире. Шурка Андреев на баяне наяривает, глазом недобрым народ распугивает.

Слухов про Баяниста и его компанию и впрямь много ходило, и один страшней другого. Дескать, ночью одиноких прохожих убивают, разделявают на мясо, а потом добрым людям на обед подают — в пирожках. Ногти там, зубы, уши и носы обрезанные попадают.

Словом, брехня одна. Да вот только самого Баяниста утром недалеко от рынка Сенного видели, вроде как жег одежду окровавленную. А Плотва и вовсе весь керосином и паленым волосом пропах, будто свиней всю ночь палил. Вот те крест — точно они.

Все это, конечно, только слухи и предположения.

Но Кремнев учит:

— В самом тайном делишке всегда отыщется человечек, который или что-то видел, или слышал, или знает, или помнит, или догадывается. А твоя задача — эти сведения из него вытрясти.

Вытрясать сведения Богдану времени не хватало. Слишком жесткие рамки поставил ему Кошкин. Чтобы дело не пропало, нужно прятать глаза за маскировку свою слепошарую и дуть в пивнушку на Сенной, где наяривает на баяне «Цыпленка» Шурка-Баянист, в миру — Андреев Александр.

С того самого момента, как Богдан попал в пивную, расположенную в полуподвале на Сенной, в нем боролись два противоречивых чувства. С одной стороны, чуйка едва не благим матом орала — вот они, злодеи, которые Скальберга истязали! Если в подсобке у Баяниста порыться, можно и инструмент найти, наверняка еще не отмытый, и кровь на теле.

Но та же чуйка говорила, что убивали они не по приказу Белки. И вся та мясная лавка, в которую превратили квартиру

в Таировом переулке, — не то, чем кажется. Потому что из малолетнего стукача никто супового набора не сварганил. Зачем же было Скальберга разделявать? Вывод напрашивался сам собой — кто-то хочет, чтобы менты думали на Белку. На самом деле смерть агента связана не с бандой.

— Эй, кучерявый, почем берешь? — крикнул Богдан Баянисту будто с пьяных шар. — Тошнит уже с цыпленка твоего шпаренного! Этак и я могу!

— А ты что-то получше знаешь? — Баянист убрал пальцы с кнопок и злыми свинными глазками уставился на нарушителя спокойствия. — Ну, давай, чувырла, расскажи, чего у вас в деревне сейчас после третьего стакана завывают?

Богдан пьяным взором победно оглядел притихших посетителей бывшего трактира и сказал:

— Мурку! Слышал? «Прибыла в Одессу банда из АМУРА...»

Посвященная недавно расстрелянной анархистке Марусе Никифоровой, «Мурка» еще не вошла в широкое употребление. Играли ее исключительно в козырных шалманах, куда кого попало не пускают, что выдавало в пьяном госте модного и фартового бродягу. А вот Баянист растерялся. Понятно, что где-то что-то он краем уха слышал, но слов не знает и мелодию, как бы лихорадочно ни пробовал лады, повторить тоже не сумеет.

— Да пошли вы! — плюнул Богдан на стол и, пошатываясь, покинул пивную.

Слежки за собой Богдан не обнаружил. То есть провожали его взглядами до выхода, кто-то следил, пока он, изображая пьяного, пересекает Сенную, но потом ощущение опасности пропало. Значит, проглотили. Теперь можно было пройти через подворотни и дворы, исчезнуть с посторонних глаз, зайти на конспиративную квартиру, где есть телефон, и связаться с Кошкиным.

Это был прямой телефон, который провел для своих агентов еще в 1905 году начальник сыскной полиции. Ни коммутаторов, ни барышень. На том конце провода сидит верный человек, записывает сообщения и передает кому надо.

— Срочно, Кремневу. Мокрое, красное. Баянист, Плотва, Коля-Вася и Фадей. Жду.

Красное — позывной, обозначающий, что жертвой стал сотрудник милиции. Теперь можно немного отдышаться и подумать.

Известно, что Баянист с Белкой на короткой ноге и время от времени принимает участие в налетах и самочинках. Но для Белки Баянист и его дуболомы слишком тупы, этим лишь бы резать да черепа проламывать. Даже удивительно, как у ментов до этих субчиков еще руки не дошли. Видать, классовое происхождение спасает. Зачем же Белка поручает убийство заклятого врага им? И самое главное — где записка? Белка — человек, который репутацию свою бережет. Ни записки, ни глумливого рисунка? Нет, это точно не Белкина работа.

Зазвонил телефон. Богдан взял трубку и услышал Кремнева:
— Говори.

Богдан рассказал ему о своих соображениях. Сергей Николаевич несколько раз хмыкнул, соглашаясь.

— Значит, думаешь, Скальберга не по приказу Белки убили?

— Уверен, Сергей Николаевич. Похоже, тут действительно «большое и таинственное дело».

— Ладно, работай дальше. Я завтра сам на телефоне сидеть буду, расскажу, как все прошло.

Всех четверых взяли прямо на месте работы. Вроде с проверкой паспортов нагрянули, да только всех посетителей отпустили,

даже у кого липовые документы были, а злодеев оставили внутри. Баянист, даром что тупой, довольно быстро сообразил, по какой надобности менты явились, но было уже поздно — всех повязали и начали обыск. В печи нашли непрогоревшие остатки одежды и головного убора Скальберга, в подсобке — паяльную лампу и топор со следами крови, на подошвах всех четверых — корабельный сурик, которым выкрашены были полы на месте преступления, и кровь, конечно.

Допрашивал задержанных лично Кошкин при участии Кремнева. Трое раскололись сразу, как что было. Ждали прямо на квартире. Коля-Вася бил по голове и подвешивал на крюк для люстры, Плотва башку паяльником жег, Баянист глаза выкалывал, нос и уши резал, Фадей выбивал зубы и труп потом разрубал, хотел на мясо пустить. Только Баянист стоял на своем — ничего не знаю, играю на гармошке, никого не трогаю. Но именно он и интересовал уголовку.

— Кто велел Скальберга убрать? Белка? — спросил Кошкин.

— Не знаю, про что толкуете, товарищ начальник, — смиренно отвечал Баянист. — Я чистокровный пролетарий, на колчаковских фронтах раненный.

— Чего? — улыбнулся Кремнев. — Шура, ты мне в глаза посмотри. Сколько раз я тебя в дальний путь провожал? Аркадия Аркадьевича помнишь? Сколько он дел твоих вел, не подсказешь?

— Товарищ начальник. — Баянист преданно смотрел в глаза Кошкину. — Прошу занести в протокол — это есть самый настоящий контрреволюционный элемент, царский сатрап Кремнев. Он столько борцов с царизмом на каторгу отправил! Арестуйте его немедленно, так как я есть пострадавший от его произвола.

— Конвой! — позвал Кошкин.

В кабинет вошел конвойный.

— В камеру.

Когда Баяниста увели, Кошкин спросил:

— Нам его признание нужно?

— Нет, — ответил Кремнев, — одних показаний Коли-Васи достаточно будет. Тут другое дело...

— Что опять?

— Перетрусов думает — и я склонен с ним согласиться, — что эти упыри к Белке никакого отношения не имеют. Они просто мокрушники, торпеды. Белка таких не держит, у него сплошь фартовые.

— Зачем же Скальберга убили?

— В том и вопрос. Тот, кто им велел Скальберга убить, другой интерес имел.

— Какой интерес?

— Меня больше занимает, кто заказчик.

— Но почему не Белка?!

— Смотрите сами. Что говорит Коля-Вася? — Сергей Николаевич порылся в бумагах на столе, вынул нужную и стал читать вслух: — «Тогда Фадеев и Плотвинов стали в него стрелять, а когда патроны закончились, еще и ногами топтать. Андреев сказал жене Сеничева, чтобы передала милиции привет от Ваньки-Белки...» Кремнев вопросительно посмотрел на Кошкина.

— И что? — не понял Владимир Александрович.

— Совсем зеленому Перетрусову все ясно, а вам невдомек?

— Ну говорите уже!

— Куликова, как выяснилось, тоже убивали Баянист и компания.

— Я сам их допрашивал, перестаньте повторять то, что я слышал.

— Так скажите мне — почему всюду сообщение от Белки оставляют, а Скальберга убивают инкогнито и собираются еще избавиться от трупа?

Вопрос поставил Кошкина в тупик. Он собирался всеми правыми и неправыми методами выбить из Баяниста, где прячется Белка, а тут получалось, что виноват кто-то другой.

— Значит, до Белки не добраться? — спросил он.

— Не этим путем, — покачал головой Кремнев.

— Твою мать...

Кошкин был расстроен. Так быстро найти убийц — и впускую.

— Ищите, кто заказчик, — сказал он после непродолжительного молчания. — Пусть это даже не Белка, но я хочу, чтобы заказчика нашли. Это уже вопрос принципа.

Все это Кремнев и передал на очередном сеансе связи с Перетрусовым. Богдан не знал, радоваться или горевать. Не порушили легенду — уже спасибо, но опять заниматься не своим делом?

— Я вот тут подумал, — сказал Кремнев. — Записку Скальбергу написал кто-то знакомый. Знал он этого человека и доверял. Может, кто-то из его старых осведомителей скурвился?

— Думаете, Баянист был этим осведомителем?

— Баянист неграмотный. А записка без ошибок, красивым почерком исполнена. Это какая-то интересная рыба, я таких только до революции встречал, да и то редко.

— Значит, Скальберга убрал его старый знакомый? Руками Баяниста? Так колите Баяниста, и все узнаем.

— Не колетса твой Баянист. Будто ждет чего-то. Я не понимаю, на что в его положении можно надеяться, но ведет он себя самоуверенно. Сдается мне, что тот, чей заказ Баянист выполнял, обещал его каким-то макарон выволить.

— Думаете, у нас крыса завелась?

— Такое тоже возможно, но Баянисту могли и мозги запудрить. Никак не могу придумать, как с него эту самоуверенность сбить.

— Ладно, вы тогда думайте, а у меня сегодня еще делишки назначены. Кстати, у меня тут насчет истории этой, со стукачом Скальберга, мысль имеется. В транспортной ЧК у меня дружок работает, Леонид Пантелкин. Вы к нему напрямую обратитесь, может, он придумает чего. У него голова не хуже моей варит. Ну, я побегу.

Сергей Николаевич не стал возражать. Дел в уголовке много, и все важные. Если данных по одному делу недостаточно, значит, нужно заняться другим, переключить мозг. Может, другое дело и поможет раскрыть то, которое застряло. Он записал имя перетрусовского приятеля в записную книжку и тоже покинул квартиру.

Богдан же отправился на Невский. Сегодняшняя встреча была связана с давным-давно забытой аферой, во главе которой стояла некто Эмма Павловна Прянишникова. История комичная и трагичная одновременно, Богдану она сразу запала в душу, потому что криминальный талант — это тоже талант, что ни говори.

Эмма Павловна была замужней дамой без каких бы то ни было страстей и наклонностей. Сидела дома, воспитывала детей, всячески угождала супругу, простому служащему путей сообщения. И вот как-то раз, когда дети уже подросли и поступили один за другим в Михайловское артиллерийское училище, Эмма Павловна заскучала. И, видимо, от скуки, заинтересовалась, чем же все-таки муж на работе занимается. Муж служил диспетчером, работу свою считал скучной, но долгими зимними вечерами говорить о чем-то было надо, и он нехотя рассказывал досадные подробности своей профессиональной деятельности,

переставляя шахматные фигуры по схеме железнодорожной станции, которую обслуживал.

Имея от природы пытливым ум, Эмма Павловна легко вникла в суть железнодорожных перевозок и обнаружила, что здесь можно сколотить приличный капитал, просто переставляя вагончики с места на место. Она и сколотила, просто время от времени заглядывая к мужу на службу и вмешиваясь в его работу, пока тот отвлекался. На фиктивный адрес несуществующей торговой фирмы стали приходить товары первой необходимости, самые разные и в объемах прямо-таки колоссальных; а потом два приятных молодых человека по дешевке перепродавали эти товары питерским магазинам и лавкам. Первым неладное обнаружил сам супруг. Подсчитал убытки, которые по его вине — он не догадывался, что за всем стоит его благоверная, — терпели разные торговые компании, и бросился под поезд, когда цифра перевалила через миллион. В предсмертной записке он признался во всем. Однако принял на себя вину напрасно. Полиция давно интересовалась торговыми махинациями подставной фирмы и за молодыми людьми тоже вела слежку. Через них нашли и саму мадам Прянишникову.

Увы, заслуженного наказания вдова понести не могла, потому что, во-первых, фирма была оформлена на имя мужа, а во-вторых, Эмма Павловна всем сердцем любила супруга, и известие о его смерти вызвало у мадам Прянишниковой апоплексический удар, в результате которого ее хватил паралич ног.

Историю эту, как забавный курьез, Богдану рассказал Сергей Николаевич, но она возымела совершенно неожиданное продолжение. Совсем недавно, в глухом железнодорожном тупике одного из питерских вокзалов, о котором транспортный отдел ЧК, видимо, и не подозревал, появился вагон без маркировки, под

завязку забитый мешками с гречей. Двое вполне приятных, хотя и не слишком молодых человека за разумную цену меняют продукт на любую конвертируемую ценность. Богдану было назначено на восемь вечера.

Встретились на Невском, у Пассажа. Их было четверо — барыга и трое мордоворотов.

— Приветствую вас, — сказал барыга.

— Мое почтение, — ответил Богдан.

— Ну как?

— Да ничего.

Барыга приподнял брови:

— Совсем ничего?

— Абсолютно.

— Я же вас просил.

— Мне очень жаль.

— Но я могу рассчитывать?

— Бесспорно.

— Хорошо бы в течение недели.

— Постараюсь.

— Как насчет гарантий?

— Гарантий быть не может. Но я постараюсь.

— Это будет — фирма?

— Естественно.

— Так что — звоните.

— Непременно.

— Вы помните мой номер телефона?

— К сожалению, нет.

— Запишите, пожалуйста.

— С удовольствием.

— Хотя это и не телефонный разговор.

- Согласен.
- Может быть, заедете прямо с товаром?
- Охотно.
- Помните адрес?
- Боюсь, что нет...

Разговор был дурацкий, и оба это понимали, но никто не хотел раскрывать карты раньше времени. Встреча вполне могла быть подстроена чекистами или уголовкой, так что осторожность не могла помешать. И когда тема для разговора себя исчерпала, Богдан взял да и ляпнул наугад:

- Как здоровье Эммы Павловны?
- Барыгу будто мешком с гречкой оглушили.
- Откуда вы...

Богдан понял, что слишком сильно ткнул в нужную точку, но идти на попятный было поздно.

— Я не знаю. Просто слышал. Но если вы действительно от Эммы Павловны, я готов взять все.

— Все? — еще больше опешил барыга, и тогда Богдану стало ясно, что этот шут гороховый — просто попка и на самом деле возможности Богдана оценивает кто-то из мордovorотов.

— Вы отказываетесь? Ну, тогда ладно. Слава богу, адреса вы мне никакого не дали, так что — адью. — Богдан развернулся и пошел в сторону Желябова.

- Стой, шустрый, — сказал чей-то недружелюбный голос.

Богдан послушался и обернулся обратно. «Барыгу» как ветром сдуло, и двое из трех мордovorотов тоже уходили в сторону Садовой. Оставшийся был среди них самый крупный.

- Откуда про Эмму Павловну знаешь?

— Папаша покойный рассказывал, перед тем как на фронт германский уходил.

— Насчет фирмы не врал?

— Если вы мне не доверяете, зачем тогда весь этот разговор?

— Ладно, хрен с тобой. Приходи через три часа на Ваську, на Смоленское кладбище, сведу тебя с Эм-Палной. Но только учти — понравишься ты ей, то будете дела иметь, а не понравишься — лучше тебе сразу ноги в руки брать.

Вот она — рыба, думал Перетрусов. Настоящая крупная рыба, а не все эти бандиты-жулики. Такая не шарит по чужим карманам, она берет чужое, как свое, и сети против нее ставить бессмысленно — или порвет, или утянет на дно вместе с рыбаком. Только такую и имеет смысл ловить.

— А вы весьма осведомленный молодой человек, — сказала Эмма Павловна.

Жила она в какой-то задрипанной каморке, где помещались только кровать, кресло и столик, весь заставленный коробочками и пузырьками. В каморке стоял тяжелый запах мочи, лекарств и плесени. Кремнев был прав — Прянишникову разбил паралич, и она не вставала с постели.

Эмма Павловна величаво восседала в своей кровати — большая, одутловатая, в чепце и халате поверх ночной рубашки, и смотрела Богдану прямо в глаза.

— Что у вас со зрением?

— Не переношу яркого света.

— Можете снять, у меня неярко.

Богдан послушно убрал пенсне в карман пиджака, и Прянишникова еще жаднее стала в него всматриваться.

— Интересные у вас глаза.

— Благодарю.

— Колдовские.

- Это плохо?
- Нет, что вы. У моего покойного супруга были такие. И у младшего сына тоже... Как вас, я запомнила?
- Ваня, — назвал Богдан свое конспиративное имя.
- Разве серьезного мужчину могут звать Ваня? Иван! А по бабушке?
- Васильевич.
- Иван Васильевич — вот это уже по-мужски. Я скажу Федору, чтобы звал вас Грозным.
- Я вовсе не грозный.
- А я старая больная женщина, и что с того?
- Во все вы не старая.
- Да что вы? Такой молодой — и такой неловкий льстец. Впрочем, ладно, оставим обмен любезностями. Не буду спрашивать, как вы обо мне узнали — слухами земля полнится, был грех, попала. Но сейчас-то где я споткнулась?
- Да нигде, Эмма Павловна. Или на том же месте, как сказать. Я как про вагон гречки услышал, так сразу и подумал — знакомый почерк.
- И вы вот так решили, что старая больная женщина способна украсть целый вагон?
- Я решил, что только умная женщина сможет умыкнуть вагон, не вставая с места.
- Прянишникова расхохоталась неожиданно красивым и молодым смехом.
- Определенно, вы мне нравитесь. Полагаю, мы сможем быть друг другу полезны. Теперь скажите мне, вы и вправду готовы расплатиться за крупку фирменным товаром?
- Теперь я уже сомневаюсь, что этот товар может вас заинтересовать...

— А вы не сомневайтесь. Итак?

— Реквизированный товар фирм «Макс фактор», «Жиллет», «Проктэр энд Гэмбл».

— Косметика и галантерея? Вы удивляете меня все больше. А откуда вы возьмете все это?

— А откуда вы берете то, что у вас?

Прянишникова снова расхохоталась.

— Знаете, Федор может вас всего переломать, и вы рады будете рассказать то, что знаете, и то, чего знать не можете. Поверьте, так бывало, и не раз. Но ваше бесстрашие, граничащее с глупостью, мне нравится. Будьте добры, снимите со стены фотографию, я покажу вам своих мальчиков.

Богдан обернулся и увидел на стене, сразу за креслом, большой групповой снимок.

— Подойдите.

Богдан подошел. Эмма Павловна нежно провела по стеклу рукой и показала сначала на одного совсем зеленого, остриженного наголо мальчишку лет четырнадцати, сидящего в ногах преподавательского состава, а потом на юнца с усиками, стоящего в центре, в четвертом ряду.

— Младший — Лешенька, старший — Кирилл.

— Что с ними? — немного деревянным голосом спросил Богдан, разглядывая фото.

— Революция. Оказались среди тех несчастных, что защищали Зимний. И, как сами понимаете, не защитили.

Богдан стоял рядом с Прянишниковой и думал, что сейчас она его расколлет — так громко билось его сердце.

Впрочем, Эмма Павловна поняла его совсем иначе.

— Не волнуйтесь насчет Федора, я пошутила. Нет, не убирайте, я посмотрю еще немного, — и она прижала рамку к себе. —

Простите — расчувствовалась я что-то. Младшенький мой, Алексей, сейчас бы примерно такого возраста, как вы, был.

Она промокнула платком совершенно сухие глаза и сказала:

— Идет, мы заключим с вами сделку. На самых выгодных условиях. Жду вас через день, оговорим порядок обмена. А пока извините — мне пора пить лекарства.

Огромный Федор проводил Богдана до квартиры (ответная любезность, пришлось засветить свою хату, если уж Прянишникова засветила свою), и только тогда Перетрусов вздохнул с облегчением. Кремнев оказался прав сто тысяч раз — отвлечься от одного дела в пользу другого весьма помогает.

На фотографии юнкеров Михайловского артиллерийского училища рядом со старшим сыном «старой и больной» Прянишниковой стоял не кто иной, как Александр Скальберг.

Всю ночь Богдану не спалось, он ворочался с боку на бок, курил у окна, но спать не мог. Не потому, что беспокоили сны, а потому что новость эта — Шурка Скальберг был юнкером — жгла, словно горячий пирожок.

Не имелось у Богдана предубеждения перед людьми с прошлым. За прошлый год он насмотрелся, на что способны люди, да и сам такого натворил, что можно к стенке ставить без всякого трибунала. Но в этом прошлом таилась тайна настоящего.

Кое-как дождавшись утра, Перетрусов надел кепку, снова закурил и отправился на конспиративную квартиру. Из дома уходил через чердак, по пожарной лестнице на другую улицу. Может, Прянишникову и не приказывала следить за новым деловым партнером, но Федор мог и сам расстараться. Рисковать Богдан не хотел.

— Срочно, Кремневу. Мокрое, красное.

Все преимущества своего подвешенного состояния Сергей Николаевич ощущал именно в такие моменты — когда он, не будучи частью правоохранительной системы, занимался любимым делом. Если бы не революция, Кремнев занялся бы на пенсии частным сыском, ибо нет ничего интереснее распутывания человеческих тайн. Впрочем, Сергей Николаевич лукавил — частью правоохранительной системы он, как наставник молодых агентов, всё же являлся.

Сигнал, полученный утром от Перетрусова, заинтересовал Кремнева. Значит, Шура, как и многие, подправил в документах свое происхождение? Его нельзя в этом винить: людоедская власть решила выслужиться перед быдлом и унижить всех, кто не был унижен до революции. Разумеется, ведь достоинства в мире так мало, на всех его не хватает. Если решили вернуть его одним, то у других нужно отнять. Тьфу! Вот Шура, чтобы не лишиться человеческого достоинства, и перекроил биографию. Да и бог с ним, все равно жизнь ему это не спасло.

Что важно в прошлом Скальберга, а что нет? Хочешь не хочешь, а на Арсенальную набережную сходить надо. Может, пустышку вытянуть придется, а может — и весь банк сорвать. Но сначала Сергей Николаевич отправился на Балтийский вокзал, встретиться с Пантелкиным.

На вокзале было шумно, суетно и весело. То тут, то там играла гармошка и отправляющиеся на фронт красноармейцы тешили себя песенками похабного содержания. Мальчишки — безпризорники и домашние — смотрели на них с завистью.

Сергей Николаевич Кремнев нашел, где сидят чекисты-транспортники, и спросил:

— Мне бы поговорить с товарищем Пантелкиным.

Все посмотрели на молодого парня со слегка оттопыренными ушами.

— Вы по поводу реквизированных мешков?

— Нет-нет, у меня личный вопрос.

— Дочку, наверное, охмурил, — догадался кто-то из чекистов, и все засмеялись.

Покрасневший Пантелкин вышел с Кремневым в коридор.

— Что такое?

— Меня зовут Кремнев Сергей Николаевич, я работаю в уголовном розыске. Вам привет от вашего друга, Богдана Перетрусова.

— Какого Богда... Что?! Он что-то натворил?!

Реакция «друга» немного удивила Сергея Николаевича, но он остался невозмутимым.

— Нет, не натворил. Он работает в уголовном розыске и один из лучших наших агентов.

Пантелкин выдохнул:

— Ну, вы меня и напугали.

— У меня к вам просьба от Богдана.

— Да вы не выкайте, я ж моложе вас.

— Как знаешь. Ты помнишь, что недавно здесь задержали агентов уголовки?

— Я сам задерживал. Между прочим, заранее о таких вещах предупреждать надо.

— Я понимаю, операция была плохо продумана. Потому я сейчас к вам и обращаюсь — неофициально. Вы не могли бы...

— Ты!

— Да. Ты не мог бы нам помочь частным порядком?

— Это как — частным?

— Не создавая лишнего шума. У тебя же есть подвязки на кондукторов, машинистов.

— Ну?

— Баранки гну! — рассердился Кремнев. — Перетрусов говорил, что у тебя голова варит не хуже его. Видимо, ошибался.

— Эй-эй, постойте! У меня голова хорошо варит. Вы хотите, чтобы я нашел, на какой станции сошел тот мальчишка, которого бандиты зарезали, так?

Кремнев снова удивился:

— Действительно, соображаешь.

— Я не могу вам результат обещать вот прямо так, быстро. Но дня за три, может, управлюсь.

— Что, правда?

— Быстрее не смогу, извините.

— Ладно. Как что-то обнаружишь, звони по этому номеру. Скажешь — Кремневу от Пантелкина, мокрое, красное. Мне передадут, и я к тебе сам приеду.

— Только не от Пантелкина. От Пантелеева.

— Как скажешь. Буду ждать.

Уходя, Кремнев думал, что его бы устроила и неделя.

Первые Советские артиллерийские Петроградские командные курсы были реорганизованы из Михайловского артиллерийского училища. Кремнев вошел в здание по мандату и попросил встречи с начальником курсов Михайловским.

— Обещать ничего не могу, — ответил Михайловский, когда Кремнев изложил свою просьбу. — Хотя... как, говорите, его звали?

— Скальберг.

— Знакомая фамилия. Если он не с ускоренных курсов, сейчас посмотрю.

Михайловский открыл несгораемый шкаф в углу кабинета и почти по пояс влез внутрь, после чего вынул пухлую папку,

перевязанную тесемкой, и положил перед Сергеем Николаевичем.

— Прошу, можете изучать. Выписки делайте сколько угодно, но отдать с собой не могу. Видите, гриф — «Хранить вечно». Буду хранить, покуда жив.

— Благодарю.

— Вы не обессудьте — у меня сейчас занятия. Я вас замкну на часик?

— Как бы и подольше не пришлось. Замыкайте, пока я тут все это изучу...

Кремнев водрузил на нос очки и развязал тесемку.

Сергей Николаевич легко нашел в списках учащихся Скальберга, братьев Прянишниковых, еще кое-кого из нынешних «фартовых». А ведь какие юноши были — загляденье, и во что они превратились... Все, больше ничего интересного. Взглянув на часы, Кремнев решил, что еще полчаса можно просмотреть, любопытства ради, служебные документы — циркуляры, приказы, сводные ведомости. Здесь-то и нашлось то самое прошлое, которое позволяло вписать гибель Скальберга в некоторое подобие закономерности.

Из училища отчислялись — за «неповиновение приказу» и «отказ возвращаться в казармы» — несколько юнкеров. Кремнев несколько раз перечитал список и никак не мог поверить в удачу. Рядом, один за другим, шли фамилии: Куликов, Сеничев (те самые граждане, убийство которых так взволновало Скальберга), сам Скальберг и братья Прянишниковы, благодаря которым открылась связь между погибшими.

Сергей Николаевич специально скопировал личные данные отчисленных юнкеров, чтобы перепроверить, но он ничуть не сомневался, что таких совпадений не бывает. Список отчисленных

на предмет других совпадений Кремнев тоже аккуратно перенёс в записную книжку.

Как раз в это время прозвенел звонок. Аккуратно сложив документы в том порядке, в каком они лежали в папке, Кремнев завязал тесемку и встал, ожидая Михайловского. Тот появился почти сразу, отпер дверь и кому-то в коридоре сказал:

— Юлиан Борисович, не забудьте — завтра мне потребуется табель успеваемости.

Когда он вошел в кабинет, Сергей Николаевич лихорадочно перелистывал вновь раскрытую папку.

— Ага, — понял Перетрусов. — То есть вы сначала не обратили внимания, что даты — по старому стилю?

— Соображаешь. Как Михайловский сказал — «Юлиан», я будто проснулся. Полез проверить дату — и точно, 26 октября.

— И что это значит?

— О, брат, сейчас поймешь. Знаешь ли ты, что произошло в этот день три года назад?

— Ну, революция.

— «Ну, революция...» — передразнил Кремнев. — Тебя за такое отношение к революции Петросовет по головке не погладит. Штурм Зимнего дворца и арест Временного правительства, в ночь с 25 на 26 октября. А кто защищал дворец?

— Э...

— Ты что, не грамотный ни разу? Тебя распнут за такое политическое невежество. Так вот, среди защитников Зимнего были и юнкера Михайловского артиллерийского училища. Их тогдашний начальник, Леонтовский, довольно быстро сообразил, что, если будет штурм, юнкеров там положат. И приказал покинуть пост. Но там некоторые настолько упертые были — мол, нельзя

нарушать присягу, мы присягнули Временному правительству, это измена... Ослушались, одним словом. И, если ты не знаешь, получилось все именно так, как говорил Леонтовский. Много юнкеров там постреляли, но некоторым удалось спрятаться. Если не был в Эрмитаже — обязательно сходи, там есть где спрятаться.

— И что? За это их убили?

— Думаю, что нет. Вот тебе еще одна подсказка: в это время в Питере царили форменные Содом и Гоморра... что, тоже не знаешь? Ну, это уже сам. Иными словами — беспорядки похлеще того, что сейчас творится. Мародерства, грабежи, насилие — полный набор. В том числе сильно пострадал Эрмитаж. Экспроприация экспроприаторов...

— Это я знаю.

— Грамотей! Так вот, подходим к самому интересному. Как бывший юнкер, причем не просто юнкер, а без пяти минут офицер, буквально через пару месяцев стать чекистом? А?

— Ну, документы подправить.

— Какие документы? Бардак кругом, прости господи, там еще не до документов, разобраться бы, кто за кого. Ну?

— Доказать свою лояльность.

— Лояльность тоже знаешь? Далеко пойдешь. Правильно, доказать. И вот что происходит. Рассказываю, потому что сам только из документов вычитал. Скальберг пришел на Гороховую и притащил целый мешок всякой драгоценной требухи: серебряные столовые приборы, канделябры, золотые украшения, камушки и всяческой мелкой мелочовки, какие-то заморские амулеты — если интересно будет, посмотришь, там три листа описи. И сказал — я, говорит, за трудовой народ, нашел, говорит, нычку мародеров и служить, говорит, хочу новой власти, ловить

преступников и прочую нечисть. Его спрашивают — а сам кто такой? Он почти всю правду и вывалил: мол, бывший юнкер, отчислен за неподчинение приказу, из-за идейных разногласий. Его и взяли. А документы он уже после переправил, я так думаю, года через полтора, когда уголовка переезжала в новое здание. А вот теперь догадайся с трех раз, что я думаю про этот эпизод вопиющей солидарности с трудящимся гегемоном?

Богдан посмотрел на хитрое круглое лицо наставника и предположил:

— Он это все спер из Зимнего?

— Мерзавец! Ты все время угадываешь! Смотри, какая версия: трое юнкеров во время штурма понимают, что дело швах. Они прячутся во дворце, а потом, во время всеобщей пьянки — там же подвалы с вином были, — под видом революционных солдат покидают дворец, а в клювах уносят драгоценности. И за-таиваются. Спустя некоторое время Скальберг понимает, что совершил глупость — сбить все это во время бардака не получится, потому что Совнарком уже отдал чекистам распоряжение разыскать похищенные вещи, к тому же с деньгами начинается полная свистопляска, и на что менять драгоценности, кроме как на еду, неясно. Поэтому он рискует и устраивается в контору, которая занимается ликвидацией таких, как он, — противников новой власти. Логично?

— Логично. Но как это нам поможет вычислить убийцу?

— Думаю, нужно в Эрмитаж наведаться. Есть у меня подозрение, что все это «большое и таинственное дело» связано именно с Эрмитажем.

— А я?

— А ты пока своим делом занимайся. Видишь, как оно нам помогло.

1919 ГОД. ЛИЧНАЯ ВЫГОДА

Все, что требовалось сделать Курбанхаджимамедову пасмурным вечером 24 октября 1917 года, — это очистить дорогу двум людям, у одного из которых, судя по всему, болел зуб. Им нужно было пройти от Сердобольской улицы к Сампсониевскому проспекту, потом на трамвае до Боткинской, через Литейный мост на Шпалерную, чтобы в итоге оба, или по крайней мере тот, с перевязанной щекой, попали на Леонтьевскую, дом 1. Поручик с легкостью исполнил эту задачу, и через день мир изменился — к власти в России пришли большевики.

Поручик наблюдал, как рушится привычный ему мир, и испытывал странную смесь удовольствия и ужаса. Он помешал английской разведке осуществить первое покушение на Ленина, того самого человека с забинтованной щекой, подтолкнул большевиков к расстрелу царя, потом помог англичанам со вторым покушением на Ленина и обеспечил провал заговора трех послов. И все это делал будто не он, а какой-то прозрачный двойник. Были странные провалы в памяти, когда поручик Курбанхаджимамедов обнаруживал себя то в кабинете верховного правителя России в Омске, загримированным и дергающимся, будто в экстатическом танце, вещающим об артефактах, способных изменить ход войны; то вдруг замирал посреди проезжей

части в двух шагах от автомобиля того же Ленина, который вез вожда на партсобрание в Московский комитет РКП (б).

И в конце концов это поручику надоело. Участие в «общем событии», возможно, кому-то и кажется пределом желаний, но Курбанхаджимамедов не из таковых. Не он принадлежит артефакту, но артефакт принадлежит ему. И Курбанхаджимамедов будет использовать его только для личной выгоды, потому что зачем еще нужны артефакты?

Поручик будто проснулся — у него сразу появились мысли, чувства, желания, и самым первым желанием было — отомстить.

Как только Курбанхаджимамедов восстал против скурса, у него все перестало получаться само собой. Теперь, чтобы оказаться в нужное время в нужном месте, поручику приходилось собирать кучу сведений в самых разных местах. Однако он справился и 5 декабря 1919 года оказался в деревне Луциковка недалеко от Сум. Здесь обитал святой старец.

Иеросхимонах Антоний, бывший лейб-гусар, жил в скиту на окраине деревни, но на старца не походил, да какая это старость, в сорок девять лет? Он был силен и бодр, питался ягодами, орехами и кореньями, с благодарностью принимал от селян капусту, репу и картошку, помогал полуграмотному старосте составлять прошения к постоянно сменяющейся власти и принимал паломников.

Начало декабря выдалось теплым и ненастным. Поручик заблудился на окраине деревни, пытаясь понять, какая из множества уходящих к лесу дорог ведет к скиту. Снег намок и просел, света электрического фонарика не отражал, и потому Курбанхаджимамедов только мялся на месте, ожидая случайного прохожего, который проведет его к святому старцу.

Прохожие появились тогда, когда поручику уже надоело ждать и он собирался постучать в ближайшую хату. На грязно-белом поле,

едва освещенном то выплывающей, то вновь скрывающейся за тучами луной, из небытия материализовались две фигурки. Батареи в фонарике уже разрядились, и потому Курбанхаджимамедов пошел навстречу этим фигуркам в надежде, что они знают дорогу.

Не успел он пройти и нескольких шагов, как впереди послышались приглушенные крики и женский визг. Кто там? Анархисты? Простые уголовники? Или деревенская шпана, охочая до бесплатных развлечений, или там обычная семейная сцена? Выстрелов не было, значит, у Гурбангулы имеется преимущество. Поручик вынул из кармана пистолет и ускорил шаг. Вообще-то сейчас стволов столько, что лишь полный растетеха и нищebroд не имеет плохонького нагана. Значит, впереди либо полные нищebroды, либо...

— Помогите! — донеслось до Курбанхаджимамедова. — Люди добрые, помогите, убивают!

— Руки вверх! — заорал поручик и выстрелил в воздух.

В деревне тотчас залаяли собаки, и от серой кучи-малы, которую видел впереди Курбанхаджимамедов, отпочковались три темные фигуры и бросились обратно в лес.

Через минуту поручик достиг места трагедии. В снегу валялась, распластавшись, какая-то дебелая баба, а над ней рыдала другая.

— Что случилось? — спросил поручик.

— Помогите! Надо в деревню, там фельдшер есть.

Поручик склонился над телом и увидел, что у дебелой бабы борода до пояса и длинные седые волосы и не длинная юбка скрывает ноги, а монашеская ряса.

— Это Антоний?

— Да! Помогите, пожалуйста!

Не так ожидал встретить своего врага поручик, но выбирать не приходилось. Он взвалил тяжелого схимника на плечи и, спотыкаясь, побрел обратно к деревне.

По пути женщина — судя по всему, не из простых крестьянок, речь была грамотная и даже интеллигентная — рассказала, что отец Антоний решил проводить ее до деревни, потому что тут озоруют мелкие бандиты. Через лес они прошли нормально, а вот на поле их будто поджидали. Сначала бандиты велели схимнику убираться, но он не послушал. Тогда они полезли драться, и отец Антоний показал, чего стоит. Да только не заметил, что у кого-то из бандитов нож был.

Курбанхаджимамедов вспомнил ту драку на озере Шала, в результате которой он располосовал Булатовича ножом, а сам получил пулю в шею. Какие-то неправильные монахи в России, вместо того чтобы после удара по одной подставить другую щеку, они норовят свернуть обидчику челюсть.

Как ни торопился Гурбангулы, а судьба монаха была уже решена. В темноте ни поручик, ни спутница Булатовича не разглядели, что кровь из схимника лилась ручьем. К фельдшеру отца Антония принесли уже обескровленным. Он открыл глаза, посмотрел на поручика и улыбнулся:

— Грб... Гурбангулы. Все-таки живой.

— Где реликвия? — спросил Курбанхаджимамедов как можно безразличнее, хотя больше всего ему хотелось выть.

— Которая? Я их, голубчик, с тех пор почти полтора десятка собрал. Грешен оказался, любопытен сверх всякой меры... — Отец Антоний закашлялся, и изо рта у него показалась розовая пена. — Передал я все географическому обществу, а они — в Эрмитаж. Так что все там. Прости, если мо...

Схимник кашлянул еще два раза и умер. На лице его застыла счастливая улыбка. Женщина тут же заплакала в голос, фельдшер перекрестился и пошел за старостой, а Курбанхаджимамедов продолжал стоять перед бывшим своим командиром, соперником и врагом, держа мертвеца за руку.

Итак, личная выгода опять уплыла из рук. Ни мести, ни артефакта, способного делать столько мраморных кирпичей или золотых монет, сколько пожелаешь. Только труп здорового мужика, которому и в голову не могло прийти, что монаху нельзя драться. Зачем он вообще ушел из мира, испортил жизнь и себе, и окружающим? Ведь смеяться потом будут, обзовут каким-нибудь гусаром-схимником. Гурбангулы вздохнул и сказал:

— Прощай, Александр Ксаверьевич.

Пора было ехать в Питер. В Эрмитаже ждали дела.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ

1920 ГОД. ЗАЛОЖНИК

Выдержка из письма наркомпроса Р.С.Ф.С.Р. Луначарского с характеристиками на деятелей российской науки и искусства в Управление делами Совнаркома тов. Н. П. Горбунову.

«Академик Александр Бенуа — тончайший эстет, замечательный художник и очаровательнейший человек. Приветствовал Октябрьский переворот еще до Октября. Я познакомился с ним у Горького, и мы очень сошлись. После Октябрьского переворота я бывал у него на дому, он с величайшим интересом следил за первыми шагами нового режима. Он был один из первых крупных интеллигентов, сразу пошедших к нам на службу и работу. Однако постепенно он огорчался все больше: жизненные невзгоды, недовольство коммунистами, поставленными для контроля над всей музейной работой, вызывали в нем известное брюзжание, постепенно перешедшее даже в прямое недовольство. Думаю, что сейчас он другом Советской власти не является, тем не менее, он как директор самой важной части Эрмитажа (Средневековье и эпоха Возрождения) приносит нам огромные услуги. Вообще

человек драгоценнейший, которого нужно всячески беречь. В сущности говоря, европеец типа Ромена Роллана, Анатоля Франса и других. Тов. Зиновьев и т. Лилина, кажется, в последнее время делают шаги к улучшению его положения, что, вероятно, разгладит морщины на его эстетическом челе».

На пыльном зеркале кто-то написал — «Александр Николаевич Бенуа, Служитель Апполона» — и даже не без таланта нарисовал его профиль. Александр Николаевич машинально исправил ошибку — «Аполлона». Что за чушь, кто это вообще озорничает?

— Ева Станиславовна! Ева!

Ева Станиславовна Ригель, расторопная девушка, достаточно грамотная, чтобы заниматься каталогизацией фондов Государственного Эрмитажа, тотчас прибежала на зов начальника. Пальцы Евы всегда в чернилах, правый висок, волосы и скула тоже были лиловыми — непослушный локон все время закрывал глаза.

— Что это?

Девушка посмотрела на зеркало и покраснела.

— Тонко же вы надо мной издеваетесь.

— Алексанникаич, я не...

— Уберите это немедленно. И вообще — откуда вся эта пыль?! Нет, так совершенно невозможно работать, подам в отставку.

— Алексанникаич...

— Немедленно!

И Бенуа пошел прочь, довольный, что Ева не видит его ликующей физиономии. Ведь это он, старый дурак, как-то с ней разоткровенничался: мол, я и художественный критик, я и журналист, я и «просто живописец», я и историк искусства... Если идти по линии тех разных дел, которые я возглавлял и коими

заведовал, то я был и редактором двух весьма значительных художественных журналов, я был в течение трех лет и чем-то вроде содиректора Московского художественного театра, я был и полномочным постановщиком в Большом драматическом театре в Петербурге, и управляющий одним из самых значительных музеев в мире — Петербургским Эрмитажем и т.д. Все это, правда, относится к царству, подвластному Фебу — Аполлону, но не могу же я на карточке оставить: «Александр Бенуа, Служитель Аполлона».

А она, значит, запомнила, да еще и в задумчивости на пыльном зеркале запечатлела, хоть и с ошибкой... Ну не прелесть ли? Хотя симпатия молодой девушки не такой уж и повод ликовать. Впору рыдать и рвать остатки волос на голове. Потому что все, кроме Евы, Александра Николаевича угнетало и вызывало острое чувство досады.

Он родился не в свое время. Ему бы появиться на свет лет на пятьдесят, а лучше — на сто — раньше, вот тогда бы не приходилось заниматься такой прорвой работы, которая, по сути, никому не нужна. К власти пришло быдло, для которого искусство — это балаган, увеселительная прогулка. Да и к чему им это искусство, когда кругом война и голод? Сто лет назад, когда живы были титаны, когда служение Аполлону и впрямь что-то значило для образованного человека! Зачем объяснять матросу значение искусства эпохи Ренессанса? Почему он должен очевидные вещи проговаривать людям, которые ничего слаще репы не пробовали? Пусть правят бал эти футуристы и прочие. Да уж, господин товарищ Малевич им все доходчиво расскажет!

И самое досадное, что его считают другом новой власти и врагом свергнутой! Что за вздор?! Да, он сотрудничает со всеми этими Горькими, Луначарскими, Чуковскими, которые

и сами-то недалеко ушли от нового гегемона. Воистину последние времена настали для искусства.

Александр Николаевич не зря сокрушался. Ненужность свою новой власти он начал чувствовать едва ли не с первых дней. Наивно полагавший, что искусство может облагородить самые черствые и заскорузлые сердца и умы, Бенуа с ужасом наблюдал хлынувшую мутную волну невежества, возведенного в принцип. Искусство стало прерогативой «буржуев», грабежи и вандализм захлестнули Россию. И что толку, что Александр Николаевич грудью встал за сохранение культуры? Да лучше бы он не мешал вывозить из страны эти бесценные предметы культуры, по крайней мере там, за рубежом, они принадлежали бы истинным ценителям.

Да, поначалу к нему прислушивались, а Луначарский так чуть ли не другом считал. Разумеется, если бы наркомпрос имел доступ к дневнику Александра Николаевича, еще неизвестно, как бы сложилась судьба «служителя Аполлона». Но бог миловал.

Хотя как писал Грибоедов — «минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь». Совнарком и был этими новыми барами. Конечно, они пока прилично ведут себя, нацепив личины демократов и либералов, но скоро весь пафос с них спадет, и они покажут, что сами ничуть не лучше свергнутых. Уже показывают. Отдавать дворцы под клубы для мужланов! И отступают, если к ним обращаешься в ультимативном порядке, что понятно, ведь все они признают лишь грубую силу. А там, где грохочут пушки, музы молчат.

Вот Александр Николаевич и предпочитает в последнее время отмалчиваться и заниматься своими прямыми обязанностями — подготовкой выставок, редактированием и написанием статей, каталогизацией... А ведь хочется еще и творить! И не

с какими-то Мейерхольдами, от чьих экспериментальных постановок мутит, а с классическим театром, с балетом. Он заложник новой власти.

Весь мир сошел с ума. И только Ева не обращает на это внимания, делает свою работу и смотрит на него как на святого. Прелестное дитя.

Александр Николаевич заперся в кабинете и начал работать над эскизами, хотя работать и не хотелось. Странная апатия овладевала им, когда он вот так, внезапно, думал о судьбах родины. Возможно, оттого, что косвенно он и сам был виноват в том, что все так получилось. Не стоило заигрывать с этими силами еще до революции. Не нужна была эта просветительская миссия, которую он на себя взвалил. К чему стадам дары свободы? Но нет, он посчитал в своей гордыне, что способен изменить мир к лучшему, а что вышло? Председательствует на куче советов, в которых перетягивается с головы на ноги и обратно куцее одеяльце совнарковского внимания к проблемам культуры и просвещения.

Затеяли серию «Всемирной литературы». Для кого? Для толпы плебеев, которая в Петербурге открыто дефилирует вдоль загаженных набережных вместо почтенной публики? Как там пишет Блок? «Миллионы нас»... Да, их тьмы и тьмы, и тьма эта поглотила прекрасный некогда город. А почтенная публика либо прячется в полуподвалах, либо сбежала за границу, и ей тоже не до всемирных литературных сокровищ.

Не он ли открывает этим раскосым и жадным очам и загребущим лапам сокровища, которые никем почти не охраняются? Стоит им понять ценность культуры, и они мигом пересчитают ее на мешки с картошкой, на муку, масло, мыло, консервы и мясо.

Черт, не работается! Порывисто встав из-за стола, Александр Николаевич выглянул из кабинета и крикнул:

— Ева Станиславовна!

На этот раз ответа не последовало. Странно, обычно Ева мчится по первому оклику. Что случилось?

Причина, по которой Ева Станиславовна игнорировала призыв, выглядела как невысокий человечек в поношенной черной тужурке, галифе и сапогах, с клетчатым кепи, заломленным на затылок. У человечка было круглое, как он сам, лицо с усиками и очки.

— Александр Николаевич занят, — объясняла Ева человечку.

— Может, вы мне сами тогда поможете?

— У меня нет полномочий.

— Тогда давайте я сам поговорю с вашим...

Понятно. Ева защищает начальника от очередного представителя клуба текстильщиков или стекольщиков, требующего, чтобы товарищ Бенуа прочитал лекцию.

— Ева Станиславовна, в чем дело? — громко и сурово спросил Александр Николаевич.

Гегемон повернулся в его сторону.

— Александр Николаевич Бенуа?

— С кем имею честь?

— Меня зовут Кремнев Сергей Николаевич, я сотрудник уголовного розыска. Вот мой мандат.

Бумажка была мятая, протертая на сгибах, с расплывшейся печатью. «Предъявитель сего... уголовный розыск... Петросовет...»

— Чем могу быть полезен?

— У меня разговор деликатного свойства. Мы не могли бы перемолвиться с глазу на глаз?

Бенуа посмотрел на виновато мнущуюся Еву. Бедная, сейчас начнет терзать себя.

— Ева Станиславовна, — как можно мягче сказал он, — ничего страшного, не отвлекайтесь, я сам разберусь с товарищем... ах, да, Кремневым. — И, уже обратившись к гостю, холодно и наденно велел: — Следуйте за мной.

Гостя этот тон ни капли не смутил, и он пошел-покатился следом за Александром Николаевичем.

— Так чем я могу вам помочь?

— Мы проверяем сейчас некоторых наших сотрудников на чистоплотность. Сами понимаете — самочки и тому подобное.

— Пока ничего не понимаю. Я должен экзамен на профпригодность принимать?

— Ну что вы, вовсе нет. Но у меня вопрос скорее консультационного характера. Вы ведь должны знать, что во время революции Эрмитаж сильно пострадал от мародерства...

— Я участвовал в комиссии Совнаркома, если вас это интересует.

— Да, я знаю, спасибо. Но вопрос в другом — когда начали возвращать разграбленные ценности, их ведь принимали по описи, так?

— Процесс вами несколько упрощен, но в целом все правильно.

— Тут у меня копия списка, по которому были доставлены в Чрезвычайную комиссию Петрограда ценности, похищенные из Государственного Эрмитажа. У вас должен иметься такой же. Мне крайне важно сравнить эти списки. И, если возможно, сравнить еще и с описью...

— Дайте, я посмотрю, — перебил гостя Бенуа и взял бумагу.

Копия была заверена печатью и подписью делопроизводителя губернского отдела милиции. Александр Николаевич бего пробежался по списку... хм, грамотный делопроизводитель, смотрите-ка...

- Оставьте список, в течение недели мы проверим документы...
- А быстрее нельзя? — перебил уже Кремнев.
- Глубокоуважаемый...
- Сергей Николаевич.

— Да, глубокоуважаемый Сергей Николаевич. Возможно, вам это неизвестно, но во время войны с Германией многие картины и прочие предметы искусства приказом Временного правительства были эвакуированы в Москву, то есть, помимо общей описи предметов, существует еще и список эвакуированных экспонатов. Потом появился еще список похищенных экспонатов и экспонатов возвращенных. Поверьте, сверить эти списки — труд небystрый, и неделя представляется мне наиболее оптимистическим вариантом развития событий. Сотрудников в Эрмитаже крайне мало, тем более — сотрудников квалифицированных. Я пойду вам навстречу и отложу каталогизацию малых голландцев, потому что понимаю, насколько важна ваша работа для советской власти. Но, повторяю, результат будет не ранее чем через неделю.

Кремнев поиграл желваками, но проглотил.

— Спасибо. Еще один вопрос, прежде чем уйти. Знакомы ли вам эти фамилии — Скальберг, Сеничев, Куликов?

— Боюсь, что нет, — сказал задумчиво Бенуа и покрутил ус. — Нет, точно незнакомы. Среди моих знакомых людей с такими фамилиями нет.

— Хорошо. Значит, я найду к вам через неделю?

— Что вы, зачем себя утруждать? Ответ я отправлю с курьером, на официальном бланке, заверенный, можете не беспокоиться.

— Крайне обяжете.

— Это мой долг как гражданина.

— Побольше бы таких граждан.

- Не смею более задерживать.
- Да-да, до свидания, Александр Николаевич.
- Всего доброго. Вас проводить?
- Не стоит беспокоиться.

Круглый Кремнев укатился прочь. Александр Николаевич еще раз взглянул на список и сглотнул.

«21. Брелоки в виде животных, белого металла, похожего на серебро, — 14 штук». Коллекция Булатовича. Они там что — совсем с ума посходили? Ну ничего, он им покажет! Сейчас он им всем задаст!

Александр Николаевич выглянул в коридор:

— Ева Станиславовна! Этот Кремнев далеко ушел? Немедленно догоните его и верните ко мне.

Пока Ева бегала догонять Кремнева, Бенуа вспомнил о другом, столь же неприятном, прошлогоднем визитере.

1919 ГОД. ВИЗИТ

Человек в пехотной шинели и буденовке вошел в Зимний дворец уже перед самым закрытием. Старик-билетер, кутаясь в одеяло, неприязненно посмотрел на посетителя.

— Поздно, товарищ, музей закрывается. Завтра приходите или еще лучше — после Нового года. Там у нас музей революции откроется...

Посетитель повернул лицо к билетеру. Немного азиатский тип внешности наравне с голубым и зеленым глазами производили впечатление демоническое, вдобавок откуда-то нахлынули волны запахов — сначала совершенно незнакомый аромат каких-то сжигаемых благовоний, затем кислый запах горелого пороха, после тягостная вонь нужника и напоследок — убийственный смрад падали. И все это — за одно короткое мгновение, а потом наваждение пропало. Старик чуть не закричал от страха «изыди, нечистый».

— Мне к Александру Николаевичу Бенуа, — сказал «демон».

Билетер указал направление пальцем. Когда красноармеец прошел мимо, старик истово перекрестился и зашептал:

— Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит. На месте злачне, тамо всели мя, на воде покойне воспита мя. Душу мою обрати, настави мя на стези правды, имене ради Своего. Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси, жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста. Уготовал еси предо мною трапезу против стужающим мне, умастил еси елеом главу мою, и чаша Твоя

упоявающи мя, яко державна. И милость Твоя поженет мя вся дни живота моего, и еже вселити ми ся в дом Господень, в долготу дней.

По огромному полупустому залу шепот старика отдавался эхом, и посетитель довольно улыбался, удовлетворенный впечатлением, произведенным на раба божьего.

— Чем могу служить? — спросил у припозднившегося визитера смертельно уставший Бенуа.

Лица Александр Николаевич видеть не мог, потому что зеленая лампа на столе горела вполнакала и едва освещала пространство вокруг него. Посетитель прошел и без приглашения уселся в кресле напротив.

— О нет, служить не надо, сейчас служат только собачки, — насмешливо сказал он.

Голос показался Александру Николаевичу знакомым, и он выкрутил до отказа ручку реостата. Круг света стал шире и ярче, и Бенуа увидел красноармейца средних лет, но вспомнить, где он мог встречать этого человека, Бенуа не мог.

— Кто вы?

— Часть вечной силы, всегда желавшей зла, творившей лишь благое.

— Прекратите паясничать!

— Вы забыли. Меня все забыли. Я вам напомню...

Воздух вдруг наполнился смесью ароматов — шампанское, изысканный парфюм, женский и мужской, гусиная печенка, трюфели, бизе, ананасы... Уже в сознании Бенуа эти запахи дополнились звуками музыки, звоном бокалов и звяканьем столовых приборов, беззаботным смехом Сережи Дягилева, нежно обнимающего за талию Вацлава Нижинского, яростным спором с Димой Философовым. Угол Большой Морской и Кирпичного переулка, первая в Петербурге неоновая вывеска «Subat» и каламбур

«да светится имя твое». Кто его придумал? Ах, что за времена. Офицер, подносящий спичку к пахитоске Брониславы Нижинской и позже присоединившийся к их компании, с такими забавными и русским языком невоспроизводимыми именем и фамилией...

— Поручик... э... Ку... Гу...

— Не стоит. Уже нет никакого поручика. Просто Иванов. Но я рад, что вы меня не забыли. Я слишком долго отсутствовал.

— Вспомнил! Вы — Курбанхаджимамедов. Говорили, будто вы исчезли где-то в Абиссинии!

— Виноват, исчез. Но это пустое. Я пришел не воспоминаниям предаваться, тем более, половины вашего общества терпеть не мог.

— Я в курсе. Вас очень пугали наклонности Сережи Дягилева...

— Не пугали. Это было противно, и... нет, вам не удастся втянуть меня в разговор на эту тему. Я к вам по совершенно конкретному и очень важному делу. Вижу, вы теперь заведуете весьма хлопотным предприятием ...

— Приходится.

— Видите ли, в Абиссинии я находился не просто так, а помогал Булатовичу отыскать место под православную обитель...

Курбанхаджимамедов очень подробно и красочно описал свои приключения в Африке. Удивительно: в Африке (вот уж действительно — тесен мир!) он встречался с юным Гумилевым и даже сдержанно хвалил мужество этого «деревянного с носом», как остроумно обозвал Гумилева Толстой. Впрочем, рассказ Александру Николаевичу очень скоро наскучил, и он нетерпеливо постучал карандашом по столу:

— Вы не могли бы сразу приступить к изложению просьбы?

— Охотно. Меня интересует судьба коллекции Александра Ксавьерьевича Булатовича, которую он собрал в Абиссинии и привез в Россию. Металлические амулеты в виде самых разных животных.

— Я даже не был с ним знаком.

— Но он передал коллекцию в Эрмитаж. Она здесь?

— Об этом я тоже впервые слышу, но если передал, то с высокой долей вероятности можно сказать, что она никуда не делась. Хотя во время переворота здесь многое было разграблено.

— Давайте посмотрим.

— Как вы себе это представляете?

Бенуа откинулся на спинку стула и продолжил:

— Даже если все осталось нетронутым, нужно сначала идти в картотеку и искать реестр, в котором описана коллекция, и уже после этого...

— Александр Николаевич, вы не поняли. Я не спросил — можно ли посмотреть? Я даже не спрашивал — как нам ее найти? Я сказал — давайте посмотрим, а это означает, что я предлагаю вам встать и проводить меня к коллекции.

Александр Николаевич изумился:

— Вот как? И почему же я...

Воздуха вдруг стало катастрофически не хватать, и Бенуа, бешено вращая глазами, ухватился за стол и начал судорожно открывать и закрывать рот. Через полминуты он умоляющим взглядом посмотрел на спокойно сидящего Курбанхаджимамедова.

Тот кивнул, шумно выдохнул, будто сам задерживал дыхание, и снова стало можно дышать.

— Вот именно поэтому, — сказал поручик. — Вставайте, и пойдем в картотеку.

Они проследовали по длинному гулкому коридору и вошли в темное помещение, где свет горел в самом отдаленном углу, где за столом сидела девушка в пальто и шали поверх него и что-то писала на маленьких картонных прямоугольниках.

— Ева Станиславовна, — окликнул ее Александр Николаевич.

Девушка испуганно вскочила и чуть не опрокинула чернильницу.

— Ох, Алексанникаич, вы так внезапно, — пропищала она.

— Вот что, Ева Станиславовна... ступайте уже домой, время позднее, — сказал Бенуа придушенно. Девушка послушно принялась наводить порядок на рабочем месте, и Александру Николаевичу пришлось помешать ей: — Не убирайте ничего, я сам. Ступайте, ступайте, мы тут с товарищем Кур... Ивановым сами...

Ева Станиславовна в войлочных тапочках поверх ботинок неслышно, как мышка, юркнула мимо мужчин и скрылась за дверью. Бенуа повернул ключ в замке.

Курбанхаджимамедов посмотрел вокруг и пожалел о своей настойчивости: подобную картотеку он видел только в императорской публичной библиотеке в юности.

— К какому разряду сокровищ относились эти амулеты?

— Мнэ...

— Перестаньте мямлить.

— Я могу показать, как они выглядели...

— Что толку мне знать, как они выглядели? К какому разряду они относились: ювелирные украшения, предметы культа?

— Я не знаю.

— Иными словами, мы ищем кота в мешке? Отлично! Просто замечательно! Что ж, давайте сузим область поисков. Пройдемте.

Уверенно двигаясь между шкафами, Бенуа повел поручика за собой и остановился у нескольких больших ящиков, сколоченных относительно недавно.

— Здесь именной каталог дарителей. Молитесь, чтобы дар Булатовича был сразу занесен в картотеку, потому что даров императорскому музею делалось очень много, особенно от самой фамилии.

Бенуа выдвинул длинный ящик, и пальцы его быстро побежали по корешкам с буквами, у Курбанхаджимамедова даже глаза не успевали следить.

— Вот, есть. Смотрите.

Курбанхаджимамедов принял карту. Кроме имени — о. Антоний (Булатович) — там значилось еще название коллекции — «Коллекция ритуальных туземных анималистических украшений, 15 предм., выполненных из неизвестного сплава, Сев. Африка, Абиссиния, эксп. 1911 г.», и далее лишь цифры, буквы и пометки цветными карандашами.

— Она здесь?

Бенуа забрал карту обратно и посмотрел. Лицо его скривилось.

— Полагаю, что не ошибусь, если выскажу такое предположение: вы хотите похитить коллекцию?

— Ошибетесь. Мне нужен там всего один предмет. Он... слишком дорог для меня, а отец Антоний не знал, что я жив...

— Тогда вам повезло. Я бы все равно не дал вам его похитить. А так у вас есть шанс найти его вне стен музея. Видите — красный крест в уголке? Это значит, что предмет утрачен во время штурма.

— Вы нарочно лжете!

— А вы проверьте. Пригласите комиссию из Наркомпросвета, с делегатами от чрезвычайной комиссии, и организуйте ревизию. Я никак не могу их заставить это сделать, хотя очень нужно.

— Вы слишком дерзите. Не в вашем положении...

— Что? Убьете меня? Пожалуйста. Я в любом случае не смогу себя защитить, я пацифист. Ну же, давайте, поручик! Вам, очевидно, это не впервой — убивать безоружных!

Курбанхаджимамедов безразлично посмотрел на зашедшегося в истерику Бенуа.

— Никогда вы мне не нравились, — сказал он. — Прощайте.

Поручик сам отомкнул дверь и ушел. Обессиленный Бенуа уселся на стул. По спине его струился пот. Подождав немного, пока сердце успокоится, он обернулся к столу. Там лежали несколько карточек — вот уже неделю Ева кропотливо фиксировала каждый предмет из тех, что в течение года чекисты возвращали в Эрмитаж. Были там и сервизы из китайского фарфора, и греческие геммы, и дорогое холодное оружие. До Нового года нужно было все внести в реестр возвращенных ценностей. Были возвращены и восстановлены несколько ценных коллекций.

В том числе — коллекция Булатовича. Заполнением карточек на каждый отдельный предмет которой и занималась Ева.

Что это было? Проверка чекистов на лояльность? Луначарский заподозрил неискренность? Если это была проверка, то он ее с честью прошел, но если нет? Если поручик и впрямь собирался похитить коллекцию? Александр Николаевич взъерошил волосы на голове. Если кто-то попытается ограбить музей, остановить злоумышленника будет трудно.

Все опасения Бенуа развеялись буквально через месяц, когда замначальника петроградской ВЧК Комаров с группой товарищей по особому распоряжению Дзержинского изъяс всю коллекцию Булатовича как «стратегически важный материал». Сприть с чекистами Александр Николаевич не хотел, тем более что бумаги были в полном порядке. Он передал все четырнадцать предметов и, когда Комаров спросил, где пятнадцатый, показал опись, по которой принимал экспонаты из ЧК. Там металлические амулеты назывались брелоками, но в целом было понятно, о чем речь. Чекисты упаковали коллекцию и забрали с собой, а сам Александр Николаевич подумал: если бы он в семнадцатом году позволил вывезти все ценности, то сейчас бы и хлопот не было никаких.

1920 ГОД. ПРИКОСНОВЕНИЕ

И вот теперь снова — проверка? Да как они вообще смеют?

Сначала — ряженный фокусник Курбанхаджимамедов. Чекист? Да скорее всего! Проконтролировал, чист ли Бенуа перед властью, а потом его начальство просто изымает сокровища. Может, оно им и не нужно, потому что основания для изъятия были, мягко говоря, неубедительными, но они ясно дали понять. Будь верен, но не перечь! Хуже жандармов, право слово! Но второй раз зачем проверять? Причем с той же самой коллекцией! Это что, такая издевка?!

Вошел Кремнев:

— Вы что-то вспомнили, Александр Николаевич.

— Да, вспомнил. Присаживайтесь, пожалуйста. Одну минутку, я только позвоню.

Александр Николаевич взял телефонную трубку.

— Барышня? Соедините меня с Губчека, пожалуйста. Алло? Это чрезвычайная комиссия? Я хотел бы услышать голос Комарова Николая Павловича. Моя фамилия Бенуа. Бе! Ну! А! Совершенно верно. Да, он знает, кто я. Алло! Николай Павлович? Здравствуйте. Я хотел бы знать, по какому праву меня терроризируют ваши сотрудники. Именно терроризируют! Только что пришел некий Кремнев Сергей Николаевич. Представился сотрудником уголовного розыска. Как это — не ваша епархия?! Вы

же все принадлежите к Наркомату внутренних дел, я правильно понимаю? Тогда не путайте меня! Повторяю — пришел ваш сотрудник и требует от меня опись коллекции Булатовича, изъятой вами в январе этого года! Нет, я буду кричать, потому что вы меня без ножа режете! Вместо того чтобы готовиться к приему бесценных картин, мне приходится заниматься абсолютно бессмысленной деятельностью, потому что я был в здравом уме и доброй памяти, когда передавал вам эти предметы, у меня и все сопутствующие документы сохранились! Что? Хорошо, с превеликим удовольствием.

Победным взглядом раздавив тихо закипающего от гнева Сергея Николаевича, хозяин кабинета передал ему горячую и влажную от пота трубку.

— Кремнев у аппарата, — твердо сказал сыщик. Выдержав акустический напор, Сергей Николаевич ответил: — Нет, это розыскная тайна, и я не могу вам ее докладывать. Нет, вашим приказам я не подчиняюсь, у меня есть непосредственный начальник. Кошкин Владимир Александрович, глава уголовного розыска. Нет, не подозреваем, просто хотели получить консультацию специалиста. Предельно вежлив. Передаю.

Кремнев протянул трубку Бенуа, который был уязвлен, что начальственная отповедь не превратила сыщика в мокрое место.

— Слушаю. Да, имеются. Да, мог, но... До сви...

Александр Николаевич опустил трубку на рычаг.

— Значит, вот что вы вспомнили, товарищ Бенуа, — с пониманием покачал головой Кремнев. — Что ж, вы прекрасно умеете общаться с начальством. Я такой отповеди не слышал со времен Филиппова, когда его при всех нас генерал-губернатор распекал. Старая школа, узнаю. Спасибо, что напомнили. Будьте добры, покажите мне бумаги из ЧК, мне этого будет достаточно.

Бенуа молча прошел к сейфу, открыл его и вытащил на свет тонкую папку. Кремнев некоторое время изучал ее содержимое, заглядывая в опись, оставленную на столе.

— Значит, коллекция Булатовича. А вы не знаете, что это был за пятнадцатый предмет, которого нет в описи?

— Металлический тритон. Это такое земноводное...

— Я ловил тритонов в детстве, спасибо. Честь имею кланяться.

Кремнев открыл дверь, едва не стукнув по лбу Еву Станиславовну.

— Бога ради, простите, барышня, — испугался он. — Я вас не ушиб? Ну и славно. До свидания, барышня.

Мало кто мог пристыдить или урезонить Бенуа так жестоко и так справедливо. Он сидел в кабинете совершенно разбитый, на оклики Евы не реагировал, и хотелось ему одного — умереть. Какая-то ищейка указала ему на недостойное поведение. Как это вообще могло случиться? Он, интеллигент, образованнейший человек, специалист, каких можно сосчитать по пальцам одной руки, продемонстрировал себя с самой неприглядной стороны.

— Алексанникаич! Вам плохо? — Ева склонилась над ним совсем близко, так, что её лицо оказалось у самого его лица. Ее непослушный, всегда лиловый от чернил локон даже задел нос Александра Николаевича и тем вернул к реальности. — Что с вами, Алексанникаич? — шепотом спросила Ева, и они встретились глазами.

Ах, Ева, как она мила и непосредственна. Как свежо ее дыхание, как приятно пахнет кожа, как мило просвечивают на солнце ушки.

— Ева, я старый склочник? — тихо спросил Александр Николаевич.

— Нет, — замороженно прошептала Ева и покачала головой.

Ее бледные губы всего в нескольких сантиметрах от его губ. И дыхание сбивается, как когда-то давно, в юности. И так же свербит в носу.

— Апчхи!

Вот это конфуз! Чихнуть прямо в лицо милейшей девушке, в такой завораживающий момент. Определенно — сегодня неудачный день для всего.

— Бога ради, Ева Станиславовна! Какой конфуз на мою седую голову! — Бенуа вынул из кармана чистый носовой платок и начал вытирать зажмурившуюся и сжавшуюся в комок Еву от капель своей слюны. — Простите великодушно, не знаю, что на меня нашло. Позвольте, я...

— Нет, не надо, я сама... Спасибо, — ответила Ева и взяла платок. Пальцы их соприкоснулись. Бенуа подумал, стараясь всем сердцем впитать это мгновение — сейчас она отдернет руку, и я еще больше почувствую себя неловким.

Но Ева не отдернула. Девушка позволила удержать себя — совсем не намного — только чтобы почувствовать разницу между мимолетным прикосновением и прикосновением, исполненным чувства.

Сердце Александра Николаевича сладко сжалось.

До сих пор он боялся думать о Еве всерьез. Она просто хорошенькая девушка, неглупая, из нее может выйти вполне дельный музейный работник. Ева и работает-то в Эрмитаже всего год, а уже прочла все книги, которые Александр Николаевич дал ей, чтобы она могла получить представление о предмете, живо интересуется искусством, сама немного рисует, но пока стесняется просить об уроках. Если не занята, то следует за ним как тень и готова исполнить любой каприз.

Кто в кого первый влюбился? Ведь Бенуа на нее даже и не смотрел. Мало ли, какие у него сотрудники? Когда это произошло? Было ли это как с Акицей или иначе?

При воспоминании об Акице Бенуа едва не застонал. Ведь они с ней столько прошли, воспитали детей. Никак нельзя, чтобы она узнала. Это же оскандалиться — адюльтер на старости лет. Никак нельзя допустить, чтобы отношения с Евой перешли дальше платонических. Иначе можно вообще остатки самоуважения потерять.

Хорошо, что никто не знает.

1920 ГОД. МАРТ

Ванька-Белка оказался красивым высоким брюнетом лет тридцати, одетым как краснофлотец. Ишь, как скалится, знает себе цену. Не одно бабье сердце по нему, наверное, иссохлось.

— Так что ты говорил, фраерок?

— С глазу на глаз перешептаться хочу. Не боишься?

Белка рассмеялся еще громче:

— Тебя?

Те двое, что терлись чуть поодаль, — не то Белкины телохранители, не то клеветы — смотрели равнодушно. Они не думали, что Белка решится на такое безумие.

— Мерин, Сергун, сдриснули оба.

— Чего?

— Сдриснули, говорю, оба. Нам тут с фраерком интим нужен.

Мерин и Сергун, помявшись, вышли из комнаты.

— Смелый ты, фраерок. Я люблю смелых. Они потом плачут горше.

— Думаю, плакать не придется. Дело тебе предложить хочу...

Что всего удивительнее было Курбанхаджимамедову — так это почему уголовка так бездарно расходовала силы и средства. Посадить человека с биноклем на чердак возле Сенного рынка и записывать все, что происходит. Всего за неделю тщательных

наблюдений поручик вычислил, кто из трущихся на рынке людишек наводчики, кто карманники, кто фармазонщики. Вычислив наводчиков, он отлавливал их и тряс до тех пор, пока они не признавались, на кого работают. На пятом — вернее, на пятой, потому что наводчицей оказалась баба, — Курбанхаджимамедову повезло. Баба рассказала, где искать Белку, и поручик мило-сердно свернул ей шею, потому что все равно ей было не жить.

Впрочем, на встречу с бандитом он пошел не сразу. Сначала он устроился на работу в милицию. Мелкой сошкой, водителем, изображая из себя контуженного на фронте дундука, только и умеющего, что крутить баранку. Выбор его объяснялся просто — если предметы из коллекции Булатовича попали в руки мародеров, где-нибудь они себя да проявят. Но только ментовские сплетни слушать — слишком неэффективная метода. К тому же всех не переслушаешь. Была у Курбанхаджимамедова еще одна богатая идея, но проверить ее в одиночку он не мог, потому ему и понадобился Белка.

Поручик подкараулил бандита на Лиговке, возле шалмана.

— Эй, морячок, прикурить не найдется, — спросил Курбанхаджимамедов, когда Белка со своими приятелями появился в подворотне.

Бандиты сразу достали волены, и Курбанхаджимамедов примиряюще поднял руки:

— Вы че, братишки, шуток не понимаете.

— Ты откуда такой вывалился, чувырла?

— Да вот, стою, тебя поджидаю, в шалман одного не пускают.

— А ты ко мне в подружки клеишься?

— У меня подружки с собой. Вели псам своим волены убрать.

Белка цыкнул, и стволы спрятались в бушлатах. Поручик медленно, чтобы не нервировать преступников, раскрыл полы

шинели, и Белка присвистнул — по карманам поручика было расставлено шесть бутылок «смирновской».

— И откуда я узнаю, что ты не из легавки?

— А я из легавки и есть, — ответил Гурбангулы, застегивая шинель.

— Че, серьезно? — заржал Белка.

— Так поговорим?

— Ладно, пошли.

В шалмане было тесно и накурено. Нестройно дребезжали две гитары, где-то играли в карты, из маленьких комнаток зазывно выглядывали страшные бабы.

Белке с компанией отвели совсем крохотную комнату со столом и двумя скамьями. Белка уселся спиной к стене и кивнул поручику на место напротив. Дружки встали у двери.

Когда поручик убедил бандита выпроводить Мерина и Сергуна, разговор пошел конкретный.

— Ты что, правда из легавки?

— Правда. Но ведь ты никому не скажешь?

— Да тебя щас здесь на хлястики порежут.

— Сначала я тебя порежу.

Не успел Белка открыть рта, как нож оказался у его горла.

— Не надо никого звать, Белов, я тебе ничего не сделаю, если ты перестанешь молотить языком и пытаться меня запугать. Представь, зайдут сюда Мерин и Сергун, а ты в таком виде. Они же уважать тебя перестанут. А я хочу, чтобы тебя продолжали уважать. Но и ты меня уважай, иначе я себе другую компанию искать буду, повежливее.

— Уболтал, — ответил Белка. — Только пику убери, царапает.

— Другое дело.

Курбанхаджимамедов достал водку и поставил на стол. Белка позвал своих клеветников, отдал им пару бутылок, чтобы

обменяли на закуску, пока гость откупоривал первую и разливал по стаканам.

— Ты знаешь, кто самые богатые люди в Питере? — спросил Курбанхаджимамедов.

— Буржуи недобитые, — ответил Белка, выпивая.

— Ну и дурак.

Поручик тоже выпил, не дождавшись закуски, и снова налил.

— Самые богатые в Питере — это барыги. А недобитые буржуи уже все свое добро сменяли на еду. Работать же их никуда не принимают.

Белка почесал голову. По всему выходило, что странный гость прав.

— Тебя звать-то как? — спросил он.

— Поручик, — ответил Курбанхаджимамедов. — Просто поручик — и все. Так вот, объясняю план. Мне нужна вот эта штука, — и он выложил на стол лист бумаги, на котором, как умел, нарисовал тритона. — Когда ты приходишь к барыге сдавать хабар, показываешь ему эту штуку. И говоришь — так, мол, и так, Борух Соломоныч или Алим Поликарпыч, как там его зовут, — так и так, буду я тебя грабить, пока ты мне не найдешь эту штуковину. А если найдешь или скажешь, где видел, — сразу половину хабара бесплатно отдаю. Понял?

— Да меня свои же на пики поставят. Да и не бывает, чтобы у барыги не было мокрушника своего на пайке. Иначе их бы давно уже ограбили всех.

— Логично, — задумался Курбанхаджимамедов. — Тогда давай так. Показываешь всем эту штуку и говоришь, что нашел купца заморского, который за нее золотом платит.

— А что, и впрямь золотом платишь?

— Вот когда найдешь — тогда и поговорим. Но за такую вещь можно легко миллион золотом взять.

— Это на новые сколько получается?

— Ты таких чисел не знаешь, даже не считай.

— Брешешь!

— Редкая вещь. Раритет. Вот только купца на нее один я знаю, и искать бесполезно, понял?

— То есть, если я тебе эту ящерицу притащу, ты мне миллион золотом?

— Империялами.

— Лады!

Снова выпили, уже под закуску, которую принес Мерин.

— Наливай! — распорядился Белка.

— Некогда мне. Встречаться будем здесь, каждую пятницу. Даже если ничего не найдешь — все равно приходи. Если что разузнаю про ментовские дела — сообщу.

— Слишком ты смелый, — покачал головой Белка.

— Не смелый, а умный.

Курбанхаджимамедов встал из-за стола. На мгновение в воздухе пронесся смрадный запах сортира, и Белке даже плохо стало, но тотчас все прошло — незнакомец скрылся.

1920 ГОД. ПРОПАЩИЕ ЛЮДИ

Разговор у начальника уголовного розыска Кошкина с Кремневым начинался тяжело.

— Сергей Николаевич, у вас ведь отец разночинец, да?

— Совершенно верно.

— И мать тоже не из высших слоев?

— Бог миловал.

— А вот мне не повезло. У меня родители — дворяне. И я каждый день по тонкому льду хожу — когда же наконец все начнут тыкать пальцем в мое неправильное происхождение. Никто даже не вспомнит, что отец был беден, мать скончалась после родов, а воспитывала меня прачка. Никто не спросит, что глаза потерял в кузнице, когда кусок окаины отлетел от пережженного металла во время практики в мастерских. Я под ударом только из-за неправильных родителей. Вы, конечно, тоже, потому что работали на царскую полицию, и никого также не будет интересовать, что вы ловили убийц и воров. Я понимаю, что вам плевать на меня, я вам никто, но ваши друзья! Аркадий Аркадьевич, Алексей Андреевич — с ними как?

Кремнев молчал. Вины за собой он не чувствовал, но Владимир Александрович был прав — под ударом сейчас все. Он никак не мог подумать, что Бенуа выкинет такой номер — позвонит в чрезвычайку.

— Комаров ко мне лично приезжал, вы понимаете? Распекал меня в присутствии всех: и агентов, и подозреваемых. Что, мол, у вас тут за самоуправство, почему вмешиваетесь в дела чрезвычайной комиссии! Десять минут без малого! А я ничего не мог ответить, потому что даже не знал, что произошло.

— Я не могу бегать за вами для согласования таких мелочей. Мне всего-то и нужно было посмотреть, что именно Скальберг сдал из похищенного в Эрмитаже, нет ли каких-то несовпадений.

— А у меня спросить не могли? Я вам совершенно точно могу сказать, что в феврале к нам приходили люди из ВЧК и при мне допрашивали Скальберга о коллекции некоего Булатовича. Там не хватало одного предмета, и они допытывались, куда он мог деваться.

— И вы молчали?!

— А вы спрашивали? У меня такие проверки каждую неделю, то с одним, то с другим.

— Так расскажите сейчас! Что было-то?

Владимир Александрович потер отсутствующий глаз через повязку и стал вспоминать:

— Ну, его сначала допытывали — почему вернул не все предметы из коллекции. Это было логично — если коллекция похищена полностью, то почему в ней недостает только одного предмета. Скальберг уперся — мол, не знает, сколько их там вообще хранилось, и какой смысл ему забирать один предмет, если их так много. Долго они его поймать пытались на вранье, но ничего не получалось. Спросили, где нашел сокровища и почему решил, что они из Зимнего. Ну, на второй вопрос я им и сам ответил — потому что вензеля «эн-два» с короной почти на всех вещах были, а кое-какие и с «эн-один». А насчет где нашел — Скальберг сначала замялся, а потом говорит: приспичило до ветру, когда по Тамбовской шел. У него дом на пересечении с Расстанной, далеко

было, вот он во дворы и рванул. Меж сарайками пристроился, а там и увидел мешок с добром.

— И что, в эту ахинею поверили?

— Нет, конечно, пошли проверять. А там и правда меж сараями сплошные кучи и снег желтый. Да и как проверишь — Скальберг вещички сдал в восемнадцатом, а они только через два года проверять прибежали. Не вязалось — зачем ему было золото-бриллианты сдавать, а какую-то железяку прикарманивать? В конце концов, характеристика у парня была хорошая, жуликов ловил — дай бог каждому...

— Вот зачем они его пытали, — понял Кремнев и победно посмотрел на начальника. — Вы понимаете?

Кошкин некоторое время вращал глазом, пока не осознал мысль Сергея Николаевича.

— Думаете, они у него выпытывали, где предмет? Думаете, что Баянист с компанией и уперли тот мешок?

— Глупости, у них на мешок фантазии не хватит. Самое большее — бутылку водки упереть. Сокровища из дворца украл Скальберг и его друзья — Куликов и Сеничев. Потому-то Скальберг так и занервничал, когда их убили... Понял, что кто-то вышел на след.

— Не вяжется, — сказал Кошкин. — Чтобы пытать Скальберга насчет какой-то безделушки, нужно знать о существовании этой безделушки, а вы утверждаете, что о ней знал только он.

— Не забывайте о Куликове и Сеничеве. Кто-то из них мог проболтаться.

— Но что в нем ценного, в этом... как они его называли... а, в тритоне? Ящерица какая-то.

Кремнев задумался.

— Не узнаем, пока не найдем.

Федор появился на пороге раньше условленного времени.

— Собирайся, едем.

— Куда это? — простонал Богдан, не открывая глаз.

— На кудыкину гору.

— Я никуда не поеду.

— Собирайся, или никаких дел не будет.

Богдан, кряхтя, пошарил рукой по стоящему рядом табурету, нащупал пенсне и, только нацепив его на нос, поднялся со своего лежбища.

— Чего уставился? Отвернись.

— Баба, что ли?

— Баба не баба, а отвернись. Не люблю.

Федор пожал плечами и отвернулся. Богдан быстро оделся, вынул петуха из кармана и повесил на шею. Хоть и холодный, а пусть висит. Что-то там Прянишникова задумала, нужно быть начеку.

— Куда едем-то?

— Товар смотреть.

Вроде не врал. По-быстрому одевшись, Богдан натянул сапоги и посмотрел на затылок Федора.

— А зачем нам смотреть товар? Я вам вполне доверяю.

— Зато у нас сомнения есть. Пошли уже.

На улице ждал грузовик, за рулем сидел давешний «барыга», который ни бэ ни мэ у Пассажа сказать не мог. В кузове расположились еще четверо, никого из них Богдан раньше не видел.

— В кабину садись, — велел Федор.

Так Богдан оказался зажат между шофером и Федором.

— Погнали, — сказал Федор.

Автомобиль поехал.

Богдан испытывал досадное неудобство, вроде гвоздя в подошве. Что они собираются с ним делать? Убивать? Пытать, как Скальберга? Неужели Федор каким-то образом узнал, что Богдан работает на уголовку? Однако угрозы для жизни Перетрусов не чувствовал, потому и не сопротивлялся.

Чем дольше ехали, тем сильнее нарастало беспокойство. Готовилась какая-то пакость, но никак нельзя было понять какая.

— Ствол есть? — спросил вдруг Федор.

— Нет.

— И не надо, у Яши «парабеллум».

— Зачем это?

— Может пригодиться.

— Я не хочу.

— Поздно уже хотеть.

Они свернули во дворы где-то в районе Витебского, Перетрусов, отвлеченный разговором, не успел рассмотреть название улицы. Далее пошли пустыри, сараи, глухие кирпичные стены и заборы.

— Стой, — сказал Федор водителю.

Грузовик остановился возле двери, обитой ржавым листовым железом, запертой на массивный навесной замок. Сидевшие в кузове громилы повыскакивали и скучковались вокруг нее.

— Будешь сидеть с Яшей, — сказал Федор Богдану.

— Мужики, вы чего задумали?

— Сиди и жди. Будет готов товар — позову.

Снаружи что-то негромко клацнуло. Богдан понял, что это перекусили замок на двери. Один за другим громилы вошли в дверь, открывшуюся на удивление легко и беззвучно — видимо, петли были предварительно смазаны.

Яша зевнул.

— Что там? — спросил Богдан. От беспокойства у него начали зудеть пятки и ладони.

— Товар.

— А что за товар?

— Сиди ровно, щас придут и все расскажут.

Богдан тоже зевнул. Интересно, откуда этот Яша и где они взяли целый грузовик. И главное — где прячут? Или Яша работает на какую-то контору, а таким манером подрабатывает? Доподрабатывается. Перетрусову тут же вспомнился случай в Твери, о котором рассказывал Кремнев: жил там такой вот автомеханик, Богдан хорошо запомнил имя — Михаил Воробьев, работал в уважаемой фирме, еще до революции. И имел хобби — стишки сочинял про домушников, про налетчиков, про Владимирскую пересыльную тюрьму. Очень нравились уркаганам его стишки. Уркаганы же его и пристрелили прямо у себя дома.

Кремнев говорил:

— Потому что не надо заигрывать с тем, чего не знаешь. Почитай сказку о рыбаке: был один рыбак, вытащил из моря бутылку со злым духом, освободил его, а тот в благодарность решил освободителя уконтрапупить. Любой фраер для уголовника прежде всего овца, которую можно стричь и резать, дойная корова, которую можно доить — и опять резать, курица-несушка, которую в любом случае можно зарезать. Если ты по фене ботаешь, это не значит, что тебя за своего примут.

Размышление было прервано хлопаньем двери: вышел Федор и знаком велел Богдану следовать за ним.

— Топай, — сказал Яша.

— Я не хочу.

— Топай, или шмальну.

Теперь зудела вся кожа, будто Богдана комары покусали. Что там такое? Если его хотели убить, могли это сделать уже давно...

Пройдя за Федором по темному прохладному помещению — видимо, заброшенному амбару, в котором пахло плесенью и крысами, Богдан попал во внутренний двор, залитый солнцем. Ослепленный ярким светом, он едва не наступил на лежащий ничком труп мужчины с топором в затылке. В руке мертвеца была берданка, которой он не успел воспользоваться. С противоположной стороны Богдан увидел большие ворота, выходящие на улицу. Видимо, здесь располагался какой-то гражданский склад.

— Что здесь?

— Да ничего, аптекарский склад, почти пустой. Спирта бочки три, меловые таблетки, еще что-то.

— Зачем тогда на мокруху пошли?

— А ты не знаешь?

— Нет.

— А Пална говорила, будто ты умный. Ну, ладно тогда, сюрприз будет.

В это время из дощатой избушки с надписью «Весовая» громилы выволокли еще одного окровавленного человека и подтащили к Федору с Богданом. В этот момент Перетрусов все понял.

Раненого сторожа поставили на колени лицом к Богдану. Федор выдернул топор из трупа, обтер лезвие об гимнастерку мертвеца и протянул Богдану топорщице.

— Действуй.

— Я барыга, а не мокрушник.

— А мне по..., кто ты. Пална сказала — проверить, я тебя проверяю. Другого надежного способа нет. Ну так что?

Богдан поудобнее перехватил топор, замахнулся, но, как только сторож с плотно забитым тряпками ртом замычал от ужаса, Перетрусов не завершил удар.

Федор усмехнулся:

— Ссыкотно?

Не ответив, Богдан скинул косоворотку, стянул сапоги и штаны и остался в исподнем. Затем молча подошел к сторожу и раскроил его череп так, что брызги полетели во все стороны. Стянув нательную рубашку, Богдан протер сначала пенсне, затем, намочив подол дождевой водой из бочки, старательно стер кровь с себя. Тщательно вымыл в бочке топор с топорищем. Потом стал одеваться. Зуд полностью прошел.

Громилы, в том числе Федор, изгвазданные кровью с ног до головы, смотрели на Богдана со смесью страха и уважения. Одевшись, Богдан сказал:

— Грузите спирт. Я бесплатно проверяться не желаю. И таблетки тоже.

На все про все у них ушло полчаса. Возвращались тоже в полном молчании. Только когда подъехали к дому Перетрусова, Федор сказал:

— А ты и вправду грозный.

— Завали хлебало. Прянишниковой скажешь, что тебя и мудаков твоих я больше видеть не хочу. Хочет работать — пускай нормальных людей присылает. От меня держись подальше.

С этими словами Богдан приставил Федору к нижней челюсти «парабеллум», который во время поездки незаметно вытащил у Яши.

— Повтори.

Федор повторил.

— Теперь дай выйти.

Федор выполз из кабины, освобождая путь. Перед тем как попрощаться, Перетрусов напомнил:

— Спирт беречь как зеницу ока. Когда пришлют нормальных людей, я скажу, куда его отвезти. А теперь пшли вон.

На конспиративной квартире его ждал Кремнев. Он был весело возбужден и рассказал о последних новостях, спросил, как дела у Богдана. Богдан соврал, что все идет по плану. Возможность убийства гражданских лиц оговаривалась заранее, еще до внедрения, и впредь решено было такие факты при встрече не обсуждать, чтобы не отвлекаться от конкретных задач. Хотя Богдану от этого легче не становилось. Он не хотел больше никого убивать, тем более — тех, кому просто не повезло оказаться на линии огня.

— Отлично, — сказал Сергей Николаевич. — Потому что у меня, Богдан, родился забавный план. О, стихи получились!

— У вас такое лицо, будто вы меня женить хотите.

— Почти угадал. Тут такое дело...

Барышня, которая работала в музее, сразу привлекла внимание Кремнева.

— Знаешь, эффектная такая. Вроде ничего особенного, а заставляет на себя внимание обратить.

— Вы, часом, не втюрились?

— Я-то? Да ни боже мой, я и женатым-то ни разу не был, потому что привязанности в нашем деле слишком дорого обходятся. Дело не в этом. Понимаешь, эта Ева Станиславовна — она вроде и никто в этом музее, по крайней мере я так понял. Но за Бенуа своего горой стоит и всячески показывает к нему этакую ревность: не пускает к нему, говорит, что нету, что занят. Львица такая. Но только он в поле зрения появляется — сразу лапушка такая, шарман, глазки в пол опустит... Всячески старается произвести хорошее впечатление. И, судя по всему, производит, потому что Бенуа с ней тоже весь из

себя джентльмен, а при мне просто истеричку из себя какую-то разыгрывал. Сдается, там какой-то шахер-махер затевается, если уже не.

— А нам-то что? Пускай себе...

— Э, не скажи. Что-то Бенуа про эту коллекцию такое знает, чего и чекистам не рассказал. Именно в потерянном амулете дело: и Скальберга пытали именно из-за него, и Баянист не раскалывается, и Бенуа чего-то боится.

— Какое задание-то?

— Охмури девку.

— Чего?

— Девку, говорю, охмури. Влюби в себя. Соблазни. До греха доведи. Чтобы она все-все тебе рассказывала.

— Как же мне ее в себя влюбить?

— Ну, брат, ты меня спросил. Знал бы — сам бы ее в себя влюбил. Впечатление на нее произвести надо. Удивить, испугать, рассмешить. Но девка неглупая или, по крайней мере, хитрая, просто так не купится. Так что — думай. Очень нам надо знать, что там за тайны у этого Бенуа.

— Когда приступать?

— Вчера.

— Ладно. Сергей Николаевич, я вот подумал... Время сейчас военное, а бандиты эти все и прочие — они же враги. В крайнем случае — мародеры. Зачем мы должны их ловить и судить? Стрелять на месте, и вся недолга. Они же нашего брата убивают без зазрения совести.

Кремнев задумался.

— Я тебя правильно понял: взять «льюис», прийти на малину и всех расстрелять к едрене фене?

— Ну, — смутился Богдан, — ведь когда банду берут, даже гранатами пользуются.

— Пользуются. Только тут такое дело. Знаешь, большинство нынешних налетчиков — они же раньше все нормальными людьми были. И когда их ловишь и в кабинет на допрос ведешь, да еще и фотографии выкладываешь мертвых тел — ревут. Волосы рвут. Некоторые из наших думают — притворяются, наказания боятся. Конечно, боятся, каждый боится. Но я считаю — и тебе советую! — что это раскаяние. Многие полагают, что худшее наказание — это казнь, а я тебе скажу, что нет хуже наказания, чем раскаяние. Потому что приклепнули тебя — и ты свободен навек, убежал ото всех, никто тебе в глаза не плюнет, никто от тебя не отвернется. А раскаяние тебе сердце жечь всегда будет. Не дотла, но очень больно. Поэтому худшее наказание для человека — не смерть, а жизнь.

— А если конченный человек? Если никогда не раскается?

— А про это, Богдан, даже думать не моги. Если человек раскаяться не может — значит, ад крошечный у него внутри, и тогда ему жизнь — точно мука смертная. И поделом.

— И откуда вы все это знаете?

Кремнев встал и сказал:

— Просто знаю, и все. Не бывает пропащих людей. Сам запомни и детям своим Расскажи.

С этими словами он ушел. Богдан выждал положенный час и тоже отправился восвояси.

Он злился на себя, на Федора, но еще больше — на Прянишникову. Старая карга подстраховалась. Ей нужен человек, полностью замазанный, чтобы отмыться было невозможно. Ну что же, теперь она получила, чего хотела. Сама виновата. И убивать Богдан больше никого не будет. Даже если придется засветиться.

Потому что пропащих людей не бывает.

1920 ГОД. АПРЕЛЬ

Встреча была короткой. Курбанхаджимамедов сказал:

— Ты знаешь, кто такой Кошкин?

— Знаю, — махнул рукой бандит. — Безглазый такой, по уголовке главный. Смелый, говорят, сам на облавы выезжает.

— Он тут на собрании выступал, сказал, что пора раздавить бандитизм. Меньше мелите языками вашими по малинам. Сейчас у ментов по Питеру стукачей уйма. Ты только пукнешь, а в ментовке уже знать будут, в каком сортире. Придут и замочат.

— Хитры вы, конечно, суки легавые, с подходцами вашими, — ухмыльнулся Белка. — Но заточек у нас хватит для вас всех — всегда пожалуйста, наглотаетесь досыта.

— И что?.. Ты одного убьешь, а менты тебе вендетту объявят. И даже не спрашивай, что за слово, книжки читай. Загоняют тебя, как гончие зайца. Думаешь, если тебя в перестрелке шмальнут, кто-то из твоих расстроится, ответку с ментов потребует? Как же, держи карман.

— Вот все ты обидеть норовишь, на ответную грубость нарываешься!

— А ты брось хорохориться и слушай, что тебе умный человек говорит. Тритона нашли?

— Нет еще.

Поиски тритона в огромном городе измотали поручика сверх всякой меры. Иногда ему хотелось наплевать на все и смириться

с потерей. В конце концов, у него уже имелся артефакт, которым поручик научился пользоваться довольно ловко, воспроизводя в одно мгновение до двух-трех разных воздушных сред, одну за другой. Для этого он даже стал нос затыкать, чтобы не отвлекаться на другие запахи. Он экспериментировал с различными средами, вплоть до откачки воздуха из замкнутого объема, чтобы научиться воспроизводить недостаток кислорода. Теперь он мог одурманить людей опиатами и травить хлором, вызывать аппетит изысканными ароматами и тошноту — зловонием. Чего еще желать?

Но возможности тритона по сравнению со скунсом были грандиозны. Зрелище, когда из пустого пространства на песок одна за другой сыпались золотые монеты, по сей день оставалось самым ярким в жизни Курбанхаджимамедова. Он решил подождать до лета. Если к этому времени тритон не отыщется, поручик просто ограбит Эрмитаж и уйдет за кордон.

1920 ГОД. ДВЕ НЕЗНАКОМКИ

Наблюдать издалека за девушками Богдану приходилось только в отрочестве, когда он подглядывал за купальщицами. Было то волнующим и сладким приключением, и, наблюдая за Евой Станиславовной, Богдан все время думал — интересно, а занавески на окнах дома у нее есть?

Сначала Перетрусову казалось, что Сергей Николаевич ошибается. Ну как эта серая мышка может нравиться? Сутулится, голову в плечи втягивает, ходит, будто гимназистка-дурнушка, — быстрым шагом и смотря под ноги, прижимая к груди портфель. Ни кожи, ни рожи, одежда плохонькая. Как такая может преобразиться?

Но задание есть задание. В пять вечера музей Революции закрылся, и Перетрусов вышел оттуда на площадь, ожидая Еву.

Ева сначала отправилась на Гороховую, и Богдану пришлось пройти за ней всю улицу, держась на почтительном расстоянии, до Семеновского плаца. Там по Загородному проспекту Ева перебежала на Звенигородскую. Когда они дошли до набережной Обводного, Перетрусов начал подозревать, что эта местность ему становится знакома. А уж когда девушка свернула на Лиговскую, Богдан понял, что Кремнев имеет чутье посильнее, чем петух. Желая проверить себя, Перетрусов обогнал Еву и вырвался далеко вперед, свернул на Расстанную, добежал до Тамбовской, нырнул за угол и встал перед доской с объявлениями.

Ева появилась через пару минут, перебежала на четную сторону Тамбовской и нырнула в первый же подъезд углового дома.

В доме, у которого стоял сейчас Богдан, раньше жил Скальберг. Хотя какое там — раньше, и девяти дней не прошло. Таких случайностей точно не бывает.

Богдан не стал бежать вслед за Евой. Он уже чувствовал, что барышня со Скальбергом были как-то связаны и, скорей всего, жили окно в окно. Перетрусов внимательно рассматривал фасад дома, в котором обитала Ева, и взгляд задержался на узком, закругленном сверху окошке на третьем этаже, с распахнутой форточкой. Оно.

Богдан зашел в подъезд Скальберга и поднялся на чердак. Слуховое окно, выходящее на улицу, было всего одно. Перетрусов выглянул. Отличный обзор, хотя не без помех — окно барышни оказалось завешено кисеей. Сквозь полупрозрачную ткань видно было, как кто-то ходит в комнате.

— Эй, ты че здесь? — окликнули Богдана, и он вздрогнул.

Сзади стояли два подростка, лет по пятнадцать.

— А вы че? — спросил он как можно строже.

Подростки переглянулись, и один из них сказал:

— Ха, Серый! Он тут тоже *сеансы ловит*!

— Чего? — растерялся Богдан.

— Да ладно, не морщи портрет, че мы, не понимаем, што ли? — покровительственно сказал догадливый. — Пусти, дай людям позырить.

Парочка деловито потеснила ничего не понимающего Богдана у окна.

— Доставай, — велел Серый.

Догадливый вынул из-за пазухи театральный бинокль и поставил к глазам.

— Ну, че? — спросил Серый.

- Погоди, щас солнце уйдет.
- Да оно уже ушло, я и так вижу.
- Не мешай.

Богдан проследил, в каком направлении смотрит догадливый, и довольно ухмыльнулся.

На втором этаже в окне без штор видна была оттоманка, на которой кто-то возился. Вот какие сеансы имели в виду пацаны.

— Ну, Васька, дай, дай посмотреть!

— Да на, смотри. Все равно пока ничего интересного. — Васька разочарованно протянул бинокль Серому.

Пока Серый, пуская слюну, подсматривал за обжимающейся парочкой, Васька критически осмотрел Богдана и сказал:

— А тебе че, платить нечем?

— Не понял.

— Да ты вообще какой-то непонятливый. Ну мы-то с Серегой понятно, нам нельзя еще, но ты-то вполне можешь.

— Чего могу?

— Ну ты же как-то про хазу Манькину узнал.

— Там че, притон, что ли? — глупо хихикнул Перетрусов.

— А ты не знал? — удивился в свою очередь Васька. — А за чем тогда пришел?

— Да у меня это... зазноба... слушай, дай в бинокль посмотреть?

— Ага, как же! Мы тебе бинокль, а ты его зажилишь.

— Я могу и отнять, между прочим. Но не буду. А знаешь почему?

— Почему?

— Потому что пролетарии должны друг друга выручать. Ну не будь жмотом, дай посмотреть. А я тебе завтра карточки с голыми бабами принесу.

— Врешь! — в один голос сказали пацаны и уставились на Богдана с восторженным недоверием.

— Зуб даю!

— Серый!

Сергея сразу отдал бинокль Богдану. Перетрусов приставил окуляры к глазам и нашел нужное окно. Однако, даже настроив оптику, сквозь кисею почти ничего не увидел. Кто-то продолжал ходить по комнате, то присаживаясь на край кровати, то снова исчезая в глубине.

— Ну, че, голая?

— По шее дам. И туда смотреть не смейте, ясно? Узнаю — уши оборву.

— А говорил — пролетарий.

— А ты бы хотел, чтоб на твою зазнобу пялились?

Васька почесал нос.

— Нет, наверное. Что мое — то мое.

— То-то.

Вдруг кисейные занавески взметнулись и опали. Значит, дверь открывалась. Вышла?

— Так, пацаны, я побежал.

— Эй, а бинокль?

— У, зараза. — Богдан метнулся обратно и отдал Ваське бинокль.

— С бабами-то не обманешь?

— Завтра в это же время! — крикнул на бегу Богдан и выскочил в подъезд. Фотографий с голыми тетками у него все равно не было, но пусть пацаны хотя бы до завтра помечтают.

Он не стал сломя голову выскакивать на улицу, а лишь аккуратно приоткрыл дверь и выглянул наружу. И не ошибся — Ева действительно вышла, но... это была не совсем она. Если бы

петух не помог, Перетрусов наверняка не узнал бы девушку, потому что она слишком преобразилась.

Она перестала сутулиться и шла прямо и уверенно, не слишком быстро, но и не медленно. Так идут по делам, без спешки, с запасом, чтобы прийти как раз вовремя.

Самое удивительное, что Ева не поменяла одежду, в которой была на работе. Но если в музее и по дороге домой на ней все висело, несуразно топорщилось и перекручивалось, а прическа называлась «Взрыв на макаронной фабрике», то сейчас все изменилось. Скромная одежонка так ладно пришлась по фигуре, что мужики, мимо которых проходила Ева, забывали обо всем и завороченно провожали ее взглядами. На голове сидела кокетливая шляпка с вуалью, волосы тщательно уложены... Черт, да это парик!

Богдан опять почувствовал неудобство и легкий зуд, но тут все было понятно. Слишком разительная перемена во внешности и поведении. Девушка как будто на охоту отправилась. И Перетрусов примерно представлял себе, на кого она будет охотиться.

Такая краля вряд ли цепляет мужиков прямо на улице. Пока они шли, Богдан составлял портрет того, кто ей нужен. Мужики-артельщики, приезжие краскомы, командировочные, иностранцы... еще до того, как они добрались до места, Перетрусов понял, куда ее несет.

Первый дом Петросовета, бывшая гостиница «Астория». Здесь останавливаются крупные партийцы, депутаты, командиры, всякие деятели и иностранцы. Здесь даже ресторан работает, правда, только для постояльцев, но ведь эти постояльцы кого-то к себе приводят иногда. Простому человеку туда никак не попасть, у входа дежурит швейцар, одетый красноармейцем, но по сути — тот же халдей, только блюда не подносит.

Барышня наверняка ни с кем не спит. Делает большие авансы, но в постель не торопится, ждет, пока клиент напьется. Ну и что с того, что с прошлого года введен сухой закон. Тут же «Астория», тут же — Петросовет, в порядке исключения проживающим полагаются и коллекционные марочные вина, и спиртное покрепче, и чего только пожелаете. Это ж люди, которые революцию придумали, это ж люди, которые революцию защищают. В крайнем случае — воспевают или поддерживают из-за границы. Работа у них нервная, им нужно отдохнуть, вот и приходят сюда барышни не общедоступного рабоче-крестьянского происхождения, а с печатью породы на лице и фигуре. Здесь и патрульные все сыты и неторопливы, и шпаны в окрестностях не водится, потому что те, у кого в «Астории» денежный интерес имеется, всю шушеру повыдавили, и облав здесь не бывает, хотя очень хочется потрясти этот изысканный клоповник, даже чекисты сюда нечасто заглядывают. Тут войны нет, тут кусочек будущей счастливой жизни. Такой жизни, которая сделает работу угро сплошной головной болью.

Кремнев говорит:

— Можно искоренить уличную преступность. Нужно только, чтобы все дети были при родителях и родители трудоустроены. Можно искоренить жуликов и бандитов. Нужно только работой всех обеспечить, чтобы по силам и по уму. А вот кумовство победить нельзя, потому что у нас психология такая. Власть — она от слова «владеть». И чем меньше у тебя власти, тем больше усилий ты прилагаешь, чтобы её приумножить. Подарки начальству, подхалимаж, мелкие услуги. Закрыв глаза на мелкое нарушение, не дал ходу жалобе, стрелки с одного на другого перевёл. Рука руку моет, так издревле у нас повелось. Поэтому со всей этой чиновничьей сволочью ухо нужно держать востро. Понял?

Богдан это очень хорошо понял. Рассказов о том, что чекист или агент угро не мог прищучить контру, потому что запрещало начальство, передавалось изустно великое множество. Та же самая история с Бенуа — Комаров взгоношил на Кошкина, а Кошкин на Кремнева вовсе не из-за столкновения интересов двух контор, а потому что Бенуа был на короткой ноге с наркомом Луначарским, а Комарову не хотелось неприятностей.

Потому Перетрусов не стал рваться за Евой в «Асторию», а зашел в цивильную пивную, что стояла напротив, и принялся цедить кружку за кружкой. Если он не ошибался, то клиент для Евы давно подготовлен швейцаром, часика два подождать — и она сама...

Ева появилась через десять минут, испуганная и взъерошенная. Видимо, что-то у нее пошло не так. Лишь бы не убила там никого... Это был шанс ее подцепить и если не влюбить в себя, то по крайней мере обратить внимание. Перетрусов оставил пиво с корюшкой и пошел выручать барышню. То, что она попала в неприятности, сразу было понятно — швейцар держал ее за локоть.

Громко кричать и вырываться девушка не могла — сразу привлекла бы внимание постового. Мордатый швейцар задержал ее на всякий случай — слишком быстро она выскочила, не сперла ли чего? Скорей всего, ему проблем тоже не хотелось — неминусе ведь будут спрашивать, как посторонняя внутрь помещения попала, но он жаждал мзды и выслужиться. Вдруг клиент прибежит?

Богдан успел раньше клиента.

— Ты куда? — спросил его швейцар, когда Перетрусов попытался пройти внутрь.

— Не твоего мелкого ума дело! — огрызнулся Богдан.

— А ну, стоять!

— Пошел ты, халдей.

Халдей, не отпуская Евы, попытался помешать Перетрусову пройти. Ева снова рванулась, и швейцар обернулся к ней:

— Стой и не дер...

Резкий удар в солнечное сплетение вышиб из стража дверей дыхание. Он отпустил девушку и упал на колени.

— Драпаем, — коротко приказал Богдан Еве и подтолкнул ее. — Ну...

Ева удивленно посмотрела на спасителя и тут же побежала прочь. Богдан тоже не стал задерживаться.

Догнал он барышню на Синем мосту.

— Че, тоже не пускают совдепы? — спросил Богдан, пристраиваясь справа.

— Я вас не знаю. — Ева ускорила шаг.

— Я вас тоже, так давайте исправим эту несправедливость, — не отставал Богдан.

— Я сейчас закричу.

— Товарищи, я люблю эту девушку! — закричал Перетрусов и приобнял Еву за талию.

— Только не здесь, шутник! — прикрикнул постовой.

Богдан в знак согласия приподнял и опустил кепочку, мол, я чту порядок и умолкаю.

— Убери руку, — краем рта сказала Ева.

— Сначала нужно спасибо говорить, — ответил Богдан, но руку с талии убрал и предложил держать его за локоть.

— И без тебя бы управилась. — Ева нехотя уцепилась за Перетрусова, чтобы не привлекать внимания прохожих.

— Ага, два раза. То-то халдей тебя отпустить не хотел, все ждал, когда же ты справишься.

— Ты куда меня тащишь?

— Да ладно тебе — тащу. Я щас на Сенную выйду, свистну — и с десятков таких, как ты, сбежится.

— Поржать?

Они свернули в Демидов переулок. Богдан стряхнул с себя руку Евы и сказал:

— Ну и иди к своим совдепам краснопузым, если такая гордая и неприступная, — и ускорил шаг.

Риск имелся. Она могла не остановить, не окликнуть, и тогда поди встретиться с ней еще раз «как будто случайно». Но продолжать навязываться было куда рискованнее.

— Подожди, — сказала она.

Богдан остановился и обернулся через плечо. Ева догнала и снова взяла его за локоть. Уже не таким деревянным движением, как на мосту.

— Проводи меня до Сенной.

— Пошли, мне-то что.

Шли неторопливо, пару раз, будто уклоняясь от встречных прохожих, Ева задела Перетрусова бедром. Значит, решила после неудачи в «Астории» подцепить его. Ну что же, поиграем.

— Спасибо, — сказала она.

— Всегда пожалуйста, за подержаться за локоток денег не беру.

— Я про то...

— А... Я туда тоже никак попасть не могу. Гниды красные, сами винцо попивают, коньяки, а остальные, значит, пивом с ко-рушкой перебивайтесь... Ну и ладно, я тут другое место знаю.

— Понтуешься много.

— Не нравится — не держу.

Снова замолчали. У самой Сенной Богдан спросил:

— Зовут-то тебя как, прекрасная незнакомка?

— Ева.

— Ага. А я — Адам.

— Я серьезно.

— Брешешь. Да ладно, я не в обиде. Тут шалман один есть, там вино имеется. Пойдешь?

— А ты напьешься, так приставать начнешь?

— А че я, не мужик?

— Нет уж, с меня сегодня мужиков хватит.

— Как знаешь.

— Может, проводишь?

— Дудки. Я хочу пить и девок.

Выражение досады, промелькнувшее по лицу Евы, не ускользнуло от внимания Богдана.

— Не, ну ты не обижайся, ты видная, но я не для того в Питер приехал, чтобы всяких гордых до дому провожать.

— А ты не питерский, что ли?

— Не, с Тихвина. Я сюда только на интерес играть приезжаю да пошалить.

— А чем в Тихвине занимаешься?

— А не твоего мелкого ума дело. Ну давай, решай — идешь со мной или нет?

Ева сделала вид, что думает.

— Руки только не распускай.

— Че я, не мужик?

В этом шалмане Перетрусова давно знали как щедрого гостя. Что он был уже с подружкой, никого не смущало, хотя здешние девицы смотрели на Еву недобро — они-то теперь остались не у дел.

Играла музыка, водка мешалась с вином и пивом, по углам весело визжали барышни. Богдан пил, делал вид, что пьянел,

и все время выигрывал в карты. Ему было важно, чтобы Ева заметила — он сегодня сказочно богат. И она заметила. Богдан покупал дорогое, вино, всех угощал и вел себя как душа общества.

Наконец Ева поверила, что он достаточно окосел.

— Может, пойдем? — спросила она.

— Мне здесь постеляют! Пошли со мной, не пожалеешь!

Барышни испытующе смотрели на Еву — упустит ли она такой лакомый кусок или забудет про гордость и останется.

И Ева от жирного куска не отказалась. Она помогла едва стоящему на ногах Богдану добраться до продавленного кожаного дивана и закрыла дверь в комнату.

«Интересно, — подумал Богдан, — по башке огреет или дождется, пока засну? Надо ее как-то задержать».

— Эй, как тебя там!

— Что такое?

— Вина дай мне.

— Хватит, наверное!

— Дай, говорю!

Ева послушно налила полный стакан красного и подала Богдану. Тот потянулся и случайно выплеснул все содержимое на Еву.

— Ну ты кулема! — выругался Перетрусов пьяным голосом. — Налей еще!

Но Ева не слушала, она бросилась к рукомоюнику, висящему на стене, на ходу снимая кофточку и проклиная пьяного кавалера. Того Богдану и нужно было. Он рухнул обратно на диван, что-то пробормотал и затих.

Какое-то время Ева не обращала на него внимания, пытаясь застирать пятно на кофте. Когда она кое-как справилась и повернулась, чтобы повесить кофточку на спинку стула, она увидела,

что кавалер уже лежит, пуская слюну изо рта. На тонкой женской сорочке розовело пятно от вина, и Ева стянула ее через голову, оставшись в лифе. Сорочку Ева тоже застирала.

Богдан всхрипнул. Ева резко обернулась к нему, но он безмятежно посапывал. Она подошла к нему, помахала рукой перед лицом. Перетрусов никак не отреагировал.

Ева заглянула в сумочку, достала сигареты и спички. Закурила, выпустила в потолок дым, подошла к зашторенному окну, стянула с головы парик и положила на стол. Потом сняла лиф и бросила рядом с париком.

В этот момент Богдана едва не вырвало.

Перетрусов терпеливо выждал, пока его обшарят и вывернут все карманы. Не прошло и часу, как они уединились, а Ева уже покинула комнату, натянув на себя непросохшее белье и одежду и унося в сумочке весь выигрыш Богдана. Он не стал ее преследовать. Наоборот — дал фору, чтобы она умотала с Сенной, и только после этого встал, сполоснул лицо, заправил все карманы и тоже отправился восвояси.

Было еще не совсем поздно, часов одиннадцать вечера, смешно для Питера, где ночи светлые, не то что в Астрахани или Уральске.

О Еве Богдан не думал. Он выяснил достаточно, чтобы заставить это милое создание не то что говорить — петь дискантом, как это называл Кремнев. Больше его беспокоил тритон.

Когда Сергей Николаевич рассказал о том, что именно было в коллекции Булатовича, Перетрусов серьезно обеспокоился. Он знал, что его петух не единственный в своем роде, что бывают и другие талисманы, и в прошлом году он даже побывал в переплете из-за этих железяк. И вот — опять. Может, талисманы,

кроме невиданных способностей, обрекают своих хозяев на неприятности? Похоже, что так и есть, никаких сомнений не возникало, что Скальберг погиб именно из-за тритона. Неясным оставалось, держал ли он талисман при себе или где-то прятал. Не у Евы ли? Скорей всего, Ева знала о свойствах предметов. Слишком долго она разглядывала петуха, лежащего на груди Богдана. Только взять не решилась.

Перетрусов долго не мог решить — рассказывать ли обо всем Сергею Николаевичу сейчас или подождать до утра, но заставить себя делать крюк и идти на конспиративную квартиру не смог. Ничего, завтра доложит.

Домой вернулся за полночь и столкнулся в коридоре со стариком Фогелем.

— Там к тебе женщина! — прошептал старик и пальцем показал на дверь Богдана, из чего можно было заключить, что женщина находилась в комнате.

— Молодая? — напрягся Перетрусов.

— Нет, такая... представительная, — и Фогель обрисовал руками размеры, какие должна иметь представительная женщина, хотя спрашивали его не о габаритах, а о возрасте. — Обворожительная фемина!

— А как она без ключа вошла?

— Я открыл. Она обещала, что дождется, я не мог отказать даме!

— Ты меня уже второй раз подставляешь, дед, — прошипел Богдан. — Брысь отсюда.

Перетрусов вошел к себе в комнату.

Дама его ожидала действительно представительная, загоравала пол-окна, отчего в комнате стоял полумрак. Света было недостаточно, лицо незнакомки находилось в тени, так что

опознать гостью Перетрусов не мог. Двух незнакомок за один вечер многовато.

— Здрасьте, тетенька, — поздоровался Богдан. — Между прочим, нехорошо в чужое жилище без приглашения заходить. Вы кто?

— Да неужто вы меня не узнали, Иван Васильевич? — изумилась Прянишникова. — Видимо, на роду мне написано богатой быть.

— Эмма Павловна? — обалдел от неожиданности Перетрусов. — Так вы не...

— Не парализованная квашня? Нет, конечно, нет. Просто мужчины гораздо снисходительнее к разбитой горем и апоплексией старухе, чем к бодрой и умной женщине. Я не собираюсь разочаровывать мужчин.

— Зачем вы пришли?

— Все очень просто, Иван Васильевич. Федор передал мне ваше сообщение и очень расстроил.

— А уж как вы меня расстроили, Эмма Павловна. Я думал, вы мне доверяете, а вместо этого... наверное, Федор вам рассказал, что произошло?

— Поверьте, Иван Васильевич, я и знать не могла, что за проверку он вам устроит! — порывисто сказала Прянишникова. — Это ужасно, я не знаю, чем смогу компенсировать ваши душевные страдания...

— Ни за что не поверю, Эмма Павловна. Вы меня разочаровали. Никак не ожидал, что такая умная женщина прибегает к таким низким методам.

— Полноте, Иван Васильевич. Федор рассказал, что вели вы себя куда как хладнокровно, и он понял, что вам это не впервой.

— Просто у вашего Федора мозгов не больше, чем в моем «моссберге». Он весь в крови был и даже не обратил внимания

на это. Зачем вы связались с этими мокрушниками, вы же умнее всех, о ком я слышал!

— Сейчас тяжелые времена, мне нужна защита.

Богдан сел на табурет.

— Вы ведь не прощения просить пришли?

— Вы меня заинтересовали. И Федору понравились. Я готова иметь с вами дело и хочу, чтобы мы позабыли об этом недоразумении.

— Договорились, забыли.

— Когда вы будете готовы к обмену?

— Я уже готов.

— Вот как? Я в вас не ошибалась. Так ваш товар...

— Три бочки спирта. И меловые таблетки.

Эмма Павловна расхохоталась:

— А вы шутник, Иван Васильевич.

— Я не шучу, Эмма Павловна. Я меняю три бочки спирта и меловые таблетки на вашу гречку. Таковы мои условия. Мне кажется, я имею право на неустойку за ту безобразную историю, в которую вы меня втравили?

— Вы немного забываетесь.

— Эмма Павловна, вы у меня в комнате, вошли сюда без моего разрешения и приглашения, я буду в состоянии объяснить происхождение вашего трупа. У меня и свидетель имеется. И на этом мы расстанемся. Я был заинтересован в сотрудничестве с вами до тех пор, пока вы не поступили как... нет у меня приличных слов для этого. Я вам предложил вполне приемлемые условия: из трех бочек спирта можно сделать восемь бочек водки, а если разлить ее по бутылкам, то получится... в общем, смотря в какие бутылки разольете. Таблетки можно продавать вообще как любое лекарство, с вашими талантами два мешка этих

таблеток можно превратить в состав гречки. Соглашайтесь или проваливайте ко всем чертям, я уже хочу спать.

Эмма Павловна сказала:

— Определенно, я не ошиблась, когда назвала вас Грозным. Ваши требования и резоны нахожу приемлемыми, считайте, что сделка состоялась. Также я полагаю, что наше недоразумение тоже разрешилось к обоюдному удовольствию. Товар заберете вот отсюда...

Эмма Павловна протянула Богдану клочок бумажки с адресом.

— Кстати, у меня тут подвязочка одна образовалась... — сказал Богдан. — Есть весьма любопытный вариант.

— Обсудим через неделю. Место?

— Предлагаю Эрмитаж.

Прянишникова изумилась:

— Эрмитаж?

— Там во внутреннем дворе можно пройти и поговорить.

— Хорошо. В час дня.

— В час дня.

— Спокойной ночи.

— И вам того же.

Все, рыба заглотила наживку.

1920 ГОД. МАЙ

Они столкнулись случайно, опять в Эрмитаже, но по причине пошлейшей и доставившей неудобство обоим. Первого мая всех сотрудников петроградской милиции в обязательном порядке вывели на экскурсию в музей Революции.

Несмотря на то что экскурсовод из кожи вон лез, чтобы рассказать всем об истории Октябрьского переворота, большинство скучало и жалело, что если уж в кино не повели, то могли какой-нибудь египетский зал показать. Революция еще слишком свежа была в памяти, и каждый способен рассказать экскурсоводу раз в десять больше, чем этот парнишка мог знать.

Курбанхаджимамедов, стоявший ближе всех к выходу, начал потихоньку пятиться и вдруг на кого-то наступил. Он резко обернулся и практически уткнулся носом в чей-то седой затылок.

— Что же вы, това... — сказал затылок, быстро превращаясь в лоб, а затем и лицо Александра Николаевича Бенуа. — Да-с, — сказал художник, узнав Курбанхаджимамедова. — Товарищ Иванов?

Курбанхаджимамедов, как назло, был в сапогах, галифе, в кожаной куртке поверх гимнастерки и в кожаной фуражке со звездой. К лацкану куртки прикреплен красный бант.

— Здравствуйте, товарищ Иванов, — издевательски сказал Бенуа.

— Здравствуйте, — сквозь зубы процедил поручик.

— Что же вы не заходите? Я думал, проверку на лояльность я прошел, можно было не изображать из себя заговорщика и бандита.

— Я не понимаю...

— Да бросьте, все вы понимаете. Не понимаю только, зачем вашей конторе потребовалось сначала сдавать коллекцию, потом снова забирать.

— Я... значит, она была у вас?

— Вот только не нужно снова, хорошо? — рассердился Бенуа. — Кажется, я начинаю понимать. Вы сдали коллекцию в музей без одного предмета, чтобы проверить, как работает система учета. Затем решили проверить мою лояльность новой власти. А теперь что проверяете?

Рядом был темный закуток, в который Курбанхаджимамедов грубо втолкнул Александра Николаевича, заткнув ему пол-лица ладонью.

— Ты! Ты! Надул! Тварь!

Бенуа не на шутку испугался.

— Стоять тихо, не то шею сверну, — жарко, словно возлюбленной, прошептал Курбанхаджимамедов на самое ухо художнику. — Отвечай коротко и по делу. Коллекцию похищали?

— Да.

— Но вернули?

— Да.

— И когда я приходил, она была в музее?

— Да.

Гурбангулы застонал от ярости.

— А потом снова забрали чекисты?

— Я думал, это проверка.

— Нечем! Нечем тебе думать! И все вы не способны на мышление, потому и пошло все прахом! Тритон! Тритон был в коллекции?

— Да... то есть нет! Нет!

— Нет? Или да? Или опять пытаешься надуть?

— Не было тритона! Единственный предмет, который отсутствовал в описи!

— Тихо! Тихо! — Курбанхаджимамедов снова закрыл художнику рот. — Теперь соберись и вспомни — кто именно вернул коллекцию? И без фокусов! Ну, вспомнил? Сейчас уберу руку, и ты скажешь.

— Ск... Скальберг, — выдохнул Александр Николаевич.

— Молодец. Только дышать будешь, как я скажу! А если вздумаешь крутить, не обижайся... — Голос Курбанхаджимамедова дрогнул, и лицо сделалось скорбным. — Если вздумаешь крутить, тогда не обижайся — это будут последние минуты твоей жизни... Понял?..

Из Эрмитажа Курбанхаджимамедов летел как на крыльях. Наконец-то. Если долго долбить в одну точку, то стена в конце концов должна сломаться.

Поручик знал, что Скальберг — фамилия заместителя начальника уголовного розыска. Все его любили и уважали, он был удачливым агентом, и не раз Гурбангулы приходилось возить группу задержания по адресам, которые давал Скальберг. Но непохоже, чтобы он пользовался предметом: глаза были одинаково серыми, одевался бедно, жил впроголодь, но самое главное — продолжал работать в угро.

Зачем впахивать, ежедневно рисковать жизнью, если у тебя есть возможность жить безбедно? Что делать здесь, в голодном, нищем городе? Либо Скальберг не знал, как пользоваться тритоном, либо был окончательным идиотом. Но на идиота он никак не смахивал. Значит, не знал, как применять артефакт?

Что-то не вязалось. Не имело смысла человеку, не знающему о свойствах предмета, изымать его из коллекции. Либо все похищать, либо ничего.

Поручик перепроверил сведения, полученные от Бенуа. Влез в канцелярию ГубЧК, одурманив часовых, отыскал нужные документы, ту самую опись «найденных» предметов. На этот раз художник не врал — все совпадало, коллекцию сдал именно Скальберг. Но почему-то лишь четырнадцать предметов из пятинадцати! Не на память же он тритона взял!

Ответ был где-то рядом, Курбанхаджимамедов это чувствовал, но именно из-за дразнящей близости тритона успокоиться и как следует поразмыслить никак не получалось. Поручика охватывало лихорадочное желание действовать, бежать... нужно было схватить мерзавца и пытаться до тех пор, пока не сообразит, куда он дел тритона. Впрочем, от этой идеи Гурбангулы быстро отказался и решил прибегнуть к наблюдению.

Наблюдать за Скальбергом оказалось куда как не просто. Сыскарь до мозга костей, он постоянно петлял, шнырял и менял направление движения. Как ни пытался поручик установить слежку, к каким только приемам ни прибегал, Скальберг сбрасывал «хвост» минут через десять. Город он знал много лучше Курбанхаджимамедова, что вызывало одновременно и восхищение, и злость.

Очередная встреча с Белкой была назначена в его берлоге, в Лигово.

— За каким лешим ты сюда вообще забрался? — спросил Курбанхаджимамедов, спускаясь с обрыва по крутой лестнице к маленькому домику на сваях.

— Ментам сюда ленивее выезжать, к тому же здесь ушей меньше, случайных людей нет. Сегодня придется кое-кому язык укорачивать, я хочу узнать конкретно, что этот язык успел намолоть.

Оказывается, посты, которые выставил Курбанхаджимамедов, принесли поразительную новость — один из наводчиков, мелкий пацан, что раньше в шестерках у Живого Трупа Бальгаузена бегал, стучал в уголкову.

— Представляешь? Я всех на сходку зову, день ангела свой отметить культурно, а эта тварь как узнал — сразу на Лассалья когти наострил. Ладно, там Генка-Солома стоял, вот и срисовал. Каков ублюдок, а? Чуть не через парадную дверь вышел! Как, останешься посмотреть на усекновение языка?

— Без меня, я тороплюсь. Что по тритону?

Белка скуксился:

— Че-то показываю ее портрет, показываю, а никто не узнает.

— Продолжаем спрашивать.

— Слышь, поручик, а ты уверен, что эта твоя ящерица все еще в Питере?

— Я ни в чем не уверен. Не хочешь — соскакивай, я другого кого-нибудь найду.

— А че ты такой обидчивый, как барышня кисейная? Уже весь Питер про твою ящерицу знает, а никто не видел. Даже Федору, говорят, сказали, и то ничего.

— Что еще за Федор?

— Это, брат, фигура. Ты с ним встречи не ищи, если захочет — сам найдет. Самый главный в городе барыга, главней только Петросовет.

— Боишься его?

— Опасаюсь. Но Федору, говорят, неинтересно. Не видел, не знает. Может, ну ее, твою ящерицу?

Курбанхаджимамедов посмотрел на Белку с брезгливой жалостью, как смотрят на умалишенных или калек.

— Белка, знаешь, на чем ты погоришь?

— Кто погорит? Я?

— Именно ты. Потому что и душонка у тебя мелкая, и мозги, и интересы. И погоришь ты на какой-нибудь мелочи, потому что весь твой хабар — это меха, обручальные колечки и столовое серебро.

Белка набычился. Он не любил, когда поручик говорил ему такие вещи (а Курбанхаджимамедов повторял их при каждом свидании). Поручик регулярно напоминал, что время, отпущенное Белке на вольницу, очень короткое. Ментам просто некогда, потому что таких, как Белка, много. Но война закончится, причем быстрее, чем кто-то думает. И вот тогда большевики возьмутся за ликвидацию бандитов, и давить будут нещадно.

— Нету таких, как я, — сказал Белка. — Меня все боятся.

— Гиен в саванне тоже все боятся.

— Че за гиены?

— Собаки такие африканские, падальщики. Страшные, как смертный грех. Всю ночь хохочут, как сумасшедшие, и никогда в одиночку не ходят, только стаей. Убьет лев быка, а они тут как тут. И если лев один, а гиены почувствовали убоину, то приходится льву уходить и добычу оставлять. Иначе гиены нападут и сожрут его вместе с быком. У гиен челюсти такие, что кость быка перекусывают. Но если львиный прайд, то есть стая, вместе, то гиенам ловить нечего. Так что боятся тебя до поры до времени. А потом погоришь ты на каком-нибудь мелком деле, вон как Живой Труп и стукач его.

— Ты меня что, с этим сявкой равняешь?!

— Все мы перед кем-то сявки. Вон ты Федора какого-то опасешься, а он, может, и не слышал про тебя ни разу, и неинтересен ты ему. Ладно, пора мне. Осторожнее тут.

1920 ГОД. ШТУРМ ЗИМНЕГО

Насчет Евы Богдан ограничился общими данными: живет напротив Скальберга, в квартире некоего Эбермана.

— Эбермана? — расхохотался Сергей Николаевич. — Тесен мир. А ведь я этого сукина сына арестовывал. Там вообще домишко интересный — на втором этаже Манин бордель, на первом — опиумный притон.

— А чего их не накрыли?

— Так у Скальберга там прихваты были, ты чего! Он от одних проституток сведений получал — выше крыши. А вот что у Эбермана племянница — впервые слышу. Может, сожительница?

— Не удивлюсь.

Про вчерашнее открытие Богдан рассказывать пока не стал. Зато о визите Прянишниковой поведал во всех красках.

Гневу Сергея Николаевича не было предела.

— Ой, дурак, ой, дурак, — корил он себя. — Всех надула, змея!

— Не отчаивайтесь вы так, Сергей Николаевич.

— Да как не отчаиваться? Эта мерзавка провела всех: меня, Сальникова, Кирпичникова и даже Филиппова, а тот был ушлый — насквозь каждого видел. И врачей тоже провела.

— Или подкупила.

— Да хрен редьки не слаще. Получается, она все эти десять лет изображает из себя немощную, а сама вон какие дела

проворачивает. Все, Богдан, пора меня списывать. Я, милый мой, отслеживаю судьбу каждого преступника, которого вел когда-то. Каждого! И тебе советую. Если кто и завяжет, то может ремесло или инструмент другому передать, всегда приятно узнать старый след, а по старому следу и новый легко отыщешь. А эту... ехидну, мегеру, фурию... я ее просто со счетов списал. Она даже говорить не могла, и лицо у нее перекособенилось... ну, мегера...

— У меня вопрос. Прянишникова — самая крупная рыба. Я так понял, что у нее схемы и планы всех складских помещений города. Будем ее доставать или оставим плавать? Вы, помнится, говорили...

— Я много чего говорил, но она из меня дурака сделала.

— Так, может, мы ее тогда в дурах оставим?

— Как?

— Еще не знаю, но она ждет от меня масштабных дел. Застоялась в стойле, рвется в бой. Ворует с масштабом, а сдать не может. Вы-то в таких делах лучше смыслите, а я пока...

— Что?

— Ну вы же мне дали задание. Буду продолжать работу. Вы там как, кстати, Баяниста еще колете?

— Ах, да... — нахмурился Кремнев. — Я же тебе рассказать хотел, да ты меня своей Прянишниковой совсем с толку сбил. Нет, Баянист заказчика не выдал, и на этот раз — окончательно. Зажмурился Баянист.

— Как — зажмурился? Он же в предвариловке сидел.

— Это, Богдан, тайна, и раскрывать ее надо как можно скорее.

— Так что случилось-то?

— А то и случилось. Прихожу утром на Лассаля, а там форменный Вавилон...

...Спящие дежурные поначалу ни у кого не вызвали подозрений. Ну подумаешь — отстояли ночь, притомились, с кем не бывает. Сейчас начальство придёт, разбудит, пистон вставит, и будут дежурные как новенькие до подхода смены.

Но начальство появилось, а дежурные все спали. Потрясли, а они все равно спят. Пришел Сальников и засвидетельствовал наркотическое опьянение, правда, следов от уколов, шприцев, порошка на ноздрах и прочих атрибутов наркомана рядом не обнаружилось.

Это было странно, но на этом странности прекратились, и последовал форменный ужас и кошмар. Камера предварительного заключения оказалась полна покойниками.

Семнадцать человек, задержанных по самым разным поводам — от карманных краж до убийств, — содержались в камере, в цокольном этаже. Конвоир, отправленный за подозреваемым, открыл окошко, чтобы вызвать задержанного, да так и остолбенел. Все семнадцать были мертвы. Воняло из разлитой параши, кровища размазана по всей камере, все лежали неподвижно. Такого конвоир еще никогда не видел и поднял тревогу.

Однако входить в камеру какое-то время не решались. Мало ли, вдруг они там притворяются, ждут, когда к ним войдут, и они тут же возьмут заложника. Такие прецеденты уже бывали. И тогда Алексей Андреевич Сальников сказал:

— Ладно, открывайте дверь, я зайду. Если что — стреляйте прямо через окошко.

Его ученик, Венья, тоже хотел идти, но Алексей Андреевич не разрешил — в конце концов, экспертами-криминалистами разбрасываться нельзя. Дверь открыли, Сальников протиснулся в воняющую камеру со своим чемоданчиком и сказал:

— Закрывайте.

Его заперли и стали взволнованно наблюдать, что будет дальше. Но дальше ничего не было: Сальников переходил от одного тела к другому и констатировал смерть. Насколько Алексей Андреевич смог судить, умерли заключенные одновременно от сильнейшего отравления хлором — все слизистые у трупов были серьезно обожжены, одежда тоже пострадала — отбеленные на складках штаны, куртки, рубашки буквально расплзались, металлические поверхности, как в камере, так и снаружи, оказались сильно изъедены коррозией и покрылись белесым налетом.

— Я такое на фронте видал, когда немцы Осовец брать пытались. Хлор, я вам скажу, дьявольская штука, и мучения от него адские. Я в госпитале работал, и по мне, страшнее оружия нет, — говорил Сальников, осматривая тела.

Смерть наступила ночью, часа в три, точнее должен был сообщить патологоанатом. Но, судя по всему, общему отравлению предшествовала общая драка, а точнее — избиение.

У каждого трупа имелись свежие синяки, царапины, кровоподтеки, полученные явно перед смертью. Но один заключенный оказался с выбитыми зубами, надорванным ухом, свернутым набок носом, выломанными из суставов руками и пальцами. Это и был Шурка Баянист, самый здоровенный из трупов. Перед смертью заключенные за что-то ополчились на бандита. Какое-то время он мог защищаться, но количества врагов не учел и оказался сломлен... во всех отношениях. И только после этого все умерли в страшных мучениях от отравления хлором.

Когда дежурный пришел в себя, он ничего не помнил. Просто сидел за столом, читал книгу, потом ему стало как-то слишком хорошо — и все, провал.

Кирпичников с Кремневым в своей оценке произошедшего были единомышленны: некто одурманил дежурных, чтобы получить

свободный доступ к камере предварительного заключения, затем проник к камере, открыл окошко и велел заключенным избивать Баяниста. Возможно, сначала он хотел получить от него какие-то сведения, но едва Баянист отказал, злоумышленник начал травить заключенных и предложил им выбить из сокамерника нужную информацию. Как только информация была добыта или же сразу после того как Баянист умер от побоев, злоумышленник отравил всех.

— Иными словами, Богдан, кто-то нас опередил. Думаю, Баянист все же выдал секрет, при допросе с пристрастием обычно даже самые сильные ломаются, с той лишь разницей, что треску от них больше, чем от слабых. Мне кажется, мы уже слишком близко подошли, если эти мерзавцы даже уголовный розыск приступом берут, чтобы нам помешать. Работаем, Богдан, работаем.

Расставшись с учителем, Богдан отправился напрямик в Эрмитаж. Задача влюбить в себя девицу более не стояла, нужно было лишь намекнуть, что секрет Евы может стать достоянием республики... ну или хотя бы Александра Николаевича Бенуа.

Он вошел в музей, представился женихом Евы и спросил, где ее найти. Получив крайне путанные инструкции, как можно найти человека в Зимнем дворце, Богдан отправился на поиски «суженой». И наткнулся на Бенуа.

— Молодой человек, что вам здесь нужно?

Богдан решил разыграть дурачка.

— Здравсьте, пожалуйста, — он униженно шаркнул ножкой и даже ссутулился, чтобы выглядеть перед начальством ниже. — Извините, пожалуйста, скажите, пожалуйста, как Еву найти? Заблудился совсем, пожалуйста. Помогите, папаша?

— Еву? — От удивления Бенуа забыл оскорбиться «папашей» и возмутиться присутствию постороннего. — Еву Станиславовну?

— Ее, папаша, ее, — китайским болванчиком закивал Перетрусов. — Со смены шел, а ключ от фатеры забыл. Вот, пришлось аж сюда пилить. Богато тут у вас, ничего не скажешь.

— Ключ от квартиры? А вы что, вместе живете?

— Как же, невеста же она мне.

На Бенуа было жалко смотреть. Вся гамма чувств отражалась у него на лице, Богдан даже боялся, что переборщил. Но художник кое-как взял себя в руки и сказал:

— Следуйте за мной.

И они пошли: Бенуа твердым шагом обманутого мужчины, который решил все для себя прояснить, Богдан — семенящим, чинопочитающим.

Вскоре они попали в зал, полностью заставленный шкапами с ящиками, и стали пробираться меж ними. На какое-то мгновение Перетрусову показалось, что Бенуа заманивает его в центр лабиринта, чтобы оставить здесь навсегда. Интересно, так поступают соперники?

— Ева Станиславовна! — громогласно объявил Бенуа. — К вам жених!

— Какой жених? Что вы такое говори... — пропела Ева нежным голосом, но, когда обернулась, голос ей изменил. Лицо ее исказилось от ужаса. — А... Александр Николаевич, вы все не так...

— Нет, Ева Станиславовна, молодой человек ясно выразился: жених, живете вместе, ключ от квартиры забыл.

— Папаша, вы меня простите, пожалуйста, но я вашего тона не понимаю, — вмешался Богдан. — Что же, у простой пролетарской девушки не может быть жениха? Или вы этот... как его...

хан... ханжа, правильно? — уточнил он у Евы и уверенно повторил Александру Николаевичу: — Или вы ханжа и считаете зазорным сожителство до бракосочетания?

— Что ты мелешь?! — закричала Ева.

— Спокойно, Евушка, я разберусь. — Богдан успокаивающе поднял руку. — Товарищ начальник, могу я с невестой объясниться в интимной, так сказать, обстановке? Вы нас, простите, пожалуйста, смущаете.

Ева со слезами в глазах смотрела на начальника, и сердце художника, только что ожесточившееся от предательства, смягчилось.

— Я вас покину на минуту, — сказал он и удалился.

Ева и Богдан остались стоять друг против друга.

— Ничего не хочешь мне сказать, красавица?

— Я все верну. Извини, я не могла удержаться. Я ничего не потратила, клянусь.

«Не понимает, — подумал Перетрусов. — Ну что ж, придется объяснить грубо». Он подошел к Еве.

— Я буду кричать, — сказала она.

— Возможно, — согласился Богдан и несильно ткнул обманщицу коленом в пах.

Результат превзошел все ожидания. Ева ойкнула, съежилась и упала на пол.

— Зачем по яйцам-то, — сдавленным голосом просипел тот, кто выдавал себя за девушку Еву.

— Я вчера как увидел, что ты лиф снимаешь, сам едва с дивана не рухнул. И руку, которой тебя за талию держал, долго потом отмывал. И мне все-все сразу стало ясно. Клиент твой в доме Петросовета недозрел, ага? Стал тебя хватать за всякое, а у тебя там неожиданное содержание.

— Как ты меня нашел? Это все твой талисман? — просипел молодой человек, постепенно принимая вертикальное положение.

— Я рад, что ты такая умная... прости, такой умный. Или осведомленный? Откуда знаешь о талисманах?

— Не твоего ума дело.

— Смешно, — согласился Богдан. — И даже дерзко. Вот только не в твоих интересах мне так дерзить. Встань и оправься, не дай бог, начальство твое ревнивое ворвется, что оно о тебе подумает. Он ведь еще не знает, да?

Лицо «Евы» выражало ненависть и страх. Страх было больше, но Богдану нисколько не было ее-его жалко.

— В общем, я предлагаю тебе два варианта. Первый — я сообщая твоему начальнику о твоей сучьей сущности, тебя с треском вышибают с хлебного места, и ты едешь сначала в предвариловку на Лассаля, где сидишь в обществе весьма обходительных кавалеров до тех пор, пока во всем не признаешься, либо... — Богдан перевел дух и продолжил: — Либо ты во всем признаешься сейчас, потом сама... или сам, как будет угодно... увольняешься и начисто забываешь о мошенничестве.

— Я не...

— И о похождениях своих тоже забываешь! Ты нашла... нашел себе очень плохое занятие, и оно отвратительно закончится, в первую очередь — для тебя. Думаешь, я не понимаю, чем ты занимаешься? Вчера еще понял, но это все ерунда, там мелкое мошенничество и проституция, а вот как с этим заведением быть? Подложная личность, фальшивые или чужие документы. Тебе в чека дорога, девочка моя... то есть мальчик. Ты ведь не зря здесь работаешь?

— Ты что, мент?

— Начинаешь соображать. Так что, будем разговаривать?
И учти, врать бесполезно, я все равно пойму.

— Ладно, будем.

— Хорошо. Вопрос первый — как зовут?

— Эвальд Эберман.

— Еврей?

— Швед.

— Допустим. Откуда знаешь Скальберга?

— А про него...

— Ева... или как там тебя на самом деле... — вспыхнул и сразу взял себя в руки Богдан. — Я прекрасно знаю, что живешь ты окно в окно с Шуркой Скальбергом, которого недавно совсем убили твои дружки-бандиты.

— Нет у меня дружков-бандитов! Это Шурка был моим другом.

— Другом? Он не знал про твое...

— Все он знал. Мы друзья по училищу еще.

— Ты что, тоже был там?

— Ты хотел сказать — здесь?

— Куликов, Сеничев, Скальберг, ты...

— Сашка и Кирюха Прянишниковы. И еще три десятка.

— Прянишниковы?

— Знаешь их?

— Слышал. Тоже с вами, значит?

— У нас компания подобралась. Я с Сашкой Прянишниковым на одном курсе учился, а Сашкин брат — с Сеничевым, Куликовым и Скальбергом.

— И что, вы вот такие прям были смелые, что приказа ослушались? — спросил Перетрусов.

— Нет, конечно, боялись мы все. Но мы же не ради Временного правительства оставались, у нас совсем другая имелась причина.

— Ну, рассказывай уже.

— Да у Прянишниковых мамаша была ушлая. У нее, видите ли, талант от природы — всякие хитроумные комбинации выдумывать. Она на этом деле погорела, слегла, а умище-то ей свой девать было некуда. И вот бог знает каким макаром, но узнала она, что в Эрмитаже хранится коллекция Булатовича. Мы и слыхом про такую не слыхали, но Кирюха рассказал, что был-де такой гусар-схимник, служил в Эфиопии и от тамошнего царя привез всякую магическую требуху... Вот она и придумала, как эти сувениры умыкнуть прямо из Зимнего. Там комнатка одна потайная была, мы в ней схоронились до поры до времени...

Эвальд перевёл дух и продолжил рассказ.

— И откуда ваша маменька все это знает? — спросил Куликов у Кирилла.

— Наша маменька участвует в общем событии, — не без иронии ответил Кирилл, поставив ударение на последний слог. — Я, признаться, потому и домой в увольнительную хожу редко: у мамы от болезни какое-то необычное расстройство психики началось. Нехорошо так о родителях говорить, но маменька стала того-с, — и он покрутил пальцем у виска. — Даже глаза цвет поменяли, один стал голубым, а другой — зеленым. Вон как у Лешки. Он заразился, поди...

— Не городи чушь! — огрызнулся Лешка, у которого глаза и впрямь стали разноцветными. — Это явление называется гетерохромией и зависит от содержания меланина в глазах. А на содержание меланина влияет вот эта штука, — и он вытащил из-за пазухи амулет — не то таракан, не то муравей. — Мне мама дала, сказала, он удачу приносит.

— Вот, я же говорил, что он бредит, — как бы извиняясь за недостойное поведение брата, вздохнул Кирилл.

Леша обиделся. Эвальд ткнул друга кулаком в плечо и подбодрил:

— Да ладно тебе, Лешка, он же просто дразнится.

— Маме хуже становится, а он...

— Хуже не хуже, а план она придумала что надо, — заметил Скальберг. — Откуда у нее этот план?

— Я предпочитаю таких вопросов ей не задавать, — ответил Кирилл уже серьезно. — После того случая с отцом она сильно изменилась. Но ко всяким планам и схемам у нее давняя любовь, так что можете быть спокойны: будем соблюдать инструкции — и сможем до конца жизни жить припеваючи.

— Если нас паралич не разобьет... — сказал Сеничев.

Лешка Прянишников хотел было оскорбиться, но Скальберг прижал палец к губам:

— Тихо, идет кто-то.

За дверью и впрямь кто-то громко протопал. Потом еще кто-то. Потом пробежала целая толпа, и слышны были крики:

— Вот они! Держи! Степа, стреляй!

Грохнул выстрел, толпа радостно взвыла.

Мальчишки сидели и боялись дышать. Они уже несколько часов томились в потайной комнате за одним из гобеленов в бесконечных аркадах Зимнего, хотелось есть, пить, в туалет, но возможности выскользнуть не представлялось никакой. Да и инструкции были совершенно конкретные — не выходить до четырех утра.

Они спрятались здесь во время первой атаки на дворец, в десять вечера. Тихо улизнули с оборонительного рубежа, никто и не заметил. По дворцу в это время уже шатался разный сброд,

проникший, видимо, со стороны Невы, там, где защитники не догадались даже двери закрыть. Вел всех Лешка, который лучше всего разбирался в схемах и в материнском почерке.

То, что Зимний не выдержит натиска, понимали даже они, не говоря уже о начальнике училища. Если бы не план мадам Прянишниковой, юнкера и не подумали бы послушаться командира. Но и мадам, и большинство офицеров в училище полагали, что большевики возьмут власть со дня на день и все закончится очень плохо. Начальник вообще думал над тем, чтобы распустить учащихся по домам, но не успел претворить эту мысль в жизнь.

План Прянишниковой был прост — остаться в Эрмитаже, забрать крайне ценные вещи и исчезнуть. Остаться в России смысла не было — после революции все равно начнутся грабежи, поэтому следовало урвать свой кусок пирога и срочно отбывать за границу.

Но исключительно за сокровищами отправились только Куликов и Сеничев. Они вышли из бедных, даже нищих семей, и для них это был шанс начать жизнь сначала. Остальные рисковали кто ради чего.

Лешка — ради матери, ведь она говорила, что в сокровищнице есть коллекция магических артефактов, которые ей помогут. Кирюха — ради Лешки, потому что драться с ним устал. Кирюха очень не хотел, чтобы Лешка шел в Зимний. Он и с матерью ругался, и обещал нажаловаться начальнику, но той хоть кол на голове теши — Леша справится! Самое странное, что мать ничего не знала про то, что юнкеров Михайловского училища отправят защищать Зимний. Она просто сказала дату, когда можно проникнуть во дворец, и дала инструкции, что делать дальше. Кирюха думал, что сумеет удержать брата и не пустить в самоволку, а их всех построили, выдали винтовки и отправили на защиту

Временного правительства. И уже когда объявили приказ возвращаться в казармы, Лешка взял и перешел на сторону неподчинившихся. Выбора у Кирилла не оставалось.

Скальберг составил компанию из-за Кирилла, с которым дружил, а Эвальд — из любопытства.

Все восстание они просидели в комнате и вышли, только когда часы в фойе пробили четыре. Электричество горело всюду, где не разбились лампочки, и мальчишки... хотя какие мальчишки?.. четверым было по двадцать лет уже, — шли строго по плану. Благодаря Лешке они пробрались от большевистских постов едва ли не в двух шагах, и никто их не заметил. И в конце концов попали в запасник Эрмитажа.

Здесь пока было пусто — охрана разбежалась, мародеры еще не нашли сюда дорогу. Особого порядка, в котором располагались бы вещи, молодые люди не заметили. Драгоценности лежали рядом с черепками, оружие рядом с картинами, скульптуры рядом с подсвечниками, мебель рядом с коврами. К каждой вещи была прикреплена картонная бирка с номером.

— Ох, царица мать небесная. — Сеничев растерянно вертел головой и не мог ни на чем сосредоточиться. — И как из этого всего выбирать?

— Что в карман влезет, то и бери, — ответил Куликов и засунул руку в ларец, доверху заполненный жемчугом. Всю эту горсть он попытался засунуть в карман шинели, но сделал это как-то неаккуратно, и по полу рассыпались и заскакали тысячи разнокалиберных перламутровых шариков.

— Я согласен с Куликовым — нужно сосредоточиться на компактных и дорогих вещах — на драгоценностях и благородных металлах, — сказал Скальберг и раскрыл свой вещмешок. — Вы тоже подготовились?

Подготовился только Скальберг. Эвальд Эберман заморожено трогал вещи, не в силах выбрать, что бы такое взять, Сеничев с Куликовым рассовывали по карманам все, что попадется, а о братьях Прянишниковых все на какое-то время забыли.

А они шли, будто по стрелке компаса, куда-то мимо всевозможных сокровищ, даже не обращая на них внимания. Эвальд, забывший обо всем и наблюдавший игру света в гранях камней, усыпавших какую-то диадему, очнулся лишь в тот момент, когда Кирилл крикнул:

— Нашли, уходим.

— А? Что? Мы еще не закончили! — возмутился Куликов.

— Еще немного, ладно? — заныл Сеничев.

— Уносим ноги, — сказал Скальберг. — Кому мало — потом отсыплю, у меня полный мешок... елки, тяжелый получился. Погоди, ребята, я выгружу половину.

— Некогда, уматываем! — заорал Кирилл.

Куликов схватил одну лямку вещмешка, Скальберг другую, и припустили за братьями, которые уже бежали к выходу. Эвальд и Сеничев тоже бросились их догонять.

Лешка бежал пустым, за ним тащил какой-то кожаный портфель Кирюха. Они перескакивали через две ступеньки, никто навстречу не попадался, и Эвальд, едва они вырвались на первый этаж и помчались к выходу, начал уже думать, что Кирилл зря всех торопил, перестраховался. В этот миг грохнул первый выстрел.

— Стоять! Руки вверх! Стоять!

Мальчишки заметались. Оружия у них не было, ответить огнем они не могли, бежать по одной линии — стать отличной мишенью. Сложней всего приходилось Скальбергу и Куликову.

— Оська, бросаем! — орал Скальберг.

— Я... те... брошу... — задыхаясь, отвечал Куликов.

— Вправо! — крикнул Лешка Прянишников и вместе с братом исчез в боковом коридоре. Остальные за ними.

Впереди чернели окна — значит, выход был рядом. Мальчишки бежали в шахматном порядке: Прянишниковы ближе к левой стене, Эвальд с Сеничевым прижимались к правой, Скальберга и Куликова мотало от одной стены к другой.

— Поднажми, братцы! — крикнул Кирюха, и они поднажали, хотя в шинелях своих основательно взопрели и устали. И сзади слышался топот десятков ног и крики: «Уходят! Степа, стреляй!»

Грохнул выстрел, пуля свистнула и сбила фуражку с головы Эвальда. У него будто крылья выросли — задрал полы шинели, он многократно ускорился, перегнал Прянишниковых и выскочил в зал, из которого на улицу вели застекленные двери. Он распахнул их настежь, чтобы друзьям легче было в них попадать.

Первыми из коридора вырвались братья. Они сразу увидели Эвальда и промчались мимо. Следом вывалился, тараща от ужаса глаза, Сеничев. У самой двери он наступил на край шинели, споткнулся и выехал в проём на пузе, теряя пуговицы. Топоча, как першероны, последними выбежали взмыленные Куликов со Скальбергом. Последние пару метров они едва не проползли, настолько устали.

Эвальд вышел сразу вслед за ними и вставил в дверные ручки черенок от метлы, прислоненной к стене в тамбуре. Вторую пару дверей он забаррикадировал плевательницей, стоявшей на крыльце. Прозвучало несколько выстрелов, вылетели стекла из дверей и окон.

— Стоять, паскуды, все равно догоним! — орали преследователи, но друзья уже свернули с Дворцовой набережной на Зимнюю канавку и не слышали угроз.

На улице бежать было легче. До Первого Зимнего моста двигались без остановок, потом перешли на другой берег, снова галопом до Мойки, до Большого Конюшенного двигались короткими перебежками.

На Большом Конюшенном остановились отдышаться.

— Ну мы дали! — радостно выдохнул Лешка Прянишников. После этого его голубой и зеленый глаза закатились, из уголка рта вытекла багровая струйка, и он упал лицом вперед. Вся шинель на нем сзади была в крови, а на левой лопатке виднелась круглая дырка.

Видимо, Лешка так и бежал с пулей в спине все это время. Все только сейчас заметили, что за ними тянется длинный след из темных капель.

— Лешка! — позвал Кирилл. — Алешка, вставай! Мы же все...

Но Лешка лежал лицом вниз и не шевелился.

Так они стояли в полном молчании некоторое время. Пошел снег с дождем, где-то вдалеке слышны были выстрелы и крики.

— Кирюха, надо уходить, — сказал Скальберг.

— Уходите, — равнодушно ответил Кирилл.

— Нас могут всех накрыть!

— Уходите, — повторил Прянишников. — Нет, стойте. Матери передайте.

Он швырнул друзьям под ноги портфель, с которым бежал.

— Кирилл, так нельзя, — начал Эвальд.

— Передайте матери! — рявкнул Кирюха. — Передайте ей — пусть она провалится со всем своим общим событием! Слово в слово!

Выстрелы и крики приближались. Видимо, кто-то пытался уйти из Зимнего тем же путем, что и юнкера. Сеничев взял портфель и попятился. Следом потянулся Куликов, уводя за собой Скальберга.

— Эва, забери фуражку. — Кирилл снял с головы брата головной убор и бросил Эберману. — Беги уже, беги.

Эвальд бросился догонять остальных.

Добежав до ближайшего дома, в тени которого дожидались его друзья, Эберман обернулся на плеск позади себя. У перил стоял, глядя вниз, Кирюха Прянишников. Вода под мостом была черная. С того берега уже слышалось:

— Эй, ты! Стой, где стоишь, стрелять буду!

Кирюха, не обращая внимания на окрик, влез на перила.

— Эй, паря, не балуй! Слазивай обратно! Ну? Слазивай, говорю, чего удумал?! — испуганно кричал кто-то невидимый на той стороне канала.

Кирилл сделал шаг веред, и послышался новый всплеск.

— Твою мать-перемать! — заорал невидимка. — Братишки, вы видели, а? Вот шибздик-то, а?

Эвальда, застывшего от ужаса, друзья утащили за собой в тень дома.

— Быстро во дворы, иначе догонят, — приказал Скальберг, и они вошли в первый же подъезд.

— Складно рассказываешь, — похвалил Перетрусов «Еву». — Значит, ты весь такой мягкий и нежный, жертва обстоятельств?

— А чего ты хочешь? Чтобы я взял на себя убийство Шурки? Вот уж хрен тебе, не добьешься. Можешь арестовывать, но Шурку я не убивал.

— Кто его убивал, мы знаем.

— Знаете?

— А вот кто сдал убийцам — большой вопрос.

— А убийцы что — без языков?

— Хуже. Зажмурились все трое сегодня утром, — соврал Богдан.

Или Эвальд прекрасно собой владел, или не знал, что убийц было четверо. По крайней мере, на неправильно названное число он ответил:

— Всегда знал, что Шурку в одиночку хрен достанешь.

— Вы отдали Прянишниковой коллекцию?

— Нет, конечно. Мы вообще сначала весь хабар свалили у моего дяди, Леннарта Себастьяновича.

— У тебя и дядя есть?

— У меня и мама с папой есть, но далеко, вам точно не достать.

Перетрусов понял, что Ева, как загнанная в угол крыса, может решиться на отчаянный шаг, поэтому решил смягчиться.

— Никому не нужны твои мама и папа, а дядя — тем более. И что, так никто к Прянишниковой не ходил?

— Почему не ходил? Скальберг через неделю ее навестил, продуктов принес, лекарств и сказал, что Лешку с Кириллом пьяные матросы в Мойке утопили.

— А она?

— А ты как думаешь?! — вспыхнул Эвальд. — У нее оба сына погибли, как она может реагировать? Скальберг не рассказывал, но у него на физиономии было написано, кого мадам виноватым считает.

Богдан задумался. Чего-то в этом складном повествовании не хватало.

— А что потом было? Как вы сокровища делили-то?

— Ну, тогда-то все и перессорились.

После революции все пошло прахом. Ребята узнали, что их отчислили, но это было их удачей, потому что все запуталось настолько, что начальника училища в скором времени расстреляли

сами юнкера. Началось время грабежей, самочинных реквизиций, убийств, и разумные люди принялись в срочном порядке покидать Петроград. Прислушиваясь к новостям и слухам, ребята узнавали, что мародеров в Зимнем дворце побывало великое множество, все что-то выносили. Распродавать сокровища было бессмысленно, с сокровищами нужно бежать за границу, но тут-то возникли первые сложности.

Старики Куликова ни в коем случае не желали покидать Питер. Его отец работал автомехаником, мать была швеей, а что по происхождению они дворяне, родители и думать уже забыли. Без них Куликов уехать не мог, хотя старшие его братья и сестры покинули страну в числе самых первых.

У Сеничева случилась любовь. Вернувшись домой, он вдруг обратил внимание на соседскую девчонку, которую раньше не замечал. Раньше-то она маленькая была, а тут вдруг раз — и расцвела. И тоже ни в коем случае не собирается покидать страну, в крайнем случае — согласна переждать зиму под Новгородом, в деревне.

Скальберга вроде ничего не держало. Вполне мог уехать, как уехали в Швецию Эвальд и его родители, но никак не мог решиться. Он поменял жилье, снял комнату напротив дома Леннарта Эбермана, так, чтобы в случае опасности дядя Леннарт мог просто отдернуть в стороны кисейные занавески, и отправился искать себе работу по душе.

Зимой в Питере стало холодно, голодно и опасно. Если кого-то не забирала ЧК, то приходили самочинщики и отнимали все до нитки. Вот в это время, тридцать первого января, и наведались к дяде Леннарту за своей долей Куликов и Сеничев. Были они настроены решительно, старик Эберман испугался и подал сигнал тревоги, на который Скальберг явился незамедлительно — достаточно только через дорогу перебежать.

Бывшие друзья, увидев Скальберга, сначала поникли — они-то забрали с собой только то, что в карманы влезло, а Шурка полный мешок упер. Добытое в ту злополучную ночь добро Сеничев и Куликов сложили в мешок Скальберга и оставили на хранение дяде Леннарту, договорившись собраться, когда дела будут совсем плохи. И вот теперь оказалось, что дела плохи, но Скальберга бывшие однокашники почему-то позвать забыли.

— Мы не думали, что ты дома, — сказал Куликов.

Скальберг не стал скандалить. Лишний шум им был ни к чему: соседи Эбермана менялись каждую неделю, и что они за люди, никто знать не мог. А у старика в камине, за покореженным от жара листом железа и куском асбеста, имелся потайной несгораемый шкаф, в котором дядя Леннарт хранил за мизерную плату чужие ценности.

— Ладно, если пришли, давайте делиться, — тихо сказал Скальберг.

Они вытащили мешок из тайника, аккуратно выложили содержимое на ковер и стали проверять по списку, который составили, оставляя сокровища на сохранение.

За несколько месяцев ничего не пропало. Принесенное Куликовым было завернуто в носовой платок, добыча Сеничева помещалась в табачном кисете. Лежали там и абсолютно бесполезные вещи — вроде костяного гребешка с инкрустацией из бисера или перламутровой табакерки с музыкой, имелись и действительно дорогие безделушки — вроде горсти крупного жемчуга, в том числе черного, или перстня с изумрудом. Но по сравнению с впихнутым в вещмешок Скальберга добром добыча Куликова и Сеничева казалась смешной.

Именно в этот момент Куликов и вспомнил:

— Ты же говорил, что если кому не хватит, то поделишься.

— Помню.

— Так делись.

Скальберг удивленно посмотрел на друзей:

— Куда вам столько, вы сначала это потратьте.

— Шурка, какая тебе разница? Давай разделим и разбежимся.

— Вы дураки, что ли? Сейчас этот лом понесете по домам?

Вас на углу Лиговской разденут обоих.

— Не твое дело. Обещал делиться — так делись.

— Или что?

Бывшие друзья растерялись. Когда молчание затянулось, Скальберг сказал:

— Давайте расходиться. А то вы сердитесь, я сержусь, так недалеко поссориться. Потратите свое добро — приходите еще раз, отсыплю, сколько нужно. А жадничать не надо.

Как ни обидно было Сеничеву и Куликову, а скандалить они не решились. И Скальберг вместе с ними. Только ждать, пока друзья потратят свои доли, он не стал. На следующий день, который по декрету «О введении в Российской республике западноевропейского календаря» был уже не первым февраля, а четырнадцатым, Скальберг взял свою долю, сложил туда портфель с коллекцией Булатовича и отправился на Гороховую, 2 — сдавать находку. Он понимал, что Куликов с Сеничевым не оставят его в покое, пока все не разделят. Поэтому решил остаться вообще безо всего.

Конечно, бывшие друзья Скальбергу не поверили. Их не убедила даже бумага из ЧК, в которой чёрным по белому написано, что тов. Скальберг, будучи сознательным гражданином, сдал то-то и то-то. Куликов с Сеничевым считали, что их хитроумный друг специально пошел работать в ЧК, чтобы зажить со-кровища. Они ненавидели Скальберга, писали на него доносы,

а Шурка просто терпел их и даже помог переправить происхождение в документах.

— Погоди... — остановил Эвальда Богдан. — А куда делся тритон?

— Я не знаю, меня и в стране-то тогда не было. Хотя не удивлюсь, если дядя Леннарт влез в портфель без ведома Шурки и присвоил.

— А где сейчас твой дядя?

— Да кто его знает. Он старьевщик, на месте не сидит никогда, особенно летом.

— Немедленно, вот прямо сейчас беги к нему, и если тритон у него — неси на Лассалья, требуй начальника угро и передавай ему, скажешь — от Перетрусова.

— А если нет никакого тритона?

— Значит, я тебя снова найду и буду пытаться — куда ты девал талисман.

— Погоди, — остановил Эвальд собравшегося уходить Богдана. — А почему у тебя сейчас глаза одинаковые? У тебя же...

— Это? — Перетрусов вынул из кармана цепочку с петухом. — Нельзя этими штуками бесконечно пользоваться. Плохо бывает. Собирайся немедленно, я подожду снаружи. Ты увольняешься.

С Бенуа Ева прощалась душераздирающе.

— Как — увольняетесь? — расстроился Александр Николаевич. — У вас только-только начало получаться, я очень доволен вашими профессиональными качествами. Из вас может получиться замечательный искусствовед!

— Не могу я, Алексанниколаич! — всхлипывала Ева. — Не могу!

— Но почему?

Ева подняла на начальника полные слез глаза и прошептала:

— Я вас люблю...

— Что?!

— Не мучайте меня, Алексанниколаич! Вы женатый мужчина, детный, не могу я женатого любить. Потому и сошлась с этим иродом, — кивнула Ева на дверь, за которой ожидал ее туповатый пролетарий.

— Помилуйте, Ева Станиславовна, что вы такое говорите? — растерянно пролепетал Александр Николаевич. — Ну как же можно, вы, такая молодая...

— И что? — гневно сказала Ева. — Это значит любить не могу? Думаете, я вертихвостка какая-то?!

Ева вдруг порывисто подскочила к Александру Николаевичу и впилась в его губы таким страстным и долгим поцелуем, каких Бенуа не помнил и за четверть века с Акицей. Ева томно повисла на шее начальника, потерявшего всякую волю к сопротивлению, потом так же внезапно отцепилась и закрыла лицо руками. Чем-то поведение девушки напоминало плохой кинематограф, но Бенуа снисходительно подумал — ну где еще молодая девушка, живущая одна, может набраться науки любовных отношений?

— Ева Станиславовна... Ева... Вы погубите свою жизнь с этим мужланом! Вам нужно целиком отдаться искусству, оно излечит ваши душевные раны! Я готов обо всем забыть, лишь бы вы остались здесь...

— Нет, Алексанниколаич, не могу я так. Иссохлась я вся по вам, спать не могу. Как уж говорят — с глаз долой, из сердца вон. Не забуду вас, если не уйду сейчас же.

Заломив руки, поклонница кинематографа вышла прочь и захлопнула дверь. Бедный, брошенный любящей женщиной

ради какого-то тупого пролетария Александр Николаевич не мог знать, что тупой пролетарий спас ему и репутацию, и душевное равновесие.

— Зачем мужику мозги запудрила? — сердился пролетарий, покидая с невестой Эрмитаж.

— Должна же у него в жизни быть хоть одна несчастная любовь. Художники любят страдать.

— Где ты этой гадости набрался?

— Сам ты гадость. Я всю жизнь артистом стать хотел, в театре играть или в кинематографе, а меня родители в юнкера упекли.

— И ты в мошенники решил пойти.

— Мошенники — тоже артисты. Если бы Станиславский видел, как мошенники и аферисты играют, он бы всех своих артистов разогнал.

— И кто тебе аплодировать должен? Те мужики, которых ты обнес?

— Между прочим, они сами виноваты.

— Да, конечно, знаю я эту песню.

— Что ты можешь знать, гнида красная?

«Уж побольше твоего», — думал Богдан.

1920 ГОД. ИЮНЬ

Когда на Лассаля объявили о трагической гибели Скальберга, Курбанхаджимамедов взбесился. Он только начал подбираться к агенту ближе, выяснил, где он живет и чем дышит, и вдруг единственного человека, который хоть что-то мог знать о тритоне, убивают.

Он не стал дожидаться очередной пятницы, нашел Белку на одной из хаз и в лоб спросил:

— Недоумок, зачем ты убил Скальберга?

— Чиво?! — Белка, возлежавший на чистом белье в одежде и сапогах, выпустил в потолок дым от сигары и уставился на Курбанхаджимамедова. — Ты, поручик, в последнее время вообще слишком нервный стал. Скальберга замочили? Да туда ему и дорога, менту поганому. Но я его не валил, и братва тоже не валила, это я тебе заявляю совершенно официально! Так в протокол и запиши.

— А кто еще? Запытали до смерти, всю кожу содрали. Я же тебе говорил — не трогай легавых, только стукачей.

— Завали-ка ты хлебало, малахольный! — прикрикнул Белка. — Я тебе второй раз заявляю — не трогали мы твоего мента. Мало ли кто на него еще зуб имеет? И вообще, я что-то не понял — ты мне кто? Кореш, пахан? Я согласен, ты нам много пользы принес, когда про дружков своих рассказывал, когда объяснил, как легавку пасти, за это тебе большой рахмат, как говорится, но

борзеть-то не надо. Может, это вовсе те, кто под меня работать начал. Двоих уже завалили и сообщенница оставили, как от меня.

Курбанхаджимамедов умерил свой гнев.

— Можешь их найти? Мне срочно нужно узнать, кто мента убил.

Белка заржал:

— Может, мне еще в чеку устроиться на полставки?

— Ладно, сам узнаю. Но о миллионе можешь тогда забыть!

— Вот напугал! Да подавись ты своим миллионом!

Поручик плюнул под ноги и пошел прочь, когда Белка крикнул ему в спину:

— Больше не приходи. Увижу еще раз — кровавыми слезами умоешься.

Кого-кого, а Белку Курбанхаджимамедов не боялся. Несмотря на то что банда насчитывала с полсотни человек, половина все равно бабы и подростки, а остальные два с половиной десятка были не особенно умны. Вся их удача состояла в том, что у легавых недоставало людей и транспорта. Петроград буквально тонул в волне преступности, но все эти жулики и налетчики появились только за последние два года, у бывших честных граждан не было опыта, и попадались они раньше, чем успевали этот опыт наработать. Старые же и опытные медвежатники, воры и мошенники притаились до времени, потому что, как правило, ценили свою жизнь и мастерство. Связываться с бесшабашной шпаной, которая сегодня с тобой пьет, а завтра режет из-за норкового манто, снятого с чужого плеча, им не хотелось.

Поручик решил, что и правда пора разорвать отношения, пока они друг друга не поубивали. Но как узнать, кто и зачем грохнул Скальберга?

На его счастье, менты сработали очень быстро. Как Курбанхаджимамедов и предполагал, убийство своего товарища менты воспринимали как личную обиду и разве что землю не жрали,

чтобы найти душегубов. И нашли, буквально в тот же день, ближе к вечеру. Злодеями оказались какие-то угрюмые тупые громилы без тени интеллекта на лице.

Поручик пытался подобраться к громилам и так, и этак, но поговорить с глазу на глаз никак не получалось. Когда все варианты были испробованы, Курбанхаджимамедов решился на крайние меры.

Как раз подошло время ночного дежурства. Ночь выдалась относительно спокойной, и все собрались попить настоящего чаю в караулке. В это время поручик и воспользовался скуном. Задерживать дыхание на минуту нетрудно и не подозрительно для окружающих. Минуту коллеги вертят головами — что за странный запах? Не то веник горит, не то заварка. Нет, вроде все нормально. Примерно через полчаса все настолько надышались опиумом, что заснули на местах. А Гурбангулы беспрепятственно прошел к камере.

В руках у него была банка с водой и тряпица. Эксперимент предстоял тяжелый, он долго тренировался, чтобы добиться такого результата.

Открыл окошко в камеру.

— Эй, недоумки, кто из вас здесь Баянист, на выход.

Задержанные уже спали, поэтому грубый оклик их крайне возмутил:

— Вы че, легавые, охренели совсем?!

— Спать не дают!

— Ну погодите, выпустят меня...

Тем не менее Баянист встал, надел на босые ноги сапоги и пошел к окошку.

— Открывай.

— Зачем? Ты мне прямо здесь все и расскажешь. Кто приказал убить Скальберга?

Ответ Баяниста был короток и груб.

— Хорошо, — улыбнулся поручик и надел на глаза пилотские очки. — Эй, недоумки. Жить хотите?

Недоумки хором повторили ответ Баяниста.

Курбанхаджимамедов смочил тряпку и прижал к лицу. Тотчас пространство вокруг него начало затягиваться желтизной. Заключенные, все как один, вскочили с мест, смешно, по-рыбьи раскрывая рты. Пока хватит.

Воздух снова стал нормальным, даже более свежим, чем был, — вонь от параши исчезла.

— Ты что творишь, гад? — заорал кто-то. — Это же хлор.

— Вот ты, ученый, и объясни своим корешам, что с вами будет, если Баянист не скажет то, что должен.

— погоди, начальник, так дела не делаются! Эй!

Голос подал кто-то из подельников Баяниста:

— Шурка, расскажи ему! Нельзя же так!

Шурка тер глаза, обожженные хлором, и кашлял. Прокашлявшись, сказал:

— На понт он нас всех берет, не верьте ему!

Камера вновь заполнилась желтым газом, который тут же смешался запахом хвойного леса. Заключенных охватила паника.

— Баянист, падло, рассказывай, не то мы тебе сами язык развяжем.

— Да вертел я вас всех, вместе взятых!

Сначала на Баяниста набросился один. Получив удар в челюсть, смельчак отлетел к противоположной стене. Потом напали еще двое, и если одного бандит в нокаут отправил легко, то сразу с двумя у него получилось хуже — пока бил первого, второй умудрился повиснуть на руке и крикнуть:

— Вали его, братва! — после чего зубами вцепился в ухо Баяниста.

Тот взревел, как африканский слон, и начал не глядя размахивать руками, но кто-то уже сделал гиганту подножку, и началась куча-мала. Через минуту Баянист был обездвижен.

— Кто приказал убить мента? — повторил вопрос поручик.

— Пошел ты...

— Пальцы, — разрешил Курбанхаджимамедов. — По одному.

Баянист отчаянно сопротивлялся и орал, два раза почти скидывал кодлу с себя, но ему сломали сначала один палец, потом второй. Невольные палачи Баяниста быстро зверели от его упрямства и вывернули ему из суставов уже руки, когда гигант заревел и крикнул:

— Ироды, стойте! Ироды, все скажу!

— Кто? — спросил Гурбангулы, когда все замолчали. — Имя и адрес!

Баянист, которого все еще крепко держали сокамерники, ответил. Заказчик был Курбанхаджимамедову незнаком.

— Что велел узнать у Скальберга?

— Не велел ничего, сказал убить и тело занывать, чтобы не нашли, мы просто мяса наделать хотели...

— Уроды, — плюнул Курбанхаджимамедов. Снова смочил тряпку, прижал к лицу и пустил хлор.

Когда со всеми было покончено, поручик вышел во двор, снял испорченную хлором одежду и тщательно вымылся холодной водой с мылом. Потом переоделся в заранее приготовленную сменку, пришедшие в негодность шмотки сложил в мешок и спрятал в мусорном баке. Вернулся в дежурку, уселся на свое место и наполнил воздух первоклассной анашой, чтобы выглядеть среди одурманенных коллег таким же одурманенным. Теперь его цель определена.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОБЩИЙ ЗАМЫСЕЛ

1920 ГОД. АГЕНТ ПАНТЕЛКИН

Сказать по правде, Ленька о своем обещании помочь уголовке забыл сразу. Мало у него своих дел, что ли? В Питер со всех сторон тек самогон, его поток требовалось остановить. Только перекроешь один канал, как тут же открывается два других. А тут еще эти казаки-разбойники.

Прошло два дня, но на третий совесть вдруг взыграла. В конце концов, голова у него действительно варит, и он найдет то, что уголовке требуется. И не такое находил.

Значит, вот что дано. Платформа номер два, с обеих сторон под парами пригородные поезда — до Красного Села и до Ораниенбаума. Разница в отправлении — десять минут. Поезд до Красного трогается, в тумане агенты уголовки теряют своего стукача. Думают, что тот запрыгнул с бандитами в поезд до Ораниенбаума, и пытаются проникнуть в вагон. Кондуктор возмущен, появляются транспортники, вяжут ментов, одному из ментов удается остаться в поезде, он осматривает пару вагонов, прежде чем его догоняют кондукторы и чекисты. Мента снимают с поезда на станции Дачное.

Вопрос: на каком поезде бандиты увезли пацана?

Путей решения было несколько. Можно, например, опросить всех кондукторов, которые работали в тот день на маршрутах. Это задача разрешимая, хотя вряд ли они что-нибудь скажут. Времени-то почти месяц прошел, народу в вагонах вечно битком, даже непонятно, куда они все едут. Всех не упомнишь. Не вариант.

Можно проехать по всем станциям в обоих направлениях. На перронах всегда трутся одни и те же лица — бабки с семечками, железнодорожники, те же патрульные, — они могут вспомнить что-нибудь. Но это надо проехать три станции в одном направлении и семь — в другом. Опрашивать кучу народа, а народ не очень любит, когда его расспрашивают. Да и кто Ленке даст раскатывать туда-сюда? Вариант, конечно, но очень затратный.

А можно подумать. С тех пор как он подержал в руках петуха и ощутил то сказочное состояние ясности мысли, Ленка постоянно пытался у себя вызвать такое же. Или хотя бы его подобие. Он отрешался от всего мира и думал.

Вот два паровоза. Они отправляются по своим маршрутам, судя по расписанию — пять раз в день. А по времени отправления совпадают только эти два, у остальных интервал уже больше. Что же получается? Бандитам нужно убедиться, есть слежка или нет. Потому и два поезда. Один трогается, платформу заволакивает паром, и тебя не видно. Можешь запрыгивать на уходящий, можешь прошмыгнуть в стоящий. Но почему поезда идут в разных направлениях? Ораниенбаум — на запад, Красное Село — на юг. Может, если нет слежки, они пересекаются? Сел на красносельский поезд, проверился насчет хвоста на Дачном или в Лигово — и поехал в Ораниенбаум.

Или все еще проще? Ленка представил себя бандитом. Вот он вскакивает на подножку красносельского поезда и через

десять минут соскакивает с подножки на платформу Дачного. Вместе с ним выходят еще несколько человек, но Ленька не торопится, он ждет ораниенбаумского поезда. Все, кто вышел с ним вместе, покидают платформу, подходит ораниенбаумский состав, Ленька садится в него, добирается до Лигово, снова проверяется — и в случае, если хвоста нет, спокойно спускается с платформы и идет на малину.

А что, вариант!

Сначала он поехал на Дачное. Скучная двухпутная платформа, народу никого, если не считать инвалида на тележке.

— А что, братишка, давно здесь сидишь? — спросил Ленька, доставая из кармана портсигар.

— А как построили в четырнадцатом, так и сижу, милай, — ответил мужик. — Мне паровозом ноги отчидало.

— Эх оно... — покачал головой Ленька, размял папиросу и закурил. — Будешь?

— Не, милай, я тогда и бросил. Денег на курево не хватает, а снова начинать и неохота. А вот продать кому-нибудь могу. Дашь парочку?

— Бери все.

— Вот благодарствую! — Калека спрятал папиросы в картуз и надел на голову. — Чего спросить хотел?

— Тут давеча, месяц примерно назад, мужика одного с поездом снимали.

— Помню, помню, был случай. Его, болезного, ведут, а он кричит: «Свой я, свой!» Увели, бедного.

— А еще кого-нибудь видел?

— А кого ж тебе надо, милай?

— Мальчонку, лет четырнадцати, без пальцев, вместе с мужиками.

— Нет, милай, не было таких.

— Точно не было?

— Не, милай, бандиты здесь не ходят.

— Почему — бандиты?

— Да у тебя, милай, на лбу написано — легавый.

— А тебя легавые обидели?

— Ни в коем разе. Потому и говорю, что нету здесь бандитов. Видишь, пусто кругом. Ты лучше на Лигово поезжай, вот там — самое логово.

— Прямо логово?

— Может, и не логово, а только свояк мой там сапоги не чистит. Тебе, кстати, не надоть? Папиросы отработаю.

Калека перекинул со спины на живот суму и достал сапожные щетки. Тут как раз свистнул ораниенбаумский поезд.

— Спасибо, уже отработал, — сказал Ленка.

— Ну, как хочешь, было бы предложено. На Лигово выйдешь — к кому попало не суйся, шушеры там много. Там бабка одна милостыню просит, на выходе со станции, у нее спрашивай. Она все видит.

Поезд остановился и выпустил пар.

— А бабке-то чего дать? — крикнул Ленка, запрыгивая в вагон.

— Привет от меня. Мать это моя.

Бандитским логовом станция Лигово не казалась. Народу здесь, конечно, болталось не в пример больше, чем на Дачном, но на бандита не походил ни один. Хотя и спрашивать о чем-то не хотелось никого. Все были нарочито скучные, поинтересуешься у такого, а он: «Что я, справочная?» Даже мандат им показывать бесполезно.

Старушку-нищенку Ленка нашел у арки выхода.

- Здрасьте, бабуля.
- Здравствуй, касатик. Дашь чего?
- Все сыну вашему отдал, на Дачном.
- Как он там?
- А вы что же, и не видите с ним?
- На Пасху ежли только. Ему до меня ехать тяжело, мне для него тоже никакого гостинцу не привезти.
- Привет вам передавал.
- Спасибо, милый. Хотел чего?
- Мальчонку молоденького потеряли. Пальцев нет на одной руке, с мужиками взрослыми должен был идти.
- Мальчонку-то видала, а вот мужиков не было. С ним такие же шли, совсем молоденькие.
- Есть! Нашел!
- Только ты туда один не ходи, — предупредила старушка.
- Куда — туда?
- Так они известно куда ходят все — в самый конец улицы, вертеп у них там.
- И что же? Все знают и все молчат?
- А кому говорить-то? Дачи все, почитай, пустуют, никому оне там не мешают, одне над Дудерхофкой. Да и бывают там нечасто. А только все равно не ходи. Дьяволы оне, как есть дьяволы.
- А как туда пройти?
- Ему стрижено, а он — брито. Не ходи, говорю.
- Надо, бабуля.
- Ну, коли уж надо... — Старушка перекрестилась и стала показывать: — По Эльсфорта до речки иди, до Дудерхофки, а потом в сторону Петергофского по Таллиннскому. По левую руку, сразу за лесом, дачу увидишь заброшенную. Так то она и есть.
- Спасибо, бабуля.

— Иди с богом.

Идти было недалеко. Примерно на полпути до Петергофского шоссе, оставляя Лигово по левую руку, Ленька увидел обсаженную деревьями старицу реки и рядом — дом с мезонином, к которому от шоссе вела насыпная дорога. С виду дом казался нежилым, и Ленька свернул к нему, чтобы проверить — есть там кто или нет. Оружия с собой у Леньки не было, поэтому он выворотил из насыпи камень поувесистей и с ним пошел на разведку.

Вокруг дачи имелся забор, поваленный чьими-то заботливыми руками, внутри ограды валялись бутылки, консервные банки и обрывки газет, раскисшие от влаги.

— Есть кто-нибудь? — громко крикнул Ленька.

Никто не ответил. Это, конечно, не означало, что внутри никого нет, но Ленька надеялся, что пронесет.

Мусор был разный — и старый, и совсем новый, может, дней двух-трех. Кто бы сюда ни приходил, делал он это регулярно.

Дом внутри оказался изрядно загажен. Не похоже было, чтобы кто-то мог в таких условиях гулять и веселиться. Где же у них тогда малина собирается?

Фасад дома выходил на старицу. Берег был крутой, но река уже начинала уходить, когда эту дачу только собирались строить, потому что внизу, под обрывом, располагался еще один домик, уже не в два, а в один этаж, и вот он, судя по всему, и служил бандитами загородной резиденцией. И то правда — со стороны шоссе ничего не видно и не слышно, хоть на голове разгуливай, подходы тоже завалены будь здоров — ну кому, кроме чекиста или агента угро придет в голову лезть в помойку? Ленька поудобней перехватил камень и начал спускаться по деревянной лестнице.

Внизу тоже никого не оказалось. Домик стоял на сваях, обмелевшая речка пряталась под мостками, и здесь царила такая

тишина, что Леньке начало казаться, что нет ничего: ни станции Лигово, ни Питера, ни войны. Как в такой обстановке можно думать о том, как украсть, ограбить, убить?

Ленька подошел к дому и заглянул в окно. В таком бардаке мысли о том, чтобы кого-нибудь убить, вполне могли появиться. Скатерть заляпана, пол затоптан и заплеван, занавески в подпалинах и жирных пятнах. До того разгула грязи, что царил наверху, здесь еще далековато, конечно, но если постараются, то залето могут и тут все разнести. Похоже, что сюда бандиты перебрались по весне, а то, что Ленька видел наверху, — следы ранних заседаний.

Пытаться отыскать признаки совершенного здесь преступления Ленька не стал. В уголовке это лучше умеют.

Он собрался уже возвращаться на станцию, когда сверху донесли чьи-то голоса. Леньку обуяла паника — один, без оружия, и бежать некуда. Он оглянулся.

Мостки уходили чуть ли не на середину реки. Слева весь берег зарос ивняком и камышами. Выбирать не из чего — либо бросаться в воду, либо лезть под пули. Голоса приближались, и надо было решаться.

Осторожно, чтобы не слишком сильно плескать, Ленька соскользнул в воду. Неглубоко, всего-то по грудь, но зато под ногами ил, и в мутной реке легче спрятаться. Одежда сразу отяжелела и потянула ко дну.

— А я говорю — шука! — послышалось с лестницы. — Она тут с мая плещет, здоровая, падла. Ботануть бы ее...

Ленька вдохнул полной грудью и нырнул.

Он греб в полной темноте, наугад, постоянно забирая влево, чтобы не всплыть на открытой воде. Воздуха стало не хватать практически сразу после нырка. Легкие жгло, в ушах, груди,

в ногах и руках работал паровой молот. Сначала ему казалось, что он уплыл очень далеко, потом он с ужасом понял, что барахтается на одном месте, а бандиты смотрят на него с мостков и паскудно ржут.

Сколько можно протянуть без воздуха? Минуту? Две? А как узнать, сколько прошло времени? Надо начать считать. Один, два, три... Нет, так слишком быстро. Надо успокоиться. Я гребу быстро, меня не заметят. Или заметят? Хоть бы уж стрелять начали, ну невыносимо же все это терпеть... Не могу, сдаюсь!

Проплыл он метров тридцать. Даже не проплыл, а прополз по дну. Оглянулся. От дачи его отделяла надежная стена ив, слышен был все тот же голос:

— Я же говорил — щука. Вон, опять плеснула. Слушай, у Ванюрика вроде граната была! Давай жахнем, она сама всплывет!

— Тебя Ванюрик самого тогда жахнет, тэлепень! Идем давай, печь затопим.

Послышались шаги по настилу.

Ленька не вылезал из воды, пока не отдышался. Потом начал осторожно ползти к берегу. Вылезал на сушу тоже очень медленно, потому что слышимость была очень хорошая и любой звук на даче раздавался чуть ли не над самым ухом. Окончательно выбравшись на берег, он аккуратно снял сапоги и слил воду в траву.

Некоторое время он просто сидел, ожидая, пока вода стечет с одежды. Как назло, ткань гимнастерки была плотная и воду выпускала крайне неохотно. Отчаявшись ждать, Ленька осторожно встал и босиком побрел по берегу. Голоса на даче медленно отдалялись, потом стали неразборчивыми и скоро слились с прочими звуками природы. Только теперь Ленька натянул сапоги и побежал напролом сквозь кустарник и заросли иван-чая

на станцию, с которой уже доносился стук колес проносящихся мимо составов и паровозные гудки.

Старушка-нищенка стояла на месте. Увидев мокрого, грязного, в репьях, одуванчиковом пухе и в зеленке от травы, она всплеснула руками:

— Милай, да што с тобой?! Неужто с дьяволами стыкнулся?

— Ничего-ничего, бабуля. Жив-здоров!

— Слава тебе, святой боже, помиловал! Беги, милай, беги!

— Будьте здоровы.

Патрульный на станции открыл рот, увидев Леньку. Еще бы — такое чучело не каждый день увидишь.

— Рот закрой, кишки простудишь! Веди к начальнику станции!

— А ты кто такой?

— Агент Пантелкин, транспортный отдел чека! Быстро к начальнику, и тебе ничего не будет!

Начальник станции, пожилой мужчина в мундире железнодорожного инженера, появление Леньки воспринял более хладнокровно.

— Товарищ начальник, я это, а он тут это, — попытался оправдаться перед начальством патрульный. Но железнодорожник поднял руку, прерывая подчиненного, и сам обратился к Леньке:

— Что вам угодно?

— Товарищ начальник станции, я агент чека Пантелкин, линейный отдел Балтийского вокзала. Мне срочно нужно позвонить.

— У вас есть документы?

Ленька пошарил в кармане и вынул раскисшую от воды бумажку.

— Разбирайте, — он положил бумажку на стол. — Пожалуйста, дайте позвонить. Вопрос жизни и смерти.

Начальник посмотрел на мокрый мандат, на Леньку, снял с рычага черную эбонитовую трубку и протянул агенту Пантелкину.

— Барышня, мне уголовный розыск. Да. Дежурный? Срочно, Кремневу, от Пантелеева. Мокрый красный.

Ленька посмотрел на хронометр, тикавший на столе начальника. Четыре часа пятьдесят семь минут пополудни.

1912–1918 ГОДЫ. ДЯДЯ ЛЕННАРТ

Леннарт Себастьянович Эberman старьевщиком работал не всегда. Были в его жизни и головокружительные приключения, и взлеты, и падения... всякое было. Он служил и ямщиком, и официантом, и казначеем благотворительного общества, и ключником на Афоне. Вот там он впервые и узнал о тритоне.

Знание было случайное и пустячное, на первый взгляд. В 1912 году вернулся из Эфиопии отец Антоний Булатович, который ездил в Африку проповедовать и обращать в православие дикарей, а также договориться с тамошним императором о строительстве православного монастыря. Вернулся практически ни с чем — Менелик оказался немощен, за него управлял страной внук, который хотел всех эфиопов обратить в магометанство, по вере отца.

Возвращался Булатович не по своей воле. Его вызывал святейший Синод, и дело было скандальным — оказалось, что иеромонах Антоний впал в ересь и исповедовал имяславие. Это грозило обернуться скандалом — надо же, ученик и любимец самого Иоанна Кронштадтского, человек, которому император поручал исполнение секретных миссий, так низко пал и не оправдал оказанного доверия.

Впрочем, дядю Леннарта это не касалось. Он был абсолютно неверующим, просто имел от природы феноменальную память

и, изучив внутренний распорядок монастырей, все молитвы и службы и прочее, закончил экстерном семинарию, путем некоторых ухищрений добился себе места на Афоне и развернул бурную деятельность.

Зная, что церковь не облагается налогами и таможенными сборами, дядя Леннарт, носивший в монастыре имя брат Кондратий, связался с греческими и турецкими контрабандистами и начал отправлять в Россию под видом Свято-Пантелеймоновской святой воды оливковое масло, косметику, табак, опиум и все остальное, что имело высокий спрос на родине.

Братия всех монастырей делится на две неравные части. Одни и впрямь покидают мир по велению души и сердца и проводят дни и ночи, истязая тело постом и укрепляя дух молитвой.

Увы, таковых в монастырях совсем немного — смиренных и кротких богомольцев, готовых прийти на помощь ближнему своему, отдав последнюю корку хлеба и сняв последнюю рубашку. Большинство же прячется за стенами монастыря, чтобы избежать ответственности — гражданской или уголовной, сделать духовную карьеру, подсигивая истинно верующих и спекулируя на догматизме Синода, или же вот так, как брат Кондратий, жаждут наживы.

О предприятии брата Кондратия знали все, но никто не возражал и не пытался усовестить павшего в бездну греха брата. Оно и понятно — большинство братьев кормилось с этого предприятия.

И вот однажды отец Антоний, которого совсем уже одолели разбирательства с Синодом, открыто сказал, что безобидное учение об Имени Божьем не могут обвинять в ереси стяжатели и казнокрады. Настоятель вызвал к себе Кондратия и сказал:

— Вот что, брат Кондрат. Ересь из нашей обители уже в Андреевский монастырь переметнулась, этак скоро весь Афон в ней

погрязнет. Урезонь Антония. Ну, как ты умеешь. Посули ему там чего-нибудь... Смотри, не урезонишь — как ни жаль мне, а придется с тобой расставаться, потому как всяческие комиссии и ревизии мне сейчас ну никак не с руки.

Брат Кондрат был известный демагог, переговорить его не мог никто. Он взял бутылочку кагора, сыра, овощей, ковригу хлеба — и пошел замиряться с Булатовичем.

Он осторожно постучал в келью. Отец Антоний сам открыл и посмотрел на гостя. Если бы кто со стороны видел эту сцену, не смог бы не улыбнуться: Булатович был высок и статен, лицо имел почти черное от загара, а перед ним, едва не вдвое ниже, замер с дарами Кондратий, бледный, белобрысый. Не иначе, Сатана пришел уговаривать архангела Михаила супротив Отца Небесного восстать.

— Здрав будь, батюшка, — приветствовал Кондратий Антония.

— И тебе не хворать. Заходи, чего уж.

Кондратий вошел в маленькую камеру и обрадовался, что он такой маленький, иначе пришлось бы передвигаться, как отцу Антонию, сгорбившись.

— У меня, батюшка, разговор до тебя деликатный. Не откажи, выслушай.

— Говори, чего уж, — разрешил Булатович, усевшись на жесткое свое ложе, представлявшее грубо отесанный плитняк, покрытый циновкой.

Брат Кондратий начал заученную уже речь, которой охмурял всех братьев, в том числе отца-настоятеля.

— Всякой обители следует себя на что-то содержать, правильно? Хоть и не хлебом единым жив человек, без хлеба ему никак не прожить. Как ты будешь слово божье нести, если слаб и немощен? Сам знаешь, времена сейчас беспокойные, жертвований

едва хватает, чтобы концы с концами сводить, где тут о душе подумать, когда брюхо от голода сводит? Я же помогаю обителю не только есть и пить, но даже веру укрепляю, потому что всякий раз с божьей помощью создаю маленькое чудо, и появляется на столе вместо воды — вино, вместо творога — сыр, вместо сухаря — овощи и свежий хлеб.

Произнося эту речь, Кондратий выбрасывал в маленькое окошко кельи, выходящее на отвесную скалу, сначала кувшин с водой, заменяя его бутылкой кагора, потом плошку с творогом, положив на ее место сыр, последним вышвырнул ржаной сухарик, и из рукава на стол вывалились помидоры, сладкий перец, хлеб...

— Не стоит дьявольские козни называть божьей помощью, — ответил Антоний. — Зря ты принес всю эту снедь, Кондратий, не нравятся мне такие фокусы.

— Фокусы? — рассердился Кондратий. — А вот все это тебе что, бог подает? И творог твой, и хлеб, и прочее? Бог тебя содержит? Нет, это люди делают всё. Старушка на богомолье приезжает, вдова, мать, что дите потеряла. Их слезы ешь-пьешь. На их последние гроши.

С этими словами он вынул из рукава медную монетку и швырнул ею в Антония. Отец не закрылся от снаряда, а ловко поймал его и подбросил на ладони.

— Вот, значит, как дело обстоит? — улыбнулся Булатович. — Спасибо за урок. А я-то, старый пень, думал, что не брат должен, а давать, как меня отец Иоанн учил.

Глаза Антония вдруг полыхнули зеленым и голубым цветом, он начал крестить Кондратия, и на каждое крестное знамение в лоб хитроумному ключнику влетала медная монета:

— Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое,

Бог мой, и уповаю на Него. Яко Той избавит тя от сети ловчи, и от словесе мятежна, плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешися: оружием обыдет тя истина Его.

Отец Антоний читал псалом и наступал на лукавого гостя. Медяки летели в Кондратия со всех сторон, больно хлопали по щекам, по лбу, по плечам. Кондратий в ужасе не мог отвернуть лица от страшных и прекрасных глаз Булатовича.

— Не убоишися от страха ночного, от стрелы, летящая во дни, от вещи, во тме преходящая, от сряща, и беса полуденного. Падет от страны твоя тысяща, и тма одесную тебе, к тебе же не приблизится, обаче очима твоима смотриши, и воздаяние грешников узриши. Яко Ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое. Не приидет к тебе зло, и рана не приблизится телеси твоему, яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохранити тя во всех путех твоих.

Они уже вышли из кельи, и голос иеромонаха гремел по коридорам, и прочие монахи высунулись посмотреть, из кого Булатович изгоняет беса. Узрев это поистине апокалипсическое действие, монахи скрывались обратно в кельи и принимались истово просить прощения у Господа за прегрешения свои, а отец Антоний продолжал гнать беса:

— На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия. Яко на Мя упова, и избавлю и: покрою и, яко позна имя Мое. Воззовет ко Мне, и услышу его: с ним есмь в скорби, изму его, и прославлю его, долготою дней исполню его, и явлю ему спасение Мое.

Посрамленный бес вывалился спиной вперед в монастырский двор и плюхнулся афедроном в пыль.

— Медяки подбери, пригодятся, — сказал напоследок Булатович и ушел к себе.

Весь следующий день в монастыре только и разговоров было, что об изгоняющем ключника Антонии да о ползающем на карачках Кондратии, подбирающем мелочь, разбросанную Булатовичем. После такого инцидента даже и думать не стоило, чтобы оставлять Кондратия в монастыре. Леннарт плюнул и вернулся в Петербург — все равно он уже достаточно подзаработал и продолжал контролировать канал до тех пор, пока его не перекрыли сами монахи.

Конечно, фокус отца Антония не изгладился из памяти Леннарта Себастьяновича. Он не верил в чудеса, но верил в некоторые необъяснимые феномены, например левитацию йогов, и полагал, что Булатович обладает каким-то даром преумножать материю. Все монеты, которые он собрал в Афоне, были точной копией той, которую бывший Леннарт Себастьянович швырнул в монаха. Эберман хотел знать — врожденный ли это талант или приобретенный.

Изучив историю Иоанна Кронштадтского, Леннарт понял, что Булатович повторяет трюки своего наставника. Иоанн тоже любил осчастливить народ, раздавая мелочь налево и направо, и, когда его спрашивали, откуда у него столько денег, он просто отвечал:

— У Бога нет ни эллинов, ни иудеев. У меня своих денег нет. Мне жертвуют — и я жертвую. Я даже часто не знаю, кто и откуда прислал мне то или другое пожертвование. Поэтому и я жертвую туда, где есть нужда и где эти деньги могут принести пользу

На такие пожертвования он строил церкви, школы, богоугодные заведения. Леннарту это казалось если не подозрительным, то по крайней мере — странным, что жертвуют священнику, а не тем же школам или больницам. Значит, талант передался от учителя к ученику... Эберману очень хотелось изучить этот

феномен, но были у него дела и более злободневные — например, не угодить в лапы полиции.

Началась война с Германией. Леннарт Себастьянович нашел еще один прекрасный способ заработать. Он заключал договоры на поставки фуража, провианта или обмундирования, брал аванс — и исчезал. Методы приходилось совершенствовать, потому что военные и полиция быстро учились. В конце концов риск стал превышать выгоду, и Леннарт Себастьянович перешел на благотворительные балы, где и столкнулся с мадам Прянишниковой.

Эти яркие голубой и зеленый глаза спутать нельзя было ни с чем. Точно такие же глаза были у Булатовича, когда он читал девяностый псалом. Интересно, она тоже умеет умножать предметы?

Они познакомились. Мадам Прянишникова моментально оценила размах натуры Леннарта Себастьяновича и похвалила исполнение операции. Она сразу раскусила, зачем Эберман собрал этих толстых напыщенных индюков, пригласил к ним поэтов, которым все равно где читать свои вздорные вирши. Правда, среди ангажированных стихоплетов затесался один, которому непременно надо было все испортить. Вышел — длинный, несуразный, в безвкусной желтой кофте, с огромным бантом на шее — и давай грохотать:

— Вам, проживающим за оргией оргию, имеющим ванную и теплый клозет...

Все рты пооткрывали. Рифмоплет припечатывал гостей, как Булатович припечатывал Леннарта медяками и молитвой.

— Вам ли, любящим баб да блюда, жизнь отдавать в угоду? Да я лучше в баре блядам буду подавать ананасную воду!

Дамы ахнули. Кавалеры скрывали желание немедленно выйти на сцену и хорошенько отмутузить возмутителя спокойствия.

— У этого как фамилия? — спросил Эberman у распорядителя бала.

— Маяковский.

— Запиши — Маяковского больше не приглашать.

Мадам Прянишникова сказала:

— Весело здесь у вас. Вы, кажется, что-то хотели у меня спросить?

— Право, не знаю — ловко ли?

— Неловко рейтузы через голову надевать. Говорите уже.

Леннарт Себастьянович начал с комплимента:

— У вас такие красивые глаза. Я такие только раз в жизни видел. У одного мужчины.

— Вот как?

— Да. И этот мужчина мог делать совершенно невообразимые вещи.

— Какие именно?

Леннарт Себастьянович рассказал. Чем подробней он рассказывал, тем больший интерес вызывал у собеседницы. Наконец она сказала:

— Вам сказочно повезло: вы видели в действии один из самых редких и могущественных артефактов прошлого — тритона. Он способен бесконечное множество раз дублировать любой объект, будь то камень или металл. Большой предмет или маленький — тритону неважно, лишь бы он был цельный, а не составной. Вот эту вилку он может удвоить, а, скажем, хрустальную люстру — нет, потому что она собрана из разных элементов.

— Откуда вы все это знаете?

— У меня есть это, — и Эмма Павловна показала висящий на элегантной золотой цепочке кулон, изображавший довольно противного на вид насекомого. — Это муравей.

— Он тоже умеет удваивать вещи?

— Нет, у него более скромное предназначение.

— Но зачем эти амулеты?

— Они помогают нам участвовать в общем событии. Позволяют увидеть мир таким, какой он есть. Ведут нас по жизни.

— А как... э... получить такой предмет?

— Если ваше имя вписано в общий замысел — вам обязательно повезет. Но не сейчас, — и мадам Прянишникова неторопливо пошла прочь.

Это загадочное «не сейчас» имело совершенно конкретный смысл. Спустя пять минут двери в зал открылись и в проходах возникли полицейские. Леннарт Геральдович понял, что бал окончен, и попытался слиться с толпой, но вокруг него стало вдруг слишком тесно, и не успел он опомниться, как на руках у него защелкнулись наручники.

— Господин Эberman? — уточнил круглолицый мужчина во фраке.

— С кем имею честь?

— Меня зовут Кремнев Сергей Николаевич. А насчет чести позвольте усомниться. Уж чего-чего, а чести вы не имеете.

— Я буду жаловаться!

— Как же, как же... конечно, будете. Начальства у меня много, можете жаловаться всем сразу. Господа, прошу внимания! У вас на глазах мы задерживаем...

Эberman попался. Впервые в жизни. Многие ли могут похвастаться, что за всю их преступную карьеру они ни разу не были не только за решеткой, но и под подозрением!

— Фамилия, имя, отчество? — спросил его на первом допросе Кремнев.

— Эberman Леннарт Себастьянович.

— Полных лет?

— Сор... — начал Леннарт Себастьянович — и осекся. Сорок лет ему было, когда он провел первую свою блестящую операцию во время денежной реформы Николая Второго.

— Забыли? — изумился Кремнев.

— Нет, минутку, мне... Какой год сейчас?

— Вы издеваетесь?

— Какой сейчас год?!

— Сейчас десятое марта одна тысяча девятьсот пятнадцатого года, но если вы полагаете, что вам удастся изобразить невменяемого...

Пятьдесят восемь! Ему пятьдесят восемь лет! Куда выпали годы до сорокалетия? Куда канули годы до сегодняшнего дня?! Нет, у Леннарта Себастьяновича не было ретроградной амнезии или еще чего-то мудреного, он прекрасно помнил все события в своей жизни, он мог совершенно точно сказать, где находился и что делал в любой день едва ли не с первого класса гимназии. Его убило то, что жизнь пролетела так молниеносно!

Леннарту Себастьяновичу предъявили обвинение — много обвинений! — началось следствие, потом суд, однако пребывание Эbermana под стражей продолжалось недолго. Грянула Февральская революция, темницы рухнули, и на свободе оказалось столько всякого сброда, что о безобидном, в сущности, мошеннике все позабыли.

Эberman вернулся домой, на Тамбовскую, и обнаружил, что за два года в Крестах изрядно состарился. Теперь ему вполне можно было дать не шестьдесят даже, а все семьдесят. Он пошарил

в своем тайнике, в камине, и ничего не нашел. Странно, что в построенный специально для такого случая тайник он за все годы так ничего и не отложил. Думал, что успеет, и вот, как оказалось, не успел.

Он стал старьевщиком. Все равно лучшее, что он умел, — это втюхивать окружающим всякую рухлядь. У него довольно сносно стало получаться, выросли и оборот, и выручка. Эберман вдруг открыл для себя радость простого труда, когда весь день ходишь от двора ко двору, общаешься с людьми, торгуешься, покупаешь, продаешь и чувствуешь течение жизни, а не теряешься в нем, как щепка, которую уносит потоком.

Его теперь узнавали на улицах, здоровались, интересовались новостями и рассказывали сплетни. Он чувствовал себя — усталость, радость, интерес, скуку, печаль, гнев, разочарование — эмоции, на которые раньше времени не было. Стал навещать и приглашать к себе племянника Эвальда. Они познакомились на суде — в первых рядах сидели брат Леннарта, его жена и пятнадцатилетний сын. Племянник наведывался в гости, обсуждал с ним искусство и политику, и Леннарт Себастьянович думал — вот сейчас и надо умирать, в состоянии абсолютного счастья.

Но тут вмешалось общее событие.

Эвальд с какими-то молодыми людьми, очевидно, тоже юнкерами, ввалился в квартиру рано утром, еще даже не рассвело. Все были замерзшие, промокшие насквозь, при себе был вещмешок и кожаный портфель.

— Дядя, я знаю, что ты раньше был жуликом. Нам нужен твой опыт, — сказал Эвальд.

— Что?

— Вот.

Они развязали мешок, и внутри оказались вещи, которые дядя Леннарт наметанным глазом определил как роскошные.

— Вы что, ювелирный магазин ограбили?

— Нет, Эрмитаж.

— Что?!

— Дядя, в стране переворот, к власти пришли большевики. Там сейчас уже грабежи начались, мы взяли совсем немного.

— Это немного, по-вашему?

— Дядя, ты pomoжешь?

— Сначала разденьтесь и обсохните. Я чайник поставлю.

Первым делом он спросил, какого черта они вообще поперлись в Зимний. Молодые люди рассказали все, без утайки, и вот тут-то сердечко у Леннарта Себастьяновича ёкнуло. Вот оно, то, что два года назад напороочила мадам Прянишникова. Значит, имя Эбермана есть в плане общего события.

От недавнего счастья не осталось и следа. Он с опаской смотрел то на мешок с сокровищами, то на портфель с коллекцией и никак не мог избавиться от чувства, что это все — проверка. Проверка — на месте ли тот бес, которого изгонял Булатович. И Леннарт Себастьянович чувствовал — здесь он, рогатый, поджидает. Жизнь опять начинала раскручивать маховик, сейчас все опять полетит кувырком... но как он без этого жил? Ведь в этом и смысл — жить так быстро, чтобы не замечать течения времени, в этом смысл вечной молодости — движение без остановки.

— И что вы собираетесь со всем этим делать? — спросил Эберман у гостей как можно спокойнее.

— Выхать за границу и там продать, — сказал тот, кто выглядел самым старшим, — Шура Скальберг.

— Разумно. Когда собираетесь?

— Еще не знаем. Но чем скорей, тем лучше. В самое ближайшее время здесь может начаться настоящая война.

— А как вы собираетесь поступить с вдовой Прянишниковой? Мальчики переглянулись.

— Никак, — резко ответил Скальберг. — Дырку ей от блика.

— Ты что, Кирюха же просил передать...

— Что ты ей хочешь передать? Последние слова? Пожалуйста, иди и передавай.

Эвальд осекся.

Леннарт Себастьянович едва владел собой. Ему хотелось наорать на недорослей, выставить из квартиры и поскорей открыть портфель. Но он понимал, что так себя выдавать нельзя.

— Предлагаю поступить следующим образом. Сейчас мы вытаскиваем все вещи, пересчитываем и составляем список в нескольких экземплярах. Затем я прячу вещи, а вы со своими экземплярами идете по домам и обдумываете, как хотите поступить. Как только решите — я к вашим услугам. Но делать это забесплатно я не буду. Мне нужна какая-то оплата за риск, который я с вами делю. Скажем, перстень с камнем или что-то в этом роде. Вы согласны?

Конечно, они были согласны.

— И вот еще. Если ко мне нагрянут с обыском и обнаружат все это — ваши имена я не смогу скрывать. Даже за очень большие деньги. Так что подумайте, оправдан ли риск.

Это был старый прием — выбор без выбора. Куда им сейчас идти? Рассвело, на улице не пойми что творится. Так что они все были у дяди Леннарта в кармане.

Опись составляли в течение часа. Потом молодых парней сморило — все-таки больше суток без сна, такое напряжение для

психики. Эberman постелил им прямо на полу. Внутри у него все клокотало, и он отправился на улицу, подышать и успокоиться.

Эberman пошел по дворам. О торговле речи никакой идти не могло, но клиенты все равно выходили и рассказывали все, о чем слышали. Народ был взбудоражен. Говорили, что в Обводном утопили все отделение полиции за отказ подчиняться революционной власти. Совсем рядом, на Курской, ограбили винную лавку, и теперь полквартала ходит пьяными в сопли. Что за власть такая, которая позволяет устраивать подобные бесчинства?

Тут и там в городе раздавались выстрелы, крики о помощи, грязная площадная брань. Пару раз Леннарту Себастьяновичу пришлось увидеть, как солдаты и матросы выводят из подъездов растерянных господ и увозят куда-то на автомобилях. Один раз Эbermanа задержал патруль, как они себя назвали. Покопались в вещах, обыскали старика, ничего не нашли, разочарованно реквизировали чьи-то поношенные сапоги. Леннарт Себастьянович не возражал — «патруль» был навеселе, спорить с пьяными, тем более вооруженными, оказалось бы верхом глупости.

Эberman начал приходить в ужас. Резоны молодых людей о бегстве из страны казались ему теперь в высшей степени разумными. Он вернулся домой, когда начало темнеть. Молодые люди все еще спали. Камин выгорел и уже почти остыл, так что Леннарт Себастьянович аккуратно его вычистил и разбудил гостей.

— На случай, если я вдруг помру или меня убьют на улице, — сказал он. — Сейчас я покажу вам тайник. Ключ у меня только один, поэтому висит он за иконой.

Он прошел к стене, противоположной от окна, перевернул икону святого Пантелеймона и снял висящий на ней ключик.

— Тайник здесь.

Он наполовину влез в камин, специальными перчатками, чтобы не испачкаться, вынул сначала железный лист, прислоненный к задней стенке камина, потом лист асбеста, и все увидели дверь несгораемого шкафа. Эberman открыл шкаф.

— У вас там совсем ничего нет? — удивился тот, кого все называли Куликовым.

— Увы, мне не повезло так, как вам. Вы решили, чем будете расплачиваться?

— Думаю, золотым портсигаром, — сказал Скальберг. — Вас устроит?

— Вполне. Я достану его потом, когда возникнет надобность. А пока прошу вычеркнуть его из наших списков.

Они поочередно вычеркнули из своих экземпляров «портсигар золотой с вензелем Н», и Скальберг, кряхтя, засунул мешок в тайник. Сверху он пристроил кожаный портфель. Содержимое карманов Куликова и Сеничева, завернутое в носовой платок и табачный кисет, тоже покоилось в мешке. Эberman закрыл тайник, поставил на место асбестовый и металлический листы и заложил в камин новую порцию дров.

— Сейчас на улицу выходить опасно — патрульных отчего-то очень раздражает военная форма. Подождем до четырех утра, я вас выведу дворами. Даже не возражайте: Эвальд — мой племянник, и я сам отведу его домой. Надеюсь, вы не будете против, что я составлю вам компанию?

Они не возражали. Часов до трех ночи все еще поспали, потом быстро собрались и ушли.

Родители Эвальда чуть с ума не сошли, когда Леннарт привел его домой. Брат Себастьян молча тряс руку Леннарту, жена Себастьяна, Ильза, плакала и пыталась поцеловать запястье. Себастьян предложил уехать в Швецию всем вместе, но Леннарт отказался.

— Поздно мне уже. Да я и языков, в отличие от тебя, не знаю. Какой от меня прок — ни профессии, ни денег. Поезжайте сами, я тут как-нибудь не пропаду.

По лицу Себастьяна можно было понять, какое облегчение ему доставил этот ответ.

Они уехали буквально на следующей неделе, транзитом через Финляндию. Леннарт остался один, и вот тогда он со страхом и трепетом достал из тайника портфель и выставил на стол.

В портфеле лежало пятнадцать черных фланелевых кошельков. Леннарт Себастьянович бережно извлек каждый и расположил их перед собой на скатерти в три ряда. Он хотел проверить — действительно ли это судьба, действительно ли его имя вписано в общий замысел. Если он с первого раза угадает, в каком кошельке тритон, — значит, так тому и быть, он подчинится.

В центре, третья во втором ряду, лежала похожая на шар колючая рыба. Вторая попытка оказалась крысой, обнюхивающей свой хвост. Третья. Четвертая. Пятая.

Эбермана обуял ужас. А что, если в коллекции нет тритона? Он начал в панике вытряхивать на стол содержимое всех кошельков. Крокодил. Бегемот. Бегущий страус. Дикобраз. Утка.

Тритон нашелся в предпоследнем кошельке. Похожий на ящерицу с тупой жабьей мордой, весь в пупырышках, по спине едва заметный гребень, хвост, такой же пупырчатый, как и весь тритон, уплощался сверху и снизу.

Все предметы Эберман быстро распахал по кошелькам, сгреб кучей в портфель и спрятал обратно в тайник. Теперь оставалось проверить, как эта штука действует.

Если судить по изменившемуся цвету глаз, тритон превосходно работал. Леннарт Себастьянович долго не мог выбрать,

какой бы предмет, составляющий его небогатую обстановку, удвоить, и наконец решил попробовать кочергу.

Вибрация началась сразу же, как он взялся за блестящий от частого использования металл. Все волосы на теле встали дыбом, а потом — бах! — на пол упала еще одна кочерга. Потом еще одна. И еще. И еще.

В комнате стало как-то душно, будто не хватало воздуха. Наверное, это от волнения, подумал Эberman, зачарованно глядя, как на полу вырастает гора железа.

Становилось все душнее. Под дверь со свистом начал втягиваться воздух. До Эbermana вдруг дошло, что кочерга не может взяться ниоткуда, ей нужно состоять из чего-то. Например, из воздуха. Он торопливо выпустил из руки кочергу и побежал открывать форточку. С облегчением вдохнув холодный ноябрьский воздух, он наказал себе впредь быть осторожней и не увлекаться.

Кочерег после пересчета оказалось десять. Можно будет продавать, не вызывая подозрений. Что еще можно продать? Бутылки! Банки! Графины! О да! Он вписан в общий замысел, совершенно точно! Он не пропадет в этой новой стране! Ему даже не нужно золото или серебро. Зачем, если владение ими вызывает столько ненависти у пришедшего к власти пролетариата? Старьевщик может сдавать посуду, металлический лом, и никто не будет спрашивать, где он ее взял.

Начиналась новая, интересная жизнь, сплошные перемены. Чаще всего они доставляли массу неудобства, но Эberman не жаловался. Например, начали уплотнять квартиры. Странная это была процедура — народ из Питера уезжал, а жилплощади становилось все меньше. К Эbermanу подселили: в гостиную — многодетную семью с четырьмя детьми мал мала меньше, крикливой мамашей и размазней-мужем, который только тогда

и становился мужиком, когда напивался. В другую комнату, гостевую, поселили каких-то совсем древних стариков, от которых пахло квашеной капустой и мочой. Старик был совсем глухой, поэтому старуха разговаривала громким дребезжащим голосом. Особенно ночью. Они через месяц оба померли с голодухи, их вывезли и подселили других стариков, чуть покрепче, но смерть оказалась заразной, и эти тоже протянули только месяц. С тех пор больше, чем на четыре недели, в гостевой никто не задерживался — либо умирали, либо сами съезжали, либо забирали чекисты.

Деньги практически сразу потеряли ценность. Процветал натуральный обмен — шило меняли на мыло, коня на гуся, люстру на сапоги, драгоценности на еду. Вот здесь тритон и пригодился. Все кочерги Леннарт Себастьянович поменял очень быстро, даже пришлось изготовить еще с десяток. Хорошо шли граненые стаканы, сковородки, гвозди, скобы — все то, что было цельным. Как ни пытался Эберман копировать составные предметы — ножницы, например, или молоток, — ничего не получалось. Так же неудачными оказались попытки преумножать дерево, бумагу, жидкости. Зато уголь получался преотлично, и за лето на одном только угле дядя Леннарт запасся крупами, мукой, чаем и сахаром.

Помогал и Скальберг. Он переселился в дом напротив, договорился о тревожном сигнале. Помогал поначалу таскать телегу старьевщика по дворам, на рынок сопровождал. Когда нагрянули Куликов и Сеничев — спас от ограбления. Сокровища в шкафу начинали Эбермана немного нервировать. В окружающих домах ходили слухи о перепланировках квартир для дальнейшего уплотнения. Что, если придут из домуправления и решат сломать стену с камином? Это будет не скандал, это будет полный

крах, и к стенке встанут многие. По счастью, сразу после дележа сокровищ Скальберг сделал умную вещь — сдал опасное богатство на Гороховую. И сам стал чекистом, что тоже было мудро — теперь он получал паек и перестал одалживаться у Эбермана. Кроме этого у Леннарта Себастьяновича появился свой человек в чека и всегда предупреждал о возможных облавах. Конечно, сам Эберман облав не боялся, он ведь не держал дома ничего компрометирующего, но попадать под горячую руку властям тоже не хотелось.

Так прошел почти весь восемнадцатый год. А в первую годовщину переворота на пороге появился Эвальд.

1920 ГОД. ВИЗИТ ДАМЫ

Об этой хазе на Лиговской не знал вообще никто. Однако с самого утра в дверь раздался настойчивый стук.

— Ждешь кого-то? — настороженно спросил у Тоськи Белка.

— Кого мне ждать? — Тоська продрала глаза и посмотрела на часы. — Офонарели, что ли? Десяти еще нет!

— Тс, дура! Легавых навела?

— Ты че, Ванюрик? Я сама под мокрым делом, забыл?

Скальберговского стукача кончала Тоська. И выпытывала, что мент знает о банде, тоже она. И даже лоб расписала тоже она. Очень ей понравилась ментовская кликуха Шкелета — Лев.

— Лежи тихо, щас уйдут.

Сам Белка аккуратно встал с постели и подкрался к окну. Внизу никого не было — ни машин, ни людей.

— Может, ошиблись?

Эта квартира в мансарде была совершенно пустой, снаружи как будто заколоченной крест-накрест двумя досками.

— Конечно, ошиблись.

— Или у них тут домуправ сменился?

— Тот же домуправ, я на днях справлялась.

— Но ведь кто-то стучал?

— Ты сам говорил, что ошиблись!

Но Белку уже охватила тревога. Блин, неужели нашли? Суки краснопузые! Ничего, он им живым не дастся.

— Иди, проверь.

— Ты че, Ванюрик?! Куда я пойду такая?

— Одевайся и иди, быстро! А то распишу так — свои не узнают.

Тоська стала, ворча, облачаться. Взяв в руки финку, она на цыпочках подошла к двери и прислушалась. Снаружи было абсолютно тихо. Тогда Тоська аккуратно повернула ручку замка и выглянула наружу.

— Никого, — сказала она и захлопнула дверь.

— А если проверю?

— Да иди, е-мое!

Белка взвел курок нагана и подошел к двери. Открыл, не снимая цепочки, выглянул в подъезд. Никого. Снял цепочку, распахнул дверь.

И тут же завопил, прижимая к глазам руки. В ту же секунду в квартиру ввалились трое здоровенных мужиков, двое из которых скрутили Белку, а третий молча пер на Тоську. За ними в квартиру вошла дородная рыхлая тетка, некогда очень красивая, сейчас же — просто миловидная.

— Не подходи! Не подходи! — истерично взвизгивала Тоська, размахивая перед собой финкой. — Попишу!

— Тоська, сука! Сдала, падла такая! Я ж тебя на куски зубами рвать буду, — орал от боли и страха ослепленный Белка.

— Ванюрик, это не я! Не я это, Ванюрик! — пищала Тоська.

— Брось нож, курица, — сказал угрюмый мужик, остановившись перед Тоськой.

— Не брошу. Ай!

Неуловимым движением бугай отвесил Тоське плюху и выхватил нож.

— Ванюрик! Что же это, Ванюрик! — запричитала Тоська.

Тетка заговорила:

— Васенька, Юра, спрячьте это недоразумение, в другую комнату и займите чем-нибудь, лишь бы только не орала. Федор, проводи хозяина на кухню, пусть промоет глаза.

Федор схватил Белку за загривок и поволок на кухню. Васенька и Юра сгребли визжащую Тоську в охапку и потащили в комнату с кроватью. Дверь за собой они скромно закрыли.

Пока Белка промывал глаза, тетка вещала:

— Меня зовут Эмма Павловна Прянишникова. Уверена, что ты, дружок, обо мне даже не слыхал. А вот про Федора ты хорошо все знаешь. Так вот: все, что ты про него знаешь, — правда, за одним лишь исключением. Ты думал, что страшней его никого не бывает, а я тебе скажу — бывает. И это я. Федор прекрасно все умеет делать, но у него недостаток фантазии. А у меня воображение живое, игривое, и я легко придумую, что мне с тобой сотворить. Думаю, о твоей подружке нам придется забыть — Васенька и Юра бывают очень грубы с женщинами.

Из-за плотно закрытой двери раздался нечеловеческий визг, и снова все затихло.

— Вот что тебя ожидает, если ты вдруг заупрямишься и откажешься честно отвечать на мои вопросы. Все понятно?

Кряхтя и постанывая, Белка промывал глаза, но силы кивнуть в ответ нашел. Жгло нещадно, хотя большую часть соли уже удалось смыть.

— Итак, вопрос первый и самый главный — кто тебе рассказывал о тритоне?..

Возможно, если бы Федор случайно не обмолвился за завтраком о тритоне, никакой бы трагедии и не вышло, но этим утром,

намазывая на ситный хлеб сливочное масло, он как бы между прочим невпопад сказал:

— Я тут в шалмане на днях зависал, кой-какие слухи узнал.

— И какими же слухами полнится русская земля? — спросила Прянишникова.

— Ванька-Белка ищет какую-то редкую штуку, мол, стоит миллион золотом.

— Что за штука? Корона российской империи?

— Ага, вроде того. Амулетик какой-то, на ящерицу похожий. Как-то там название говорили, щас вспомню. Тритон, вот. Даже картинку дали.

Он порылся в кармане и достал сложенный вчетверо кусок папиросной бумаги.

— Полюбуйтесь.

Рисунок выполнен был, что называется, под копирку. Несмотря на неопытную руку и лишние украшения, Эмма Павловна сразу поняла, что это за штука.

— Откуда это?

— Да бог знает. Говорит, купец какой-то разыскивает, он, наверное, и дал.

— Немедленно узнай, где этот Белка живет. Мне срочно нужно с ним поговорить.

Федор вышел из-за стола и отправился исполнять каприз хозяйки. Хозяйка же предалась воспоминаниям, полным ужаса и сладкой неги. Несколько лет назад, будучи владелицей артефакта, позволяющего ориентироваться в пространстве, что твой Чингачгук, Эмма Павловна сколотила приличное состояние, просто переставляя вагоны на железнодорожной станции. Правда, вскоре она его потеряла по причине неадекватности мужа. Он покончил с собой, полиция, хоть и подозревала мадам

Прянишникову в преступном деянии, доказать ничего не могла, к тому же Эмма Павловна удачно изобразила апоплексический удар.

Помогал ей во всем именно артефакт. Он будто нашептывал, что и когда делать, а мадам Прянишникова просто плыла по течению и получала удовольствие от того, что происходит. Она даже не расстроилась, что потеряла все состояние, потому что это тоже пошло на пользу общему событию. Пока о ней все забыли, полагая, что Эмма Павловна прикована к постели, она заново сколотила капиталец, правда, состоял он в основном из товаров первой необходимости. Зачем ей столько мыла, спичек, круп, свечей, муки и прочего, она не понимала, пока однажды не прочитала в газете, что знаменитая коллекция туземных амулетов Булатовича будет передана Российским географическим обществом в дар Эрмитажу. Ей сразу припомнился разговор с неким Эbermanом, который знал Булатовича; возник образ предмета — *тритон*. И почти сразу родился план, как добыть коллекцию.

Правда, Федор на ту пору испугался проникать в Зимний. Как ни давила, как ни заставляла мадам Прянишникова, никто не мог отважиться на такой отчаянный и дерзкий поступок. И тогда она стала рассказывать про общее событие сыновьям.

Со старшим, Кириллом, Эмма Павловна потеряла связь сразу после гибели мужа, Кириного отца. Кирилл все реже приходил в увольнительную домой и старался как можно меньше общаться с маменькой. Младший, Леша, очень тяготился этой размолвкой и готов был пойти на что угодно, лишь бы примирить маму и брата. Эмме Павловне ничего не стоило убедить его проникнуть в сокровищницу Эрмитажа и найти коллекцию. Чтобы все прошло гладко, муравья своего она передала Лешеньке, «на удачу». Муравей сам посоветовал ей так поступить.

Больше она мальчиков не видела. Через неделю томительного ожидания пришел однокашник Кирилла, Скальберг, и сказал, что во время штурма Зимнего дворца ребята попали в руки к пьяным матросам и погибли.

В этот момент Эмма Павловна поняла, что ее надули, что никакого общего события нет и ее мальчиков тоже нет. Она выгнала Скальберга взащей и долгое время сидела одна взаперти, переваривая свое горе. А потом начала мстить. Всем без разбору. Она собиралась заставить страдать весь мир, чем не общее событие?

За три года горе по мальчикам притупилось, если бы не фотография, она бы даже начала забывать их лица. Махинации, спекуляция, контрабанда — все это стало для нее отдушиной, и она уже смирилась со своим положением.

И вдруг — тритон. Получается, мальчикам тогда удалось выкрасть коллекцию? Получается, Скальберг ей все наврал? Может, это он убил мальчиков?

В это время Федор пришел и сказал, что знает, где находится Белка. Федор взял самых расторопных и жестоких своих подручных, и они поехали посмотреть на этого Белку, который держит в страхе весь город.

— Кто тебе рассказал о тритоне?

— Поручик! — шипя от боли, ответил Белка.

— Ах, пору-учик? — удивленно пролепетала Эмма Павловна. — Только не он! — Потом, немного помолчав, спросила: — А кто это?

— Не знаю.

Холодная вода на какое-то время давала облегчение, но стоило перестать промывать — вновь начинало жечь.

— Это неправильный ответ, — сказала тетка.

Белка почувствовал на затылке руку Федора — и тут же приложился лбом о водопроводный кран. Звон в ушах, кровь из рассеченной брови — и спокойный голос Эммы Павловны:

— Вспоминай, кто такой поручик.

— Мент.

— Вот как? А твои дружки знают, что ты с ментами якшаешься?

— Он ненастоящий мент. Шофером у них работает, все вынюхивает, нам потом рассказывает.

— Оборотень, значит, — поняла тетка. — Ну и что он тебе про тритона рассказывал?

— Ничего. Сказал, дорогая штука, купец какой-то может за нее миллион золотом дать. Предлагал сначала барыг опускать, думал, может, у них у кого-то есть эта штука.

— Вот как? А почему он так думал?

— Он не говорил. Он вообще почти ничего не говорил — придет, наговорит гадостей, даст совет какой-нибудь и сваливает сразу.

— Где вы с ним встречаетесь?

— Не встречаемся уже. Раньше по пятницам в шалмане, а потом он ко мне завалился, как вы сейчас, и права качать начал. Он подумал, будто это я велел мента замочить.

— Какого мента?

— Скальберга.

Если бы у Белки не слезились глаза, он бы увидел, что тетка изменилась в лице.

— А ты, значит, не убивал?

— Да не я это! Все уже знают, что это Шурка-Баянист со своими подпевалами!

— Так Баянист вроде под тобой ходил.

— Да тупой он, как валенок, накосячил пару раз, я и завязал с ним работать. Он уж год как сам по себе.

— Ладно, допустим, я тебе верю. А зачем этому поручику Скальберг нужен был?

— Говорю же — не знаю. Он мне вообще говорил легавых не трогать, чтобы, значит, они мстить не начинали.

— Умный, мерзавец. И где же мне его найти?

— Он хитрый, гасится ото всех. Мы его раз десять пытались пропасти, он все время уходил.

— Выглядит как?

— Ну, он такой... ничего в нем нет, только глаза.

— Что с глазами?

— Болят, — огрызнулся Белка и снова плеснул водой себе в лицо. — Цвет его глаза меняют. То обычные, а то голубой с зеленым.

— Глаза меняют цвет? — переспросила Эмма Павловна.

— Да. Я сам охренел, как увидел.

— А еще что?

— Ничего...

Эмма Павловна задумалась.

— И что, ты вот так легко отказался от миллиона? — спросила она после непродолжительного молчания.

— А где он, тот миллион? Он мне все уши тем миллионом прожужжал: миллион, миллион, миллион. Хоть бы копейку я с того миллиона увидел.

— И не увидишь. Федор, я сейчас уйду, ты здесь прибери...

— Стойте! Я знаю, как он выглядит! Могу на Лассалья с вами прийти, — заорал Белка.

— Зачем ты мне? Сама приду и найду этого твоего поручика, если ты мне не свистишь.

— Как ты его искать будешь, ты же не знаешь, какой он из себя! Только я с ним дело имел, больше никто!

— Какая разница? Найду шофера с разными глазами.

— Он же не всегда с разными!

Эмма Павловна усмехнулась:

— Жить хочешь?

— Кто ж не хочет?

— Подружка твоя.

Белка прислушался. Тоськи больше не было слышно.

— Так чем же ты можешь оказаться мне полезен?

— Хабар! Весь хабар отдам!

Эмма Павловна рассмеялась:

— На что мне твой помоечный хабар?

Крыть Белке было нечем. Он видел, как размытая фигура страшной Эммы Павловны растворяется в пелене слез, застывших глаза. Федор надавил Белке на плечи и поставил на колени.

— Ты не бойся, я быстро.

В это время в комнате, куда Васенька с Юрой увели Тоську, раздалось два негромких хлопка.

— Все, отмучилась, болезная. — Федор покопался в ящике с ножами и достал большой, для нарезания хлеба.

— Брось нож, петух, — слышалось из-за спины.

Федор и Белка обернулись. Белка почти не видел Тоську, слезы продолжали течь, но он догадывался, что выглядит она не лучшим образом.

— Э, лярва, брось пушку! — давящим голосом сказал Федор. — Добром прошу!

— Хрен ты угадал, — сказала Тоська.

Стреляла она, видимо, через подушку, потому что хлопало совсем негромко. Первые две пули ушли в молоко — Белка услышал,

как лопнуло стекло в буфете и посыпалась битая посуда. Зато две другие попали в цель — Федор хрюкнул и упал рядом с Белкой на пол.

Тоська уронила револьвер на пол и запричитала:

— Ванюрик, не виноватая я! Не знаю, как они нас нашли!

— Заткни хайло.

Минут пять Белка еще отмачивал свои глаза и вроде проморгался. Хаза превратилась черт знает во что, но страшней всего было смотреть на Тоську — вся в крови и синяках, левый глаз совсем затек, щеки распаханы бритвой, как и плечи, и руки, и все остальное.

Белка распорол наволочку, обильно смочил ее самогоном и попытался обработать раны. Тоська зашипела, как кошка, и оттолкнула его.

— Я сама.

Она взяла тряпку и велела:

— Лей.

Запахло сивухой. Тоська материлась, плакала, но смывала с себя кровь. Белка думал, что если сейчас чиркнуть спичкой, то они оба полыхнут, как факелы. Но было совсем не до курева, требовалось срочно остановить кровь.

Перевязав порезы всем, что только нашлось на хазе, Белка оделся, зарядил револьвер и натянул сапоги.

— Куда ты? — спросила Тоська.

— Не ты, а мы. Одевайся, надо валить отсюда.

На улицу они буквально выпали. Во время спуска по лестнице из раны в боку Тоськи хлынула кровь. Тоська завyla и запросилась обратно, но Белка взял ее на руки и потащил. Запнувшись за порог, он потерял равновесие, открыл дверь головой Тоськи, и они упали на мостовую. Выматерив друг друга и весь белый

свет, они встали, и Белка вновь взял Тоську на руки. Они надеялись поймать какое-нибудь коляску или автомобиль.

Словно на заказ, за углом стоял грузовик. Белка подбежал к кабине и заорал:

— В Мариинку, быстро!

В кабине сидела какая-то здоровенная баба и щуплый шофер. Баба посмотрела на Белку и растерялась.

— Как вы здесь... — начала она. Белка сразу узнал голос Прянишниковой.

Он отпустил Тоську, вынул револьвер и направил ствол бабе в лоб.

— Выметайся.

Эмма Павловна, все еще в ступоре от неожиданного появления Белки, начала вылезать.

— Эй, ты, за баранкой, — предупредил Белка, — дернешься — пить не сможешь, все в дырки выливаться будет.

Эмма Павловна еле-еле вышла из кабины, едва не наступив на Тоську. Белка грубо отпихнул ее в сторону и помог подруге сесть в машину.

В это время Прянишникова побежала. Она бежала неуклюже, ее рыхлое тело тряслось, и казалось, что бежит не женщина, а студень... но бежала она достаточно быстро. И при этом орала:

— Помогите, убивают!

Белка выстрелил, не целясь, и умудрился промазать. Второй раз — тоже мимо. Он плюнул и бросился догонять. Но не успел он сделать и десяти скачков, как взревел двигатель и в машине что-то бахнуло. Белка обернулся и увидел, что тело Тоськи с простреленной башкой выпало из кабины на тротуар. Грузовик поехал. Нога Тоськи зацепилась за дверь, и ее тело потащилось рядом с подножкой, подпрыгивая на брусчатке и оставляя густой

багровый след, похожий на варенье. Потом нога все же отцепилась, и грузовик, проехав по Тоське задними колесами, оставил ее лежать у бордюра.

В это время Прянишникова уже нырнула за угол. Белка плюнул и бросился за ней. Когда он добежал до угла, Эмма Павловна проворно заскочила в какой-то подъезд. Белка тоже поднажал и вбежал внутрь.

Попав в темный подъезд с ярко освещенной улицы, Белка на мгновение оказался слеп и глух — в ушах отдавалось только бие-ние сердца. Пытаясь сдержать одышку, он прислушался к темноте. Было тихо. Сбежала, тварь!

Белка бросился к черному ходу и попробовал выйти во двор. Дверь не шелохнулась, видимо, с наружной стороны забили. Куда в таком случае делась жирная тетка? Неужели хватило ума и сил взбежать по лестнице? Времени на это у нее почти не было, но жить захочешь — полетишь. Он начал подъем, осторожно, на цыпочках, чтобы не услышала. Поднявшись на один марш, он попытался прижаться к шахте лифта, чтобы взглянуть наверх, и уловил едва заметное движение в самой кабине, замершей на первом этаже.

Спускался Белка еще тише. Почти не дыша, подкрался он к лифту и резко открыл дверь. Прянишникова сидела на зага-женном полу.

— Ну что, догнал? — ухмыльнулась она. — Торжествуй, чего молчишь?

Он ничего не сказал, просто выпустил злобной бабе в лицо весь оставшийся барабан и быстро ушел прочь. На улице уже начал скапливаться народ, и издалека бежал патрульный, отчаянно дуя в свисток.

1918–1920 ГОДЫ. ДЯДЯ ЛЕННАРТ

Если первую свою зиму советская власть пережила еще на запасах, сделанных Временным правительством, то во вторую зиму все трещало по швам. Углем Петроград в должной мере не затарился, продуктов не хватало, теплой одежды тоже, замерзал водопровод.

Леннарту Себастьяновичу, живи он в квартире один, было бы гораздо проще. Мог бы сварить себе каши, запарить чаю, иной раз побаловаться бутербродом или испечь в таганке картошки. Но эти простейшие удовольствия — погреться у огня, когда холодно, и поесть, когда голодно, были труднодоступны. Обоняние у людей обострилось настолько, что могли уловить, на каком этаже варят затируху, да еще и на каком топливе — на подписке журнала «Нива» за 1914 год или на толстых французских романах.

Все осложнялось еще и тем, что накануне этой тяжелой зимы неизвестно откуда вывалился Эвальд. Правда, выглядел он странно. Леннарт Себастьянович его даже не узнал сначала. Длинная, в пол, юбка, ботинки с высокой шнуровкой, тужурка, вязанные беретик и муфточка.

— Вы к кому, барышня? — удивился Эберман.

— Дядя, я к вам. Я Эва, — сказала девушка вкрадчивым голосом.

— Эва? — старик ухватился за дверной косяк. — Что с тобой?

— Впустите, я замерзла.

— Да-да, заходи.

Все соседи мигом высыпали в коридор.

— Кто это? — ревниво спросила Татьяна, мать четверых огло-
едов.

— Этя! — показал на гостью пальцем самый маленький
и сопливый из отпрысков Татьяны.

— Племянница приехала.

— Вижу, что не племянник, — сказала Татьяна. — Шалава?

— Как вы смеете?! — возмутился Леннарт Себастьянович.

— Я только спросила. У меня муж, между прочим, а тут — эта.

— Чем такой, какой у вас, муж, так лучше и вовсе никако-
го, — отрезал Леннарт Себастьянович и увлек «племянницу»
в свою комнату.

Заперев дверь на щеколду, он показал пальцем — говори
тихо, подслушивать будут. Эвальд объяснил на пальцах, что хо-
чет спать. Дядя Леннарт подбросил в камин немного дровишек
(ими его Скальберг обеспечивал) и погасил свет, взяв обещание,
что утром Эва все ему расскажет.

Утром, чтобы нормально поговорить, Эвальду пришлось со-
провождать дядю на улице. Все знакомые интересовались, что за
девушка, и дядя Леннарт охотно говорил, что племянница, а сам
только и ждал, когда же Эвальд объяснится.

Когда они наконец остались наедине, Эвальд рассказал, что
на самом деле никуда из Петрограда не уезжал. Он прикрывал
генерала Юденича.

Николай Николаевич Юденич, некогда командующий Кав-
казским фронтом, после отставки жил в Петрограде. Был он
у Временного правительства в опале, однако это не значило, что

большевики приняли бы его с распростертыми объятиями. Все свои средства Юденич по совету банковских служащих обналичил еще до переворота и тогда же был готов покинуть страну, но жена слегла с какой-то экзотической хворью, и отъезд задержался. Потом случилась революция, Николай Николаевич остался в Петрограде на нелегальном положении.

Эвальд об этом узнал совершенно случайно — столкнулся на лестнице. Семейство Эберманов жило на предпоследнем этаже доходного дома Первого русского страхового общества на Каменноостровском. Если бы Эвальд не проучился три года в артиллерийском училище и не знал весь российский генералитет в лицо — прошел бы мимо и не обратил внимания. Но в этом невысоком одутловатом мужчине в невзрачном потертом пальтишке и измятой шляпе Эвальд признал человека, разгромившего Энвер-пашу, выигравшего сражение под Эрзерумом и занявшего Трапезунд.

Эвальд сразу вспомнил, что дворник их в прошлом — фельд-фебель лейб-гвардии и участвовал в Памирской экспедиции, как и сам Юденич. Наверное, пристроил Семеныч бывшего командира по-тихому в самые верхние апартаменты, где никто уже год не живет. Тогда Эвальд еще не знал, почему отставной генерал от инфантерии не уехал, и был крайне удивлен. Он отыскал дворника и поведал о своих подозрениях. Семеныч чуть его не прибил, но Эвальд поклялся, что никому не проболтается. Да и кому рассказывать — два дня до отъезда оставалось, родители спешно распродавали имущество.

Но вдруг Эвальда посетила дикая мысль — задержать. Остаться вместе с генералом и помочь ему покинуть страну. Как бы в искупление того случая с ограблением Эрмитажа. Смерть братьев Прянишниковых произвела на него ужасающее

впечатление, все эти пять дней он ходил как пыльным мешком огретый — он впервые увидел, как умирают люди. Поэтому, когда семейство Эbermanов село в поезд, следующий до Гельсингфорса, Эвальд незаметно ускользнул от родителей, занятых младшими детьми, и выскочил из уходящего состава.

Так началась его нелегальная жизнь в Питере. Чтобы меньше привлекать внимания, Эвальд придумал себе женский образ — вот гдегодились его артистические способности. От матери остались несколько париков, которые она решила не брать, старые ботинки, юбка, в которой она ходила в церковь, кое-что Эвальд перешил сам... и даже испугался, до чего похож на юную девушку. Он решил, что делать женскую грудь не стоит, потому что станет выглядеть слишком привлекательно. Вместо этого он ссутулился, немного взъерошил волосы на парике и стал похож на нескладную гимназистку.

И Семеныч, и генерал, и его адъютант, который тоже помогал бывшему командиру, сначала очень испугались, что Эвальд остался. Не хватало еще с мальчишкой связываться, тем более — переодетым. Но супруга Юденича взяла Эвальда под защиту: если хочет помогать — пусть помогает.

И Эвальд помогал. Доставал продукты и лекарства, собирал информацию, доставлял газеты — советские и зарубежные. Раздобыл для Николая Николаевича профессиональный грим, несколько бород и усов, парики, и теперь генерал сам мог выходить на улицу без риска быть опознанным. Жил Эвальд в дворницкой, с Семенычем, которому тоже помогал по хозяйству.

Самое смешное, что в том же подъезде, где на нелегальном положении проживали Юденичи, поселился и один из членов Комитета революционной обороны Петрограда, ставший после начальником Особого отдела ГубЧК Комаров. Лучшего прикрытия

для генерала было не найти — в подъезде никогда не производили обысков и проверок.

Когда жена Николай Николаевича окончательно поправилась, встал вопрос об отъезде. Подложные документы, по которым Юденич с женой и адъютантом должны были покинуть Россию, сделали в посольстве Швеции еще до разрыва дипломатических отношений, и связным служил тоже Эвальд. Его звали с собой, но Эвальд отказался, только попросил отправить письмо родным в Швецию. Николай Николаевич обещал вернуться и освободить Петроград. И он даже попытался это сделать и не дошел до Питера каких-то двадцать километров, но это произошло уже потом, в 1919-м.

А пока Эвальд решил вернуться к дяде, потому что на дворника Семеныча начинали косо поглядывать: живет с какой-то молоденькой девицей, она его Гаврилой Семенычем величает, он ее Евкой... что у них там за жизнь такая непутевая? Поэтому Эвальд поспешно покинул теплую дворницкую и отправился к дяде Леннарту.

Леннарт Себастьянович оказался в безвыходном положении. Куда ему девать племянницу без документов? Соседи тоже станут думать бог весть что. И тут снова на помощь пришел Скальберг. Он не только помог сделать новые документы, согласно которым Эвальд стал Евой Станиславовной Ригель одна тысяча девятисотого года рождения, происхождения мещанского, но и во всеуслышание объявил Еву своей невестой, и она переехала к нему. Тогда же Ева и устроилась работать в Эрмитаж, где нужны были грамотные сотрудники с хорошим почерком.

Вроде, все опять наладилось и пошло своим чередом, но накануне нового 1920 года Ева прибежала с работы сразу к дяде Леннарту.

— Дядя, признавайся — ты взял тритона?

— Что? — испугался Леннарт Себастьянович.

— Я знаю, что ты взял тритона. Больше некому.

— Почему некому? А Скальберг?

— А почему ты спросил про Скальберга? Откуда ты знал, о каком тритоне я спрашиваю?

Леннарт Себастьянович испуганно смотрел на «племянницу».

— Я не мог удержаться. Ты расскажешь Скальбергу?

— Что я могу ему сказать? Что он идиот и не посмотрел, сколько всего предметов в портфеле? Мы их, по-моему, и не пересчитывали, так оставили. Ты ведь знал все про эту коллекцию?

— Не все, только про тритона. Я даже Булатовича видел, как тебя.

— Тогда расскажи.

— Зачем?

— Затем, что какой-то человек эту коллекцию ищет. И если он узнает про тебя, боюсь, нам всем не поздоровится.

— Он из чека?!

— Хуже. У него глаза разного цвета.

И Эвальд рассказал о визите к Бенуа человека с голубым и зеленым глазами. Человек выглядел вполне обычно, но от него исходила опасность, и Бенуа после его визита казался жалким и испуганным. Эвальду удалось подслушать их разговор.

— Что же делать? Что делать? — а потом, будто опомнившись, спросил: — А откуда ты знаешь, что я взял именно тритона?

О, Эвальд знал. Став каталогизатором музея, Ева Станиславовна Ригель много времени уделяла изучению картотеки, в которой проводила большую часть рабочего времени. Раньше времени управившись с бумажной работой, она искала следы коллекции Булатовича. Ее просто распирало любопытство

узнать, за чем же все-таки они тогда влезли в Зимний дворец и за что погибли братья Прянишниковы.

Бумажный след Ева обнаружила сразу, нашла опись коллекции и поняла, что речь идет об амулетах вроде того, какой носил «на удачу» Лешка Прянишников.

Нашла Ева и более позднюю опись, по которой возвращали коллекцию чекисты. И сразу увидела, что одной позиции — тритона — не хватает. Сначала, конечно, Ева начала подозревать Скальберга — ведь это он возвращал сокровища. Но потом от этой идеи пришлось отказаться, потому что это совсем не походило на Шурку. Он сильно изменился, дома ночевал редко, большей частью гонялся за жуликами и бандитами, и Ева жила в его комнате одна. Разумеется, она обшарила в комнате каждый уголок, но дома у Скальберга была только кровать. Ни стола, ни стула, ни шкафов, ни полок. Раз в неделю он отдавал постельное белье в стирку, сам шел в баню, там же отдавал в стирку всю свою одежду и исподнее. У него не было ничего, зачем ему еще какая-то безделушка?

Дядя Леннарт повинился и просил никому не рассказывать.

Однако все открылось само по себе. К Скальбергу в феврале 1920-го пришли с обыском чекисты, обалдели от спартанской обстановки и забрали на допрос. С допроса Шурка вернулся угрюмый.

— Ты чего такой? — спросила невеста.

— Ты знаешь, что дядя нас всех надул?

— Что?

Шурка рассказал, что его тягали на допрос по поводу возвращенных сокровищ. Оказалось, что в Эрмитаже кое-что не стыковалось — пропал один предмет из коллекции Булатовича.

— Может, Кирилл на ходу из портфеля вынул? — предположила Ева.

— Ничего он не вынимал, он у меня все время перед глазами маячил.

— Ну, я тогда не знаю...

— Не юли, все ты знаешь. Видела эту штуку?

— Видела.

— Ее уже ищут. И не только чекисты.

Оказывается, у Скальберга было полным-полно своих людей в уголовной среде. Через них он узнал, что какой-то купец через Ваньку-Белку разыскивает тритона и готов платить за него миллион золотом.

— Понимаешь, что это значит? Стоит твоему дяде где-то засветить предмет — и ему голову оторвут вместе с этим тритоном. И тебе заодно, если под руку попадешься. Не посмотрят, что баба, а то еще и попользуются.

— А что делать?

— Возвращать в музей. Подбросишь там тихонько, глядишь, при новой ревизии обнаружите, обрадуетесь находке.

— Дядя не согласится.

— Я его охранять не буду, так и передай, — пожал плечами Скальберг. — У меня и без него проблем хватает.

Разумеется, Эвальд передал этот разговор дяде. Леннарт Себастьянович хоть и перетрусил отчаянно, но все же расставаться с предметом не хотел. Тритон казался ему единственным, ради чего стоит жить.

1920 ГОД. МЫШЕЛОВКА

— А этот твой визитер, Иванов... — задумчиво спросил Богдан, когда они вдвоем с Евой уже подошли к дому дяди Леннарта. — Ты помнишь, как он выглядел?

— Даже нарисовать смогу.

— Если ты такая талантливая, чего в проститутки подалась?

— Из любви к искусству. Классический театр сейчас в загоне, в моде экспериментальные постановки...

— Ага, вот ты и экспи... то самое, короче. Я вот думаю — этот твой Иванов не мог убить Скальберга?

— Дурацкий вопрос.

— Почему?

— Ну кто сейчас «не может убить»? Сейчас все всех убивают, легко и просто. Ты же наверняка кого-то убивал?

— Приходилось.

— Вот все так и думают — приходится, мол. Одного, другого, третьего. Или ты, или тебя. Ну? Ведь так же, скажи?

— А ты тоже убивала?

— А я — нет.

— Значит, можно и не убивать?

— Можно. Но никто не знает как. Есть человек — есть проблема, нет человека — нет проблемы.

— Ладно, идем. Ты уверена, что твой дядя не запаникует?

— Спокойно, что я, дядю не знаю, что ли?

Дяди дома не было. Дома вообще царила подозрительная тишина — и в коридоре, и на кухне, и у соседей.

Рука Богдана потянулась к талисману, но в это время страшный удар обрушился ему на голову.

Белка обманул мадам Прянишникову, сказав, будто ему так и не удалось выследить поручика. Он никогда и не пытался его пасти, по крайней мере — всерьез. Пару раз он пускал за ним хвост, но только ради того, чтобы поручик его заметил и выказал свое недовольство. После этого выпасать поручика перестали, чтобы он расслабился.

Как только их пути с поручиком разошлись, он решил подстраховаться и устроил за бывшим своим подельником слежку, чтобы знать, где его искать, если вдруг поручику придет в голову глупость развязать язык.

Этим утром, когда события вдруг посыпались одно за другим, один из наводчиков Белки, Витька Шустрый, стоял на площади Лассалья и ждал, когда закончится дежурство поручика. Он обратил внимание на беспокойных легавых, заметил трупы, которые выносили и закидывали в грузовик, и все это было настолько интересно, что он едва не пропустил выход мента из здания.

Шел поручик сначала очень медленно и неуверенно, будто только что проснулся. Шустрый знал, что это может быть уловкой, и потому решил дождаться, пока между ними образуется приличный зазор, чтобы не бросаться в глаза. И оказался прав. Свернув на Ракова, поручик проверился и далее очень бодро пошел в сторону Московского вокзала, где он снимал комнату.

Держась буквально на пределе видимости, Витька следовал за поручиком и про себя молился, чтобы мент шел домой. Хотелось спать и жрать, но, не доведя клиента до какого-то адреса, бросать слежку было нельзя.

Как назло, домой поручик не пошел, а ломанулся по Лиговской в сторону Обводного. Шустрый шел по другой стороне улицы, то отставая, то приближаясь, и проклинал продажного мента самыми страшными проклятиями.

С Лиговской они свернули на Расстанную, и тут поручик закричал:

— Леннарт Себастьянович! Леннарт Себастьянович! — и бросился кого-то догонять.

Приглядевшись, Витька увидел, что поручик обнимает за плечо какого-то старика с тележкой, загруженной всяким хламом. Старьевщик слушал поручика, кивал, а потом пошел с ним, оставив тележку на тротуаре. Витька в нерешительности замер и стоял, пока мужчины не скрылись за углом. Тогда он прибавил ходу и побежал.

Поручик выскочил из-за угла, как чертик из табакерки. Шустрый влетел ему лицом в грудь.

— Глаза разуй, придурок, — обругал поручик Витьку и пошел прочь.

Витька застыл, ни жив, ни мертв, и, чтобы не вызывать подозрений, все же свернул. И сразу наткнулся на тело старьевщика. Старик сидел, опершись спиной о стену, глаза его закатились, рот был открыт.

— Эй, дядя, — Шустрый слегка толкнул старьевщика. Бездыханное тело завалилось набок. Витька сначала отпрянул в ужасе, а потом припустил в шалман, только пятки засверкали.

— Убил старьевщика? — удивился Белка. — Зачем?

Он пришел в шалман буквально перед Шустрым и теперь внимательно слушал. Видимо, утро у Белки тоже выдалось то еще — лицо разбито, глаза красные. Но держался он бодро, если не сказать — зло. Ему явно хотелось какого-то действия.

— Не знаю, — ответил Шустрый.

— Эй, кто-нибудь знает, кто такой Леннарт Себастьянович? — крикнул Белка.

Знала Люська Впритык. Она щипала на рынках и в трамваях, а также в пунктах по приему стеклотары, там она часто встречала Эбермана.

— И чего в нем такого?

— Не знаю, дед и дед.

Тут фамилию Эберман вспомнил хозяин шалмана, Мойша-Молдаван.

— Мошенник был экстра-класса, — сказал он. — Закатывал благотворительные балы, забирал кассу и поминай как звали.

— А чего так опустился?

— Так это вам понт нужен, а старые мастера скромно живут, потому их и не ловят.

Что-то близкое к пониманию забрезжило у Белки в голове.

— К нему, быстро!

Дальше работали по многожды отработанной схеме: стук в дверь, предъявление бумажек, вызов понятых — и основательный шмон в комнате. Жил мерзавец Эберман и впрямь скромно — ни цапек, ни мехов, ни тряпок, только какой-то ключик за иконой.

— Есть ключ — значит, где-то замок. Ищите! — сказал Белка.

Тайник нашел Сергун, наугад сунувшийся в камин. Ключ идеально подошел к замку, но — внутри оказалось пусто. Белка выругался.

— Так вон, Евка идет, племянница его, — кивнула в окно соседка, вызвавшаяся в понятия. — С нее и спрашивайте. С хахалем идет. Не успели Скальберга схоронить, а она уже с другим.

До Белки дошло. Тритон этот хранился у Эбермана, Скальберг, сука легавая, водил шашни с его племянницей и прикрывал старьевщика. Поручик как-то об этом узнал, сразу срубил с хвоста Белку и хотел забрать цацку в одно рыло. Забрал или нет? Сейчас выясним.

Всех соседей загнали в комнату соседки и велели сидеть тихо и не дышать. Сергун с Мерином спрятались в тамбуре и ждали, пока племянница с хахалем войдут.

Как только парочка вошла в квартиру, Сергун ударил хахалю по затылку рукояткой нагана. Девушка взвизгнула, ей тут же заткнул рот Мерин. Тут же к ним вышел Белка.

— Так, кто здесь у нас? — спросил бандит. — Ты племянница Эбермана?

— А вы кто?

— А мы — это Иван Тихонович Белов, по прозванию Белка. Не слыхала? Где цацка, говори!

— Какая цацка?

— Тритон! Вспомнила?

— У дяди.

Белка ударил девицу по лицу. Несильно, так, чтобы почувствовала, кто здесь главный.

— Поручик его прикнукал, поняла?! Зажмурился твой дядя! И ничего при нем не оказалось! И вы щас с хахалем зажмуритесь, если я не узнаю, где тритон. Мерин, обшмонай ее.

— Не надо! — испугалась девица. — Он у меня.

— Давай сюда!

Девушка порылась в вязаной сумочке через плечо и вытащила оттуда черный фланелевый кошелек. Белка вытряхнул содержимое себе на руку.

Цапка оказалась холоднющей, будто со льда, но при этом приятной на ощупь — будто жучок в кулаке щекотала кожу.

— Вот те нате хрен в томате, — удивился Белка. — Ну и хрень. И почему она такая дорогая?

— Не знаю, — пискнула девушка.

— А кто знает?

— Он, — и девушка ткнула пальцем в хахалю.

— А он кто?

— Покупатель. Сказал, что миллион может дать.

— Такой сопеля? Сергун, подними его.

Сергун нагнулся, ухватил парня за шкурку и поднял. Белка несколько раз шлепнул покупателя по щекам.

— Эй, просыпайся, приехали.

Парень открыл глаза, с трудом сфокусировал зрение на Белке — и снова закрыл.

— Эй-эй, не спать! — Белка снова похлопал хахалю по лицу. — Меня сегодня неласково разбудили, и я сам никому спать не дам. Говори — сколько стоит тритон?

Парня здорово штормило. Белка с упреком посмотрел на Сергуна — переусердствовал. Лицо у хахалю вдруг сделалось несчастным, он дернулся, и Белка едва успел отскочить — покупателя вырвало.

— Ну ты свинья... — поморщился Белка.

— Водички бы...

— Перебьешься. Говори — сколько стоит тритон?

— А он у тебя? Ой, мама... — парня снова вырвало.

— Ну и хрень! — лицо у Белки тоже стало несчастным, но он сдержался.

— Триста пятьдесят тысяч дам. Золотом, — сказал парень, отплевываясь.

— Мне говорили, что миллиона не жалко.

— Миллион моя голова стоит, а вы ее сломали, — простонал покупатель. — По доброте душевной я тебя прощу и даже денег дам, но миллион — перебьешься. Буэ...

Белка озадачился. Купец оказался под стать поручику — ничего не боится, гнет свою линию. Не этого ли парня имел в виду поручик?

— Ты поручику миллион предлагал!

— Поручик меня по голове не бьет.

— Мы извинимся. Виноваты, думали, что ты мент.

— Много мне с ваших извинений. Буэ... Вот, видишь — блюю. Это значит — сотрясение мозга. Триста пятьдесят тыщ, ни копейкой больше.

— Давай пятьсот!

— Тогда я приголублю того, кто меня приголубил, в качестве компенсации.

Сергун встретился глазами с главарем — мол, ты же так не поступишь?

— Если в качестве компенсации, то тогда миллион, — решил Белка.

— Договорились.

— Ванюрик, ты чего? — насторожился Сергун.

— Надо, Сергун, надо. Миллион на дороге не валяется. Зато потом можно хоть в Ниццу съездить, голову подлечить.

— Ванюрик, ты чего? Ты же сам сказал...

Белка взвел курок:

— Отдай ствол. Нет, погоди, патроны достань сначала. А то как бы греха не вышло.

Сергун послушно вытряхнул патроны из барабана и отдал наган жертве.

— Повернись, бугай, — сказал покупатель, перехватывая наган за ствол. Когда Сергун послушался, он со всего маху врезал бугаю по затылку. Сергун закатил глаза и упал в блевотину. — Хорошо-то как стало, — покупатель вернул ствол Белке.

Бандит в этом уверен не был.

— Жду вас через неделю на Стрельне, — продолжал купец. — Деньги будут упакованы...

— Ну-ка, тормози, — оборвал его Белка. — Никаких через неделю. Сегодня ночью или никогда. И не в Стрельне, а в Лигово.

— Вы в своем уме? Я и триста пятьдесят за день не соберу. Будьте разумны — я прошу вполне реальный срок. К тому же я в Лигово никого не знаю, не могу же я...

— Слушай меня, фраер. Компенсацию ты уже получил, и условия сделки определяю я.

— Почему это вы?

— Потому что у меня краля твоя. И если ты начнешь выкобениваться, она до завтра тебя не дождетсЯ.

— С чего вы решили, что она моя краля? — усмехнулся купец. — Делайте с ней, что хотите.

— Мерин, отрежь ей ухо.

Девница завизжала, Мерин осклабился и полез за ножом.

— Ладно, раскололи, — сознался парень. — Оставьте ее. Ева, не бойся, я все сделаю.

— Вот так лучше. Золото ты явно не на поезде повезешь, так что ждать тебя будем на развилке Петергофского и Таллиннского. Ровно в полночь. Все понял?

— Все.

— И учти, если ментов приведешь... — Белка чиркнул себя по горлу большим пальцем.

Кое-как вернув Сергуна в чувство, бандиты ушли, уводя с собой Еву. Богдана снова вырвало, и он направился на кухню умыться. Из комнаты опасно выглядывали соседи, но выходить не решались.

Несмотря на зверскую боль в голове, в мыслях у Богдана воцарилась редкая ясность. Все сложилось. Какой же он был дурак, что не надел петуха, мог бы и без этого мордобоя обойтись, но зато теперь он все понял. И от понимания этого голова болела все больше. На всякий случай он повесил талисман на шею. И вовремя, потому что хлопнула входная дверь и в квартиру влетел кто-то еще.

— Иванов, я здесь, — крикнул Богдан.

Шаги стали тихими.

— Не крадись, я без оружия.

— Откуда мне знать? — послышался голос из коридора.

— Ниоткуда. Я знаю, что ты за тритоном пришел.

— Он у тебя?

— Нет, у Евы... или как там его... они только что ушли.

— Я тебе не верю.

— Не верь, мне-то что.

Незнакомец потоптался в коридоре.

— Что здесь произошло?

Богдан потрогал огромный шишак на затылке.

— Да так, деловые переговоры.

— Не стреляй, я захожу.

Некоторое время они молча разглядывали друг друга.

— Это ведь не ты Скальберга убил? — спросил Богдан.

— Нет, — ответил Иванов.

— А старика зачем?

— Он сам. Сердце не выдержало.

Богдан кивнул. Теперь все окончательно прояснилось.

— У Белки в Лигово малина? — уточнил он.

— Да.

— И ты там был?

— Был, — кивнул Иванов.

— Мне очень туда нужно. Отведи, а? Только ты и я.

— Зачем тебе?

— А я любопытный. Я теперь все-все знаю, только где бандиты прячутся, не догадался еще. А остальное могу рассказать.

— Только быстро. Я тороплюсь.

— Я тоже. Но должен я хоть с кем-нибудь поделиться? На самом деле все просто...

1920 ГОД. НА САМОМ ДЕЛЕ

Решение, сам того не подозревая, предложил Эвальд. Он сказал, что никто не может знать, что тритон — у дяди Леннарта. Коллекцию Булатовича спер не он, возвращал тоже не он, а что хранилась она в дядином тайнике — так об этом только четверо знают, и им болтать о своем преступлении смысла нет никакого. Так что не стоит беспокоиться.

Беспокоиться Леннарт Себастьянович не перестал, но зато придумал, как себя обезопасить. В Скальберге и Эвальде он ни капли не сомневался, а вот жадные Куликов и Сеничев дядю Леннарта тревожили. И однажды, устав от постоянного ожидания предательства, Леннарт Себастьянович зашел в пивную, где играл на баяне душегуб Шурка Андреев.

— Есть дело на сто тыщ, — сказал дядя Леннарт.

Некоторое время Шурка-Баянист имел с самочинщиками общие дела и мог сработать «под Белку», чтобы не вызывать подозрений у уголовки. Леннарт Себастьянович не был мокрушником, но иного способа избавиться от опасных свидетелей, кроме как убить Сеничева и Куликова, не видел. На цене Баянист и Эberman сошлись быстро, и к концу мая оба клиента зажмурились, как полагается: наглухо и с уведомлениями.

Вот только облегчения Эbermanу это не принесло. Опасения потерять тритона росли и множились. Ему казалось, что Скальберг слишком пристально за ним наблюдает, иногда в окне

напротив Леннарту Себастьяновичу мерещилось лицо сыскаря. Шурка и вправду проявил беспокойство: передал через Эвальда, что Ванька-Белка, по всей видимости, пронюхал про артефакт и всем сейчас грозит опасность.

Леннарт Себастьянович занервничал — неужели Скальберг догадался? Эвальд, расценив переживания дяди как страх перед Белкой, сказал:

— Дядя Леннарт, ты что, не понимаешь? Ты сейчас вообще в полной безопасности. Если к тебе до сих пор никто не пришел, значит, Куликов и Сеничев не проболтались. Жаль, сбежать за границу не успели, так бы можно было слух пустить, что они с собой тритона увезли, поди проверь. Ну да ладно, Скальбергу скажем, что вернули предмет на место, и все снова станет по-старому.

Ну конечно! Если Скальберг исчезнет, все подумают, что он и украл предмет! На него ведь падало уже подозрение! Дядя Леннарт радостно потер руки.

Услышав имя Скальберга, Баянист сначала усомнился. Скальберг слыл неприкасаемым — еще никому не удавалось застать его врасплох. Но Леннарт Себастьянович сказал, что сам приведет его.

Шурка клюнул сразу. Еще бы — дядя Леннарт чуть ли не на коленях к нему приполз просить прощения за упрямство и рассказал, что разговаривал с девицей, которая работает на Белку, и эта девица сильно обижена из-за несправедливого дележа и готова сдать пахана.

На встречу Скальберга повел сам дядя Леннарт. Конечно, адрес Шурке не понравился, но он был переодет, с повязкой на щеке и с накладной бородой.

— Последний этаж, квартира прямо, — сказал Эberman, открывая дверь в подъезд. — Как зайдешь — махни через окно. Если не махнешь — сразу за милицией побегу.

Шурка покачал головой — мол, дядя Леннарт, какую чепуху ты несешь — и скрылся в подъезде. Больше Эберман его не видел. Однако кошмар для дяди Леннарта на этом не закончился. Утром Эвальд, который давно уже жил у дяди, — тот боялся оставаться один — выглянул в окно.

— Чекисты шумят, — еле слышно сказал он. — Наверное, записку нашли.

— Чекисты? Какую записку? — не понял спросонья дядя.

— Которую я от тебя Скальбергу передавал, помнишь? С приглашением на встречу. «Шурка, приходи завтра в 8 часов вечера на Таиров переулок, дом 3, где ты получишь важный материал по интересующему тебя большому и таинственному делу». У тебя, дядя, настоящий талант.

— Ты прочитал?

— Конечно. Дядя Леннарт, ну неужели ты думаешь, что тебе самому пришло в голову, что надо избавиться от Скальберга и тех двоих?

Эвальд не был похож на самого себя. До сих пор он выглядел мягким и нежным, но вдруг стал твердым и грубым. Он смотрел дяде в глаза и не моргал.

— Ты? Что ты сделал? — испуганно пролепетал Леннарт Себастьянович.

— Я? Ничего. Я только подсказал тебе, как следует поступить, чтобы стать невидимым. Ты, как умный человек, правильно воспринял мои намеки, и вуаля — мы теперь одни.

— Ты меня заставил!

— Нет. Ты все решил и сделал сам, я лишь подсказал тебе направление.

— Но зачем?

— Дядя, рано или поздно все, что знают хотя бы двое, становится известно всем. Я просто решил сократить риски. Я ждал

три года, надеясь, что Советы загнутся. Похоже, что они пришли надолго. Опытные генералы и солдаты не могут сокрушить безграмотное быдло, видимо, эти перемены нужны кому-то, кто выше всех нас. Я хочу провести конец времен в уютной и благоустроенной стране, ни в чем себе не отказывая. Я даже вас готов забрать. Отдайте мне тритона. Я скопирую в музей какое-нибудь золотое кольцо или камень, все, что угодно, и мы будем богаты до конца своих дней.

Была в словах племянника такая сила, что сердце Леннарта Себастьяновича дрогнуло, и он отдал артефакт племяннику. Удивительно, но ему стало легче. Будто таскал на себе тяжкий груз и вдруг освободился. А потом вновь затосковал.

— Баянист, — сказал он.

— Что — Баянист? — спросил Эвальд.

— Если его поймают, он меня сдаст.

— Не сдаст.

— Почему?

— Во-первых, пока его еще поймают. Во-вторых, даже если поймают, что он скажет? Вас кто-нибудь видел вдвоем?

— Н-нет.

— А раньше вы были знакомы?

— Тоже нет.

— Его слово против твоего. Я всегда подтверждаю, что ты никогда не встречался с этим баянистом. Ну, а в-третьих, очень скоро мы уедем, и никто нас не найдет.

— Правда?

— Конечно. — Эвальд вновь стал таким, как был, — мягким и нежным. — Я уже приготовил несколько вещичек, довольно компактных, чтобы можно было вынести из музея. Мы уедем в Финляндию, а оттуда нам весь мир будет открыт.

Леннарту Себастьяновичу ничего не оставалось, кроме как верить племяннику. У племянника же были совсем иные планы, и спасение любимого дяди в них не вписывалось. К этому времени он почти подготовился к бегству. Но все же, чтобы уголовка не вышла раньше времени на дядю Леннарта, Эвальд побывал в пивной и передал Баянисту записку: «Если попадешься — держи язык за зубами, плачу вдвойне. В Крестах есть свой человек, он выведет».

В бывшую «Асторию» Эвальд ходил не просто так — потешить самолюбие. Он ждал именно иностранца, чтобы украсть у него документы. Опоить какого-нибудь венгра или американца, стащить документы, вклеить свою фотографию и пересечь границу. А за границей все решает золото. Он станет богатым и переплюнет даже Астора, в честь которого названа гостиница. Да что там — он купит и Астора, и его алмаз «Санси», он будет богаче Креза, Мидаса и Соломона!

Иностранцев долго не было. Приходилось иметь дело со всякими командирами и совдепами, ждать, пока они напьются вусмерть, раздевать догола, а утром щебетать — «ух, какой ты!» и убегать. Воровать он не решался — ему нужен был постоянный доступ в «Асторию», а попавшись на воровстве, можно было забыть о пути на свободу.

В тот день, когда Богдан его выследил, Эвальду повезло — он с ходу подцепил англичанина, изрядно уже нализовавшегося. Они мило щебетали друг другу всяческие скабрёзности, и англичанин предложил уединиться.

Язык его уже заплетался, и Эвальд решил — вот он, шанс. Он помог горе-кавалеру дотащиться до номера на третьем этаже, и тут кавалер вдруг ожил, начал позволять себе лишнее

и случайно обнаружил, что Эвальд не совсем то, чем кажется. Иностранец впал в ступор. Он ждал чего угодно, но такой пассаж сбил его с толку.

— What is this? — спросил иностранец, глядя на бутфорский бюст.

— Surprise! — Эвальд жалко улыбнулся и бросился бежать.

Молодой человек, отмазавший Еву от чересчур бдительного швейцара, оказался навязчивым, но небезынтересным. Он был не тем, за кого себя выдавал. Эвальду даже почудилось, что незнакомец его караулил. Особенно подозрительными показались разные глаза спасителя — зеленый и голубой, которые он старательно прятал за цветными стеклами пенсне. Необходимо было выяснить, кто этот парень и чего хочет.

Такого количества спиртного, которое выдул за один вечер разноглазый, на памяти Эвальда еще никто не мог выпить. Парень мешал всё подряд, глотал самогон, ликеры, вино и водку и никак не падал. Как бы не пришлось и от него драпать, думал Эвальд, уводя разноглазого в комнату. Но любопытство брало свое.

Выяснить удалось только то, что у незнакомца тоже имеется артефакт. Эвальд некоторое время боролся с желанием снять амулет, но побоялся разбудить. Чтобы хоть как-то компенсировать потерянный вечер, он забрал весь выигрыш кавалера и ретировался.

Утром он собирался бежать. Подозрительная активность вокруг раздражала, и следовало менять место обитания. Махнуть в Москву, туда все перебирались. А там, глядишь, и иностранца охмурить можно будет или фальшивый паспорт справить... Эвальд пришел в музей и стал выгребать из закутка в картотеке скопированное за четыре дня золото. Хм, за золото можно и не фальшивый, а очень даже настоящий паспорт сделать!

И вдруг такое разочарование — не успел. И чутье ведь не подвело — ментом оказался вчерашний спаситель. Пришлось вести его к дяде. Может, там получится отбояриться...

Богдан разливался соловьем. Он понимал — найти малину в Лигово невозможно. Иванов — единственный, кто знает, где хаза бандитов. Нужно было во что бы то ни стало расположить к себе поручика, чтобы он привел Богдана к банде.

— ...А когда он от Белки узнал, что ты его дядю прихлопнул, но на квартиру не заглянул, наш друг сразу понял — ты побежал за ним, в Эрмитаж. Да что-то задержался. Ты где несколько часов мотался?

— В Эрмитаже снова комиссия была из чека, — ответил Иванов. — Долго ждать пришлось, пока они там все обследуют. У Бенуа снова истерика — чекисты ищут такие же предметы вне коллекции. Дзержинский какой-то особый отдел организует по изучению этих артефактов. Он сначала не поверил, что Ева — вовсе не Ева. А потом рассказал, что ее жених увел. Это ты жених?

— Я.

— И что делать будем, жених?

— Тебе нужен тритон? Забирай, мне его к делу не пришить. А мне нужен этот клоун ряженный и Белка.

— Откуда я знаю, что ты меня ментам не сдашь?

— Ниоткуда. Мы прямо сейчас едем к Белке, вдвоем.

— Я и один справлюсь.

— Нет.

— Станный ты какой-то, — сказал Иванов. — Мне бы тебя придушить, но слишком любопытно, что ты дальше делать будешь. Идем.

1920 ГОД. СООБЩЕНИЕ

Массовой гибелью заключенных и наркотическим опьянением дежурной бригады в этот день не обошлось. Вернувшись со встречи на конспиративной квартире, Кремнев узнал еще о двух происшествиях, случившихся почти одновременно на противоположных концах Лиговской.

На углу Лиговской и Бассейной перестрелка. Сначала нашли труп застреленной, а потом раздавленной автомобилем женщины, на Бассейной. Убийца потом погнался за другой женщиной и настиг ее в подъезде дома на Преображенской, где застрелил прямо в лифте. Лица у второй нет, первую же, раздавленную, сразу опознали по татуировке. Антонина Миловидова, она же Тоська Шило, любовница Ваньки-Белки. Выяснилось, что буквально за несколько минут до гибели она была смертельно ранена в мансарде на Лиговской, 1. Там же нашли трупы трех мужчин, предположительно Федора Штукина, он же Федор, Василия и Юрия Ляпуновых, они же Ляпа и Бурый.

Известие заинтересовало Сергея Николаевича. Что это за роковые страсти с двумя женщинами и тремя уголовниками? И кто вторая баба? Очень интересно. Пока там не закончили работать криминалисты, Кремнев выехал к ним.

Сальников и Кирпичников с учениками уже осмотрели женские трупы и теперь возились в мансарде.

— Ну, что у нас плохого? — спросил Кремнев.

— Тут, судя по всему, было логово у Ваньки-Белки, — сказал Аркадий Аркадьевич. — Снаружи, смотрите — доски наколочены, вроде как забита хаза, а дверь открывается легко. Они еще и лестничный пролет захламили, чтобы никто наверх не поднимался.

— А вы как это богатство нашли?

— А как и вы — по следам крови.

Аркадий Аркадьевич открыл дверь и пригласил Сергея Николаевича внутрь.

— Тут какая-то античная трагедия разыгралась, типа «Медеи» еврипидовой. Кровищи море. Пожалуйста наблюдать альковную сцену.

Они прошли в спальню. Широкая кровать, вся скомканная и залитая кровью, а поверх еще и перьями усыпанная, напоминала скорее бойню на птичнике, чем любовное гнездышко. Два мертвых тела со спущенными штанами валялись по обе стороны постели, тоже усыпанные перьями.

— Тоську перед смертью здорово приласкали, в том числе опасной бритвой, вот этой, — Аркадий Аркадьевич ловко подцепил пинцетом с пола окровавленный инструмент. — Судя по всему, у нее под матрацем хранился револьвер.

Кремнев огляделся. Действительно, гильз нигде не было видно.

— Когда эти господа немного отвлеклись от парикмахерской деятельности, Тоська успела достать оружие и убила обоих.

— Через подушку, чтобы внимания не привлекать, — понял Кремнев. — Отчаянная баба.

— Не то слово. Видите кровавые следы? Тоська проходит на кухню с другой подушкой, стреляет два раза, промахивается, целится лучше и убивает Федора. У Федора в руках нож. Вы что-нибудь понимаете?

— Полагаю, что Федор с подельниками вычислили, где прячется Белка, и решили его навестить, — пожал плечами Кремнев. — В который раз убеждаюсь, что информированность в криминальной среде многократно превышает таковую в органах правопорядка.

— Меня вот еще что смущает, Сергей Николаевич, — подал из коридора голос Сальников. — Следы. Женские туфли. На Тоське были ботинки.

— Вторая женщина? — удивился Кремнев. — Думаете, та, из лифта?

— Надо будет у нее подошвы проверить. Если это она, должны остаться частицы известки. Но готов спорить, что это она.

— Погодите... — Кремнев вспомнил утренний разговор с Петрусовым. — Алексей Андреевич, труп женщины из лифта уже в морге?

— Думаю, что да, — ответил Сальников.

— Сдается мне, что мы ее тоже очень быстро идентифицируем. Или я что-то путаю, или в лифте не кто иная, как сама мадам Прянишникова.

Асы уставились на коллегу.

— Она же парализованная, — высказал общую мысль Кирпичников.

— Отнюдь. Бодра и полна сил... была, если я правильно все понял.

— Она что, в мокрушницы подалась? В атаманши?

— Полноте, Аркадий Аркадьевич, они все сейчас масть меняют. В любом случае труп нужно дактилоскопировать и сравнить отпечатки. У нас ведь имеются отпечатки Прянишниковой?

— Имеются, — ответил Сальников.

— Тогда я своего протеже навещу. Удачи вам, господа.

— Увидимся, Сергей Николаевич.

Протеже, как называл очередного своего выученика Кремнев, делал обход. Почти все домочадцы родились слепыми и глухими, так что на свидетелей полагаться не приходилось. Все, что было известно о трагедии, агенты знали со слов уличной пацанвы.

— Машина стояла там, на Бассейной. Мужик с бабой на руках выпали на Лиговскую, потом он потащил будущий труп...

— Андрей, вот давай без этого — «будущий труп», «бывший человек». Ты сыскарь, а не репортер бульварной прессы.

— Извините, Сергей Николаич. Словом, мужик бабу потащил на Бассейную, увидел грузовик, потребовал везти в Мариинку. Выгнал из кабины другую бабу, та побежала, мужик за ней. В это время первую бабу, которую мужик на руках нес, из машины водитель вытолкнул и переехал ее. Мозги — на пол-улицы.

— Подробности не смакуем.

— А мужик за бабой другой все равно гонится. Та в подъезд, он за ней. Может, если бы в том подъезде черный ход не заколотили, она б сбежала, а так — четыре выстрела в башку, вся кабина в красном.

— Не смакуем.

— Вот и все. Но писать протокол не получится — свидетелей все равно нету.

— Оформишь как донесение осведомителя. Все у тебя?

— Все.

— Выясни, что за автомобиль, куда поехал. Ему сейчас надо отмыться — наверняка и кабина в крови, и все остальное. А я пока на Лассалья. И давай уже, закругляйся здесь — работы много.

Вторым происшествием была смерть старьевщика с Тамбовской. Тележка стояла на Расстанной, сам старьевщик в полулежащем положении найден на Тамбовской, напротив своего дома.

С виду смерть была от естественных причин, куча народу сразу опознала покойника как Леннарта Себастьяновича Эбермана, и тело увезли в городской морг, оставив сообщение соседям.

Смерть второго старого знакомого за одно утро Сергея Николаевича насторожила. Такие пары не могут быть случайными. Кремнев приехал в морг. Там ему сказали, что вскрытие старику еще не делали, но, судя по внешнему виду, преставился от сердечного приступа. Чтобы переварить и сопоставить два этих события, сыщик решил пройтись до конспиративной квартиры и дожждаться там Перетрусова, с которым договорился встретиться в два пополудни.

Но Перетрусов не пришел ни в два, ни в три часа. Это еще более обеспокоило Кремнева, и он вернулся на Лассаля.

Там его ждало третье известие: на квартиру Эбермана совершено разбойное нападение.

— ...А я такая говорю — вон, Ева идет, она все знает, — причитала соседка. — Заходят они такие...

— Она что, не одна была?

— С кавалером была, ага. Заходят они такие, а нас бандюки эти уже в комнате закрыли-и-и... — Баба тихонько принялась подвывать.

У Кремнева уже голова болеть начала. Баба причитала, бештанная команда пацанов бегала кругами вокруг сыщика и орала как оглашенная.

— Уймите детей, мешают, — попросил Сергей Николаевич.

— А ну, быстро заткнулись все! — От грозного окрика мамыши даже сам Кремнев слегка присел. — Пока бошки не поотрывала!

Мелочь как ветром сдуло.

— Сколько их было?

— Кого? Бандюков? Три штуки. Я ж не знала, товарищ, они ж бумажками своими потрясли — обыск, говорят, Эберману делать будем. А вы как хотите, а я завсегда знала, что этот Эберман — буржуй недобитый. Одно слово — еврей.

— Он швед, — машинально поправил Кремнев.

— А какая разница?

Спорить Кремнев не стал. Его интересовал спутник Евы.

— А что за кавалер-то был?

— Евкин-то? Ну, такой, ничего себе, молоденький, ладный весь из себя. Со стекляшками на носу, как у слепого. Я ж его вблизи-то и не видала, нас как в комнату загнали, я и дышать боялась. Малых в шкаф заперла, думаю — если убивать придут, глаза повыцарапаю.

— Раньше кавалера того видели?

— И-эх, — тяжело вздохнула баба. — Кабы я такого раньше увидела, думаете, жила бы щас со своим паразитом? Ну вот почему Евке этой такой дроля достался, а мне омморок один, а? Уж я бы такого бы держала, да не отпускала...

— Не отвлекайтесь, любезная. Дальше что было?

— Так я ж и говорю: заперли нас. Только и слышно в коридоре-то — ругаются, спорят, Евка визжит. Я думаю — ну, сейчас насильничают ее, а потом за меня примутся. Им-то, бандюкам, известно, одно на уме. А потом слышу — вроде спокойно стало, ушли. Понятно, выглянули мы, посмотреть. А коридор заблеван весь, и кавалер на кухню в сапогах своих поганных проперся. Слышу — вода потекла, он зафыркал весь. Думаю, ну сейчас как выйду, как наведу шороху! А тут дверь опять открывается, и забегает еще один. Я уж от греха подальше опять дверь на щеколду замкнула, думаю — щас окно открою, на всю Тамбовскую голову буду. Думала, снова да ладом щас начнется. А они вместо этого на кухне сели и давай лясы точить!

— О чем?

— Да разве оне докладывались?! Я слышу, что нормально говорят, вроде как и убивать никого не собираются. А в коридор все равно выйти боюсь. Сами ж видите — малые у меня все, на кого мне их оставлять-то? На ирода своего пьяного?

Баба опять начала сползать в истерику.

— А второго вы видели?

— Не, темно же, в коридоре-то. Но издаля слышала, что кавалер его по фамилии назвал, вроде Иванов.

— Иванов?

— Я не знаю, не слышала. Где кухня, а где я. И дверь на щелчке.

Кремнев понял, что окончательно запутался. Что Белка искал у Эбермана? Прибежал-то явно не просто так. Зачем напал на племянницу? И почему оставил в живых кавалера? В том, что в роли кавалера выступал Перетрусов, Сергей Николаевич почти не сомневался. И уж совсем непонятно, откуда вывалился этот Иванов.

Пока Сальников и Кирпичников колдовали в комнате Эбермана, Кремнев прошел на кухню. Если этот неизвестный Иванов тоже прискакал к Эберману, значит, старый мошенник представлял интерес не только для Белки. Перетрусов и неизвестный Иванов сидят на кухне, потом вместе куда-то уходят. Богдан должен знать, что скоро на квартиру приедет уголовка. Он должен оставить сообщение, незаметное для собеседника.

— Алексей Андреевич! Аркадий Аркадьевич! — позвал Кремнев.

Коллеги пришли на кухню.

— Как вы думаете, где можно оставить сообщение, на виду, но незаметно.

Асы огляделись. Запыленное окно, пол немыт, побелка на стенах уже обтерлась и изрядно засалилась. Водопровод и печь вне подозрений. Мебель: захламленный буфет, кухонный стол, накрытый газетами, заляпан; несколько табуретов вокруг.

— Можно карандашом на столе написать, — предложил Кирпичников.

— Только что смотрел, нету надписей, — ответил Кремнев. — Да и как ему писать — руки-то все время должны быть на виду.

— А как еще сообщение передать, ногами, что ли? — удивился Кирпичников.

— Точно, ногами! — обрадовался Сальников и упал на колени. — Сергей Николаевич, смотрите!

Кремнев не стал бухаться на колени, а просто наклонился.

На грязном полу большими кривыми буквами было выведено — «Лигово».

— Что это? — спросил Кирпичников.

— Сдается мне, это адрес, — сказал, поднимаясь с колен и отряхивая холщовые наколенники, Алексей Андреевич. — Но какой-то слишком приблизительный.

— Лигово... что же, весьма похоже, — согласился Аркадий Аркадьевич. — Кажется, Скальберг говорил, что малина у Белки именно в том направлении.

— Как вы собираетесь искать малину в Лигово без точного адреса? — спросил Сальников. — Там больше сотни дворов, еще больше заброшенных дач. Я там был недавно, удручающее зрелище.

— Если потребуется — весь поселок прочедем, — сказал Сергей Николаевич. — Мы Скальберга потеряли, агентами такого уровня разбрасываться нельзя.

— Там что — один из наших? — спросил Кирпичников.

— Лучший из наших.

Когда они вернулись на Лассаля, Кремнева уже ждали.

— Сергей Николаевич, — сказал дежурный. — Звонили из Лигово, с железнодорожной станции, какой-то Пантелеев. Мокрое, красное.

Кремнев бросился к телефону и потребовал связи.

— Алло! Там у вас наш человек. Да. Пантелеев? Ты нашел? Прямо дом? Таллинское? А незаметно подобраться можно? Что?! Давно? Оружие есть? Тогда жди нас на станции, отправляемся немедленно!

Кошкин, стоявший рядом, спросил:

— Белка?

— Да, — кивнул Кремнев. — Там Перетрусов. Он сообщение отправил.

Ни один мускул не дрогнул на лице Кошкина.

— Остается лишь дежурная группа, — громко объявил он. — Остальные — проверить оружие и по машинам. Командовать буду сам.

1920 ГОД. МАЛИНА

Несмотря на то что день начался из рук вон, Белка окончательно убедился в своем фарте. Подумать только — мог валяться сейчас на Лиговке с отрезанной башкой, если бы у Тоськи, царство ей небесное, не лежала под матрасом волына. А ведь сам Белка еще и недоволен был: мол, что за дела, зачем? Век за тебя, Шило, бога молить буду.

А теперь Белка точно король! Конечно, фраер этот, купец, миллион вряд ли притащит. Но триста пятьдесят косых — всяко разное. Одна малина — не жить им. Сегодня у Белкина настроение не то. У него сегодня личная жизнь не сложилась.

Хотя, если подумать, племянница у старьевщика очень даже ничего себе. Да и Белка сам, несмотря на синяки и ссадины, не самая худшая пара. Да что там — худшая! — любая баба жизнь отдаст за право называться подругой Ванюрика.

На берегу было тепло и спокойно. Затихла в заводи расплескавшаяся была щука, из трубы в доме только-только повалил сизый дым. Все это навевало на Белку романтическое настроение.

— А что, милая, может, ну его в пень, твоего женишка? — спросил Белка, войдя в дом и присаживаясь на диван рядом с напуганной Евой.

— В каком смысле?

— Да ты не бойся, я не обижу. Все знаю, что я с бабами обхождение ценю. Ты меня послушай — зачем тебе этот дрищ сдался? Его соплей перешибешь. Ты держись лучше меня, я мужик надежный, не бедствую, в обществе уважаемый.

— Как вы смеете!

— Да ты не гоношись, подумай лучше. Все равно ж так и так моя будешь, зачем удовольствие себе портить? А не будешь ломаться, мы твоему студенту ничего не скажем.

Ева вжалась в угол.

— Погоди, может, тебе выпить лучше? Я знаю — трезвые-то бабы все ломаются, будто королевы. А винца хлопнут — и тут уже сам не знаю, куда от них деваться, прям на части рвут. Мерин, притащи вина, у нас тут романтика!

Мерин ушел в другую комнату, позвенел посудой и принес бутылку красного.

— Ну, чего стоишь? Открой и выйди, не видишь — барышня стесняется!

Ударом ладони в дно бутылки Мерин выдавил пробку из горлышка. Ухватившись крупными, как у лошади, зубами за пробку, он со звонким чпоканьем откупорил вино и поставил его на стол.

— Предупреди там, чтоб нам не мешали, — велел Белка, и Мерин, закрывая дверь, сально улыбнулся.

Белка взял бутылку со стола и вытер горлышко рукавом.

— Учишь его, учишь, а он обязательно брылами своими всю бутылку обслюнявит, — пожаловался он и сделал большой глоток. — На, пей.

— Я не хочу, — сказала Ева.

— Пей, говорю, не то силой залью! Ну?!

Ева, давась, сделала несколько глотков.

— Так-то лучше, — Белка бухнулся на диван рядом с Евой и положил руку ей на плечо. Ева попыталась освободиться, но Ванюрик держал крепко. — Да не трепыхайся ты, я ж ведь даже не начал еще. Выпей пока что, самой легче станет.

— Отпустите меня. Я никому-никому не расскажу.

— Милая, я бы отпустил, но вот эти быдланы — они против будут. Мы люди лихие, у нас вся добыча поровну. Меха, тряпки, цацки, бабы — все общее. Нет, конечно, если ты любишь компанию — это я только рад. Но мне обидно будет, если ты им ласку подаришь, а меня вот так грубо отошьешь. А меня обижать ой как опасно! На, выпей еще. Да больше, больше!

Девушке вновь пришлось сделать пару глотков.

— Видишь, ничего ведь страшного, — полушепотом сказал Белка и прижал Еву к себе. — Ну, поцелуй меня. Да не бойся ты, не отравишься!

Сграбастав отбивающуюся девицу, Белкин впился губами в ее рот и принялся шарить по телу прекрасной заложницы руками. И вдруг замер, сжимая в руках упругий кусок ткани.

Дикий вопль страха и негодования пронесся над старицей. Дверь домика с грохотом распахнулась, и на дощатый настил выпала пленница бандитов. Бандиты недоуменно смотрели на своего пахана, ожесточенно трущего губы рукавами и брезгливо отплевывающегося.

— Че, Ванюрик, кусается краля? — спросил кто-то. Все заржали.

— Завали хлебало! — окрысился Белка. — Это не баба, это переодетый мужик.

С этими словами Белкин подошел к поверженной пленнице и сорвал у той с головы парик. Под париком остался ежик светлых волос. Все ахнули, кто-то начал креститься:

— Тьфу-тьфу-тьфу, грех какой!

Вряд ли Эвальд думал, избирая способ маскировки, что может когда-нибудь попасть в такую ситуацию. Даже во время бегства из Зимнего он не чувствовал себя в большей опасности.

— Не трогайте меня, я все объясню!

— Что ты нам объяснишь, паскуда? Что честных мужиков позоришь, племя содомское? — гневно ревел Белка. — Да тебя за это на кол посадить мало.

— Да я же и не напрашивался, — оправдывался Эвальд, отползая от надвигающихся на него мужиков. — Не я же целоваться лез.

— Ах ты мразь! — рассвирепел Белка. — Дай мне, Сеня, финку... Эх, даже жаль, что хахаль твой этого не видит. Посмотрел бы я на его харю.

— Он знает, — сквозь слезы ответил Эвальд.

— Чего?! — обомлели бандиты. — Вы что, совсем, что ли?!
Режь его, мужики!

— Да вы не поняли! Не хахаль он мне! — заорал Эвальд. — Когти надо рвать отсюда, это мент был!

Белка вскинул руку вверх — стоп!

— А какого ляда ты его раньше не сдал?

— Думал, от вас убежать сумею.

— Он нас за дураков держит, мужики! Режь его!

— Убьете меня — не видать вам денег!

— Какие деньги?! Сам говоришь, что это мент.

— Да он вам все равно ничего бы дать не смог. Вся ценность в цацке!

— Ага, рассказывай!

— Да послушайте меня, идиоты! — срываясь на визг, выкрикнул Эвальд, и эхо от его голоса разнеслось по всей старице. — Вы

все можете стать богатыми, как Рокфеллер, только уходить надо отсюда! Я все объясню, но не здесь!

— А чем здесь плохо? Твой мент только через семь часов приехать должен, время есть.

— Думаете, он до полуночи ждать будет? Он уже весь поселок прочесывает, наверное!

Бандиты посмотрели на пахана. Белка задумчиво теребил подбородок. Потом сказал:

— Нам терять нечего. Объясняй сейчас, пять минут погоды не сделают. Но попробуешь обмануть — мы тебя щуке на прикорм оставим, понял?

Эвальд истоиво закивал.

— Только мне тритон нужен, чтобы объяснить.

— А вот моего тритона, Ева Станиславовна, трогать не надо, — донеслось с обрыва, и в воздухе завоняло нужником.

Все обернулись на лестницу, по которой спускался поручик.

— И биться сердце перестало, — ухмыльнулся Белка. — Поручик, ты что, не помнишь, что я тебе говорил?

— Помню, — улыбнулся незванный гость. — Только для тебя не поручик, быдло ты подзаборное, а «ваше благородие». На колени можешь не падать, поручик Гурбангулы Курбанхаджима-медов раболепия не признает.

— Парни, на пики его, — приказал Белка, но в это время на мостках стало душно. Даже не душно, а вообще нечем дышать от всепоглощающего зловония, от которого слезились глаза, першило в горле и выворачивало кишки.

— Всем стоять на месте. Вы мне абсолютно неинтересны, и я не собираюсь вас убивать, хотя, признаться, проще и спокойнее было бы перетравить вас здесь, как тараканов, — сказал поручик. — Мне нужна только моя вещь, и я ее заберу. Белка,

я тебе говорил — тебя погубит жадность. Теперь ты понимаешь, что я прав, а ты — дурак? По глазам вижу, что ничего ты не понимаешь. Тем хуже для тебя. Отдай тритона, и, может быть, я тебя не убью. Ну?

Поручик слишком долго испытывал чувство превосходства над противником, поэтому немного расслабился и утратил контроль над ситуацией. Да бандиты и сами забыли о Сергуне, которого уложили в дальней комнате отдыхать после жестокого удара по затылку. Сергун очнулся и пытался понять, где он находится. Когда до него дошло, что братва его не бросила и привезла на малину, Сергун исполнился к ним искренней благодарности.

Он встал с широкой скамьи, на которую его уложили, и, покачиваясь, пошел посмотреть, что за шум снаружи. По пути он обнаружил початую бутылку вина и с огромным удовольствием всосал ее содержимое. Стало заметно легче.

И только после этого он увидел в приоткрытую дверь, что все его подельники стоят, безвольно опустив руки, а перед ними качает права поручик, дерзкий не по масти. Сергун оценил вес пустой бутылки, покачав ее на руке, и начал осторожно выходить из дома. Никто его не видел, все взгляды были прикованы к Белке, который доставал из кармана тритона.

— Медленнее, — говорил поручик Курбанхаджимамедов. Он наслаждался триумфом. Сейчас он снова ощутит в своей ладони холод и вибрацию, а потом заставит всех корчиться от удушья.

Тритон лег в подставленную ладонь. В воздухе что-то загудело.

— Эй, — окликнули поручика, и он резко обернулся — для того только, чтобы пустая бутылка от вина врезалась ему в лоб и он без сознания упал на доски рядом с Эвальдом.

Никто не обратил внимания на то, что упали на настил две бутылки вместо одной. Все были заняты тем, что пинали,

топтали тело поручика ногами, втыкали в него ножи и заточки. Спустя пять минут обезображенный труп лежал рядом с Эвальдом, а бандиты стояли вокруг и тяжело дышали от усталости.

— Ну, Сергун, ты молодца, — похвалил старик Военко. — Я уж думал, совсем нам хана.

Вместо ответа Сергун громко рыгнул. Бандиты заржали.

— С меня причитается, — сказал Белка. — Ух, фартит мне в последнее время, просто страсть, как фартит. Пошли, накатим по соточке, чтоб расслабиться.

Все его горячо поддержали. Но тут вмешался Мерин. Он взял за шкурку дрожащего от страха Эвальда:

— Ванюрик, с этим-то что делать будем?

Белка, признаться, и забыл о заложнике.

— С этим? Эх, жаль, что не баба, там бы ясно было, что с ним делать. Пусть сначала расскажет, чего хотел. Разожмите кто-нибудь руку его благородию.

Двое бросились исполнять. Кулак поручика оказался крепко сжат и холоден, будто Курбанхаджимамедов, или как он там себя назвал, успел окоченеть.

— Ножом поддень!

— Так отрежу пальцы же.

— Че ты ссышь, будто никому раньше не резал.

— Тогда руку держи. Вот так.

Пальцы один за другим падали на настил. Показался хвост ящерицы, обгаренный кровью, потом тело.

— Выдергивай! Есть!

— О, смотрите, а у Фомы глаза цвет поменяли.

— И правда!

Фома отбросил от себя тритона, тот как-то странно упал — тяжело, со стуком, будто гирю уронили.

— Чего, кусается? — засмеялся старик Военко.

Фома испуганно посмотрел на всех:

— Т-током ударило. Ей-богу, не вру. Слышь, Ванюрик, может, ну ее в пень, цацку эту.

— Тебя не спросили, — ответил Белка. — Ну что, барышня? Показывай, чего хотела.

Бандиты снова весело засмеялись удачной шутке.

Именно в этот момент с обрыва донеслось:

— Атас, облава!

1920 ГОД. КОНЕЦ БЕЛКИ

По дороге в Лигово Кремнев с Кошкиным опять начали спорить.

— У них Перетрусов, нельзя шмалять во все, что движется, — сказал Сергей Николаевич. — Вообще мне не нравятся все эти ваши силовые операции. Преступника надо брать, как это делал Скальберг — дома, из постельки.

— Я не могу дать уйти бандиту только потому, что мой агент окажется под ударом. В конце концов, Перетрусов не маленький, сам знал, на что идет. Я, между прочим, за чужими спинами не отсиживаюсь, если вы это имеете в виду.

— Я, Владимир Александрович, имею в виду, что вы в войнушку не наигрались, очевидно. Вам все пострелять охота. Уголовный сыск — пора бы уже и запомнить — в первую очередь работа головой, безо всякой стрельбы. Стрельба — это хаос, а хаос — это всегда непредвиденные обстоятельства. А должен быть порядок.

— Да, это война! И все это знают, только вы все время отгородиться желаете, чистеньким остаться. Между прочим, Скальберг моим заместителем был, хорошим заместителем. Не ровен час, меня на повышение переведут, я думал — Шурка прекрасным начальником будет, порядок в городе наведет. Нет, вы на него влиять начали. Если бы не это его чистоплюйство, глядишь, живой бы сейчас был! Все должны знать, что советская власть — это сила!

— Вот! Что и требовалось доказать! Власть — это сила. Поздравляю! То есть вы хотите, чтобы власть боялись. А я хочу,

чтобы власть уважали. Искреннее уважение никогда не базируется на страхе. Власть — это закон. Единый для всех!

— Сергей Николаевич, вы что хотите? Чтобы я отменил операцию?

— Я хочу, чтобы вы провели ее осторожно. Ну поубиваем мы всех, а что люди скажут?

— Спасибо.

— Да черта с два. Скажут — приехали чекисты, всех поубивали, не разбираясь. Страха это, конечно, нагонит, но вот уважения — ни капли. Потому что мы служители закона и должны предать бандитов суду, чтобы уже суд решал, что с ними делать. А иначе не закон получается, а кистень! Да-с, кистень!

Спор этот был бесконечным, Кошкин с Кремневым зацеплялись по данному поводу языками через день да каждый день.

Автомобиль остановился у станции. Там уже стояли начальник, патрульный и похожий на мокрую курицу парень одних с Перетрусовым лет.

— Это ты Пантелеев? — спросил Кошкин.

— Я.

— Начальник уголовного розыска Кошкин. Ты нашел хазу?

— Я.

— Далеко?

— Нет, товарищ начальник уголовного розыска, по Таллиннскому, не доезжая до Петергофского.

— На машине быстро доберемся.

— Только не на машине, товарищ начальник. Это дача, к ней дорога насыпная ведет. Если у них кто на стреме стоять будет — вас сразу срисуют, место открытое.

— Что предлагаешь?

— Если тихо по бережку пройти, то можно очень близко подобраться.

— Покажешь дорогу?

— Конечно, — сказал Пантелеев. — А где Богдан?

Кошкин с Кремневым переглянулись.

— Он там, на хазе, — сказал Кошкин. — Поэтому надо потопиться.

Кинолог с палевым Заветом пошли в передовой группе, вместе с мокрым Пантелеевым, Кремневым и еще парой опытных агентов. Они должны были разведать обстановку, потом подать сигнал основной группе, оставшейся ждать под прикрытием леса на шоссе. Завету отводилась самая важная роль — если бандиты смогут вырваться из оцепления, он должен был преследовать именно Белку.

Кремнева, пока их группа продиралась через травы и кусты, не оставляло чувство тревоги. Слишком легко Кошкин согласился на его план.

— Миленькие, давайте побыстрее, хорошо? — торопил он коллег.

В половине седьмого они наткнулись на Перетрусова. Тот сидел в зарослях ракиты и прислушивался к голосам, доносящимся с дачи. Кремнев едва не умер от счастья.

— Богдан, дурак ты этакий, как же у тебя ума-то хватило?! — шепотом хвалил он лучшего своего ученика. — Я ведь думал — ты прямо в пасть полез.

— Тихо, там другой человек в пасти... — сказал Перетрусов и увидел Леньку. Они только кивнули друг другу, будто виделись всего час назад.

В это время на даче началась потасовка. Видно ничего не было, только слышно: вот на доски с характерным стуком упали две пустые бутылки, и раздался гвалт, словно вороны слетелись на помойку.

— Черт! — выругался Перетрусов.

— Что такое?

— Все, надо идти, они там Иванова убивают!

— Стоять, — одернул ученика Кремнев. — Не спасешь уже и сам все дело испортишь. Девчонка у них?

— У них.

— Сейчас отправим Кошкину весточку и накроем всех сразу.

— Да пока он приедет, тут еще один труп нарисуетя!

— Ты знаешь, сколько бандитов?

— Человек пятнадцать, наверное. Может, больше.

— А нас всего шестеро. И что ты хочешь, штурмом их взять, чтобы нас, как куропаток, прихлопнули?

Спорили они недолго. Потому что кто-то заорал «атас, облава!» и началась стрельба. Тут уже выбирать не приходилось, и все шестеро ринулись вперед.

Разумеется, Кошкин не стал ждать сигнала. Он потерпел какое-то время, пока группа Кремнева углубится в лес настолько, чтобы поздно было возвращаться, а потом отдал команду выдвигаться самим.

Кошкин рассчитывал, что если наблюдателя бандиты и выставили, то автомобили, свернувшие на насыпь, он увидит не сразу, так как солнце будет светить в глаза. И Кошкин почти угадал, потому что стоявший на шухере Витька Шустрый, не выспавшийся в прошлую ночь, клевал носом и очнулся, только когда два автомобиля, полные вооруженных людей с красными повязками на рукавах, чтобы во время перестрелки не попасть в своего, остановились перед поваленным забором.

— Атас, облава! — заорал он и тут же упал, сраженный выстрелом в голову.

Началась перестрелка.

Агенты быстро рассредоточились по всему берегу. Огневой рубеж оказался превосходный: дощатый настил под обрывом прекрасно простреливался, однако там имелось несколько укрытий, включая дом на сваях. Лестница, ведущая с обрыва, тоже прекрасно простреливалась, но уже из окон дома, так что воспользоваться этим путём не представлялось никакой возможности.

Очень скоро стало понятно, что бой грозит превратиться в затяжную осаду, а когда солнце сядет, в старице будет достаточно темно, чтобы бандиты могли ускользнуть.

— Отставить огонь, — крикнул Кошкин.

Он схватил картонный рупор и крикнул:

— Белка, ты окружен. Сдавайся, а то гранатами закидаем.

— Нет у вас никаких гранат, давно бы закидали, — слышалось снизу.

— Ах, нету? — сказал Кошкин. — Ладно, сами напросились.

Вниз полетело несколько бутылок. Некоторые разбились, некоторые, подскочив, просто покатались по настилу. В воздухе запахло бензином.

— Считаю до десяти, — крикнул Кошкин. — На счет десять, если никто не выходит с поднятыми руками, поджигаю бензин, и горите вы синим пламенем, твари! Раз! Два!

Внизу заблажили, заматерились, раздалось несколько выстрелов.

— Не надо, не жгите, мы выходим! — закричал кто-то.

Дверь дома открылась, и оттуда, задрав руки в гору, появился Ванька Белка. Вслед за ним с вытянутыми руками из дома вышли еще восемнадцать человек.

— Вот они мы, берите!

— Поднимайтесь вверх, по одному. Руки держать так, чтобы их было видно.

Белка медленно пошел по направлению к лестнице. Кошкин слишком поздно понял свою ошибку: Белка щелкнул пальцами, и кто-то из бандитов бросил на доски зажженную спичку. Раздался хлопок, и бензин вспыхнул. В его пламени все бандиты бросились врассыпную, а агенты, на мгновение ослепленные вспышкой, не успели отреагировать. Через секунду началась беспорядочная стрельба, но чаще в молоко. Внизу еще немного мелькали тени, но быстро исчезли. Кошкин завыл от досады — сам же и провалил операцию.

Но тут из темноты кустов, растущих вдоль берега, раздался истошный вопль и рычание собаки, крики «Не двигаться, руки вверх!», несколько выстрелов и предсмертных криков. Это вмешалась группа Кремнева, которую Кошкин считал бесполезной.

Большинство бандитов застряли в илистой жиже. Тех, кто успел выскочить на твердую землю, задерживала группа Кремнева либо подстреливали агенты Кошкина. Труп Белки с повисшим у него на горле раненым Заветом нашли в едва заметном углублении в берегу. Видимо, Ванька давно облюбовал себе маленький схрон на случай облавы и хотел спрятаться, но Завет отыскал его по запаху.

Из агентов никто не пострадал. Уйти удалось двум бандитам, четверых, включая Белку, убили, тринадцать сдались. Труп неизвестного с обрезанными пальцами оказался водителем из уголовки, Ивановым.

— А где Перетрусов? — не понял Кошкин.

Кремнев начал оглядываться — и тоже не нашел ученика. Агент транспортной чека развел руками — нету.

— И племянницы Эбермана нет, — заметил Кремнев.

Уголовники наперебой начали кричать, что никакая эта лярва не племянница, а самый настоящий мужик, переодетый в бабу, чем еще больше запутали сыщиков.

Эвальда Богдан встретил на берегу. Тот, мокрый и жалкий, с отвисшей «грудью» и без юбки, вылезал из воды метрах в ста от дачи, в совсем одичавшем уголке старицы.

— Ну как, от всех свидетелей избавился чужими руками? — спросил Перетрусов.

Эвальд испуганно прижал руки к груди.

— Что тебе надо? — сказал он. — Денег? Я тебе дам золота, сколько хочешь.

— Золота? — усмехнулся Богдан. — Ты не поверишь — я золота много видел, и все мое было, пока не кончилось.

— Я дам тебе столько, что никогда не закончится.

— Сколько ни имей — все мало, — сказал Богдан. — Да ты не трясись, выходи. Я ведь тебе ничего, кроме того, что ты под чужим именем работал, предъявить не могу. Иди на все четыре стороны.

— Лучше убей, тритона я все равно не отдам.

— Не нужен мне твой тритон, мне и свой-то не нужен уже.

— А зачем тогда ждал?

— Убедиться.

— В чем?

Богдан и сам не был уверен, в чем он хотел убедиться. Скорей всего — в себе. Что не пристрелит этого маленького негодяя, не заберет у него артефакт, не получит удовольствия от убийства. Так и вышло — он изменился. Поэтому, широко улыбнувшись, он сказал:

— Проверить, что говно не тонет.

С этими словами Богдан Перетрусов, окончательно убедившись в том, что он действительно стал другим человеком, пошел туда, где его уже начали искать товарищи.

ЭПИЛОГ

Помимо того что старик Фогель был часовщиком, он имел еще маленькое, но очень прибыльное дело — плавил золото. На ювелира он выучиться не сумел — художественного вкуса не хватало, а вот плавить драгоценные металлы научился и помогал — за умеренную плату, конечно, — обращать ювелирное искусство в аккуратные золотые кирпичики.

Юное создание с вязаной сумочкой через плечо представилось Евой.

— Мне сказали, что вы можете мне помочь.

— Смотря чем, барышня.

— Вот.

Ева залезла в сумочку и достала оттуда увесистый бумажный кулек.

— Что это?

— Мне нужно, чтобы не было россыпью.

Фогель заглянул в кулек. Там было, наверное, штук сто абсолютно одинаковых золотых колечек.

— Вы что, милочка, ювелирную лавку ограбили?

Девушка покраснела.

— Да ладно вам, это не мое дело, я пошутил. Но у меня такса. Я возьму с вас, за вашу красоту, всего десять колечек. Договорились?

— Да, конечно!

— Подождите здесь, пожалуйста, через полчаса все будет готово. По весам проверять будем?

— Нет, я вам доверяю.

— Приятно иметь дело с культурными людьми.

Фогель взял пятнадцать колечек. Все равно эта дура не поймет. Остальное бросил в тигль и зажег под ним горелку. Через десять минут кирпичик был готов.

— Войдите, милая барышня, — позвал Фогель, когда слиток остыл.

Ева вошла в комнату и поморщилась. Да, пахло у Фогеля не слишком приятно, но деньги не пахнут, как говаривал император Веспасиан.

— Это ваше, — он подвинул гостю золотой кирпич.

— Какой большой! — удивилась Ева.

Только сейчас Фогель заметил, что у барышни тоже голубой и зеленый глаза, как у его бывшего постояльца, бандита Сергеева.

— Рад, что смог угодить.

Девушка дотронулась до кирпича. В комнате будто началась гроза — запахло озоном, и на столе вдруг оказалось два одинаковых золотых кирпича. Фогель часто заморгал и даже ущипнул себя, но видение не исчезло.

— Что это? — спросил он.

— Разве вы не видите — это золото.

Девушка сняла с шеи амулет в виде ящерицы и положила в свою сумочку. Глаза ее стали одинакового стального цвета. Она взяла по слитку в каждую руку, приблизилась к онемевшему Фогелю и с двух рук врезала слитками старику по вискам.

Она ушла. Труп старика обнаружили только через неделю, когда дышать в квартире стало нечем. Под матрасом у Фогеля лежали драгоценности, некогда спрятанные в часах мастером Ляйднером-Русским.

АЛЕКСЕЙ ЛУКЬЯНОВ

Родился в 1976 году в городе Брянске, однако зарегистрировано рождение было в поселке Дзержинский Люберецкого р-на Московской области. Закончил среднюю школу в поселке Тохтуево Соликамского района Пермской области, учился на филолога в Соликамском пединституте, но бросил на втором курсе.

После армии сменил несколько профессий, сейчас работает кузнецом на железной дороге. Член Союза писателей России с 2006 г. Первая публикация состоялась в 2000 году в журнале «Уральская новь». Регулярно публикуется в журналах «Октябрь» (Москва), «Полдень. XXI век» (Санкт-Петербург).

Лауреат Новой Пушкинской премии 2006 года за повесть «Спаситель Петрограда» в номинации «За новаторское развитие отечественных культурных традиций», «Бронзовая улитка» 2009 года за повесть «Глубокое бурение» и 2011 года за повесть «Высокое давление».

Женат, двое детей, живёт в городе Соликамск Пермского края.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

Большое и таинственное дело

1920 год. Бандитский Петроград	7
1911 год. Некрасивая история.....	24
1920 год. Прямой канал	34
1917 год. Общее событие.....	49
1920 год. Мокрое, красное	57
1919 год. Личная выгода.....	79

Часть вторая

Коварство и любовь

1920 год. Заложник.....	84
1919 год. Визит	93
1920 год. Прикосновение	100
1920 год. Март	105
1920 год. Пропавшие люди	110
1920 год. Апрель	121
1920 год. Две незнакомки	123
1920 год. Май	139
1920 год. Штурм Зимнего	145
1920 год. Июнь	169

Часть третья

Общий замысел

1920 год. Агент Пантелкин	174
1912–1918 годы. Дядя Леннарт.....	184
1920 год. Визит дамы.....	203
1918–1920 годы. Дядя Леннарт	215
1920 год. Мышеловка	223
1920 год. На самом деле.....	233
1920 год. Сообщение.....	240
1920 год. Малина.....	249
1920 год. Конец Белки.....	257
Эпилог	264

Многопользовательская онлайн
стратегия по мотивам литературного
сериала «Этногенез»

www.voina.ru

www.etnogenez.ru

Литературно-художественное произведение

Алексей Лукьянов

БАНДИТЫ

Книга первая

Ликвидация

Руководитель проекта Константин Рыков
Редактор Полина Волошина
Корректор Наталья Витько
Выпускающий редактор Дмитрий Гусев
Арт-директор, автор обложки Алексей Гонтов
Вёрстка Эрик Брегис
Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин
Правовое сопровождение: Юлия Полянцева,
Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательство «Этногенез»
Россия, 127055, г. Москва, Угловой переулок, д. 4
тел. / факс: +7 (495) 660 04 67
www.etnogenez.ru

Подписано в печать 07.10.13 г. Формат 164x215
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 11,5 pt
Условных печатных листов — 17

Заказывайте книги почтой в любом уголке России:
123022, Москва, а/я 71 «Книги-почтой»
или на сайте www.shop.avanta.ru
Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквью:
тел./факс: +7 (495) 259-60-44, 259-41-71

Издательская группа АСТ
www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: +7 (495) 615-01-01, факс: +7 (495) 615-51-10
zakaz@ast.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980 Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 14
тел: (8422) 41-11-07
факс: (8422) 41-11-32